

Министерство образования и науки Российской Федерации

Пензенский государственный технологический университет

Институт гуманитарного образования и тестирования

**РОССИЯ В МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В ГУМАНИТАРНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ**

**Материалы XI Международной научно-практической конференции
(Москва – Пенза, 29–30 октября 2021 г.)**

**Москва – Пенза
2021**

УДК 81.39:81.271
ББК 81.2:71.0 Р17

Ответственные редакторы:

Жаткин Д.Н., доктор филологических наук, профессор, академик Международной академии наук педагогического образования, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, заслуженный работник культуры Пензенской области, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенского государственного технологического университета;

Круглова Т. С., доктор филологических наук, директор Института гуманитарного образования и тестирования.

Редакционная коллегия:

77. Ф. Адлейба, Л.Г. Кихней, Е.В. Комольцева, Е.Г. Кузовникова, Н.С. Футляев.

Статьи даны в авторской редакции Ответственность за содержание статей несут авторы статей

Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере [Текст]: материалы XI Международной научно-практической конференции (Москва - Пенза, 29-30 октября 2021 г.) / отв. ред. Д.Н. Жаткин, Т.С. Круглова. - Москва - Пенза, 2021. - 167 с.

Статьи, опубликованные в сборнике, отражают результаты теоретических и экспериментальных научных исследований в области русской и зарубежной филологии, межкультурной коммуникации, методики преподавания русского языка как иностранного, проводимых учёными, преподавателями, аспирантами и студентами российских и зарубежных вузов. Публикуемые материалы предназначены для научно-педагогических работников, педагогов-практиков, административных работников образования, аспирантов, студентов.

УДК 81.39:81.271
ББК 81.2:71.0

© Пензенский государственный
технологический университет, 2021 ©
Институт гуманитарного образования и
тестирования, 2021

ISBN 978-5-98903-354-6

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. В. Артамонова</i> К ВОПРОСУ О ДИКТАТУРЕ И ЛЕГИТИМНОСТИ НАПОЛЕОНОВСКОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРВЫХ ГЛАВ РОМАНА Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»)	5
<i>А. Б. Борунов</i> К ПРОБЛЕМЕ КОРРЕЛЯЦИИ «ВСЕЛЕННОЙ ФАНДОРИНА» С РЕАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОТОТИПЫ И ИХ АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ	10
<i>Е. И. Гаврилова</i> ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В МЕДИАКУРСЕ	15
<i>Н. В. Егорова</i> КОНЦЕПТ “TEACHER” В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОГО АМЕРИКАНСКОГО МЕДИАДИСКУРСА	22
<i>Д. Н. Жаткин</i> ПЕРЕВОДЫ ИЗ Р.БЕРНСА НА СТРАНИЦАХ «ОРЛОВСКОГО ВЕСТНИКА»	28
<i>Д. Н. Жаткин, Т. С. Круглова</i> АНГЛИЙСКИЕ БАЛЛАДЫ В ПЕРЕВОДАХ ВС. РОЖДЕСТВЕНСКОГО: «СТАРЫЙ МЭЙТЛЭНД»	35
<i>Л. Г. Кихней</i> РАННИЙ МАНДЕЛЬШТАМ: К ПОЭТИЧЕСКОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ АКМЕИЗМА: НОВАЯ ТРАКТОВКА СИМВОЛА	43
<i>С. А. Корниенко</i> К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ И.В. ГЕТЕ	51
<i>В. Н. Кортава, А. Ю. Багателія</i> ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ КОМИЧЕСКОГО В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА С РУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА Ф. А. ИСКАНДЕРА «КОЛЧЕРУКИЙ»)	59
<i>А. В. Ламзина</i> СОНЕТ О. УАЙЛЬДА «TO MILTON» В ПЕРЕВОДЕ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА: РАМОЧНЫЙ ТЕКСТ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОД	66
<i>Н. А. Ласукова, Н. В. Рабкина</i> «ТИХИЙ ДОН» М. ШОЛОХОВА: ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО	73

<i>Л. А. Лобанова, И. Б. Могилева</i> ИЗУЧЕНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ «БОГАТЫЙ – БЕДНЫЙ»).....	78
<i>О. В. Мурзина</i> ОБРАЗ ПОБЕДЫ И ОБРАЗ ПОРАЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СПОРТИВНЫХ СМИ.....	89
<i>Т. Л. Павлова</i> ТИПОЛОГИЯ КОНФЛИКТА В АКМЕИЗМЕ (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА «СРЕДНЕВЕКОВЬЕ»).....	95
<i>А. Ю. Писаренко</i> ОБРАЗ «СТРАННИКА» В ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ГУМИЛЕВА.....	100
<i>Д. А. Сорокин</i> ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ И В СМИ СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ...	107
<i>О. Р. Темиршина</i> ТРАДИЦИЯ СИМВОЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ: СЛУЧАЙ К. КЕДРОВА.....	116
<i>А. С. Трушина</i> К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ПЕРЕВОДА РЕЛИГИОНИМОВ В РОМАНЕ НИЛА ГЕЙМАНА «АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ».....	123
<i>А. С. Трушина</i> К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ТЕОНИМОВ В РОМАНЕ НИЛА ГЕЙМАНА «АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ».....	129
<i>А. Ю. Цицинов</i> ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ: СПЕЦИФИКА ПЕРВЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ.....	133
<i>С.Д. Чалмаз</i> EX UNGUE LEONEM: О ЧЕМ ГОВОРЯТ КОНЦОВКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ ЭЛИС МАНРО ИЗ СБОРНИКА «RUNAWAY»? (К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЭЛИС МАНРО).....	140
<i>Ю.В. Шуйская</i> АРГУМЕНТ К АВТОРИТЕТУ В НОВОЙ РИТОРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ.....	150
<i>А.А. Юдахин</i> НОВОЗАВЕТНЫЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ В. РОПШИНА (Б. САВИНКОВА) «КОНЬ БЛЕДНЫЙ» (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ).....	154

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)52

**К ВОПРОСУ О ДИКТАТУРЕ И ЛЕГИТИМНОСТИ
НАПОЛЕОНОВСКОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРВЫХ ГЛАВ
РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»)**

*И. В. Артамонова, Институт международного права и экономики
имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия*

**TO THE QUESTION OF THE DICTATORSHIP AND LEGITIMITY OF THE
NAPOLEONIAN POWER (ACCORDING TO THE EXAMPLE OF THE
FIRST CHAPTERS OF THE NOVEL BY L.TOLSTOY "WAR AND PEACE")**

*I. V. Artamonova, The Institute of International Law and Economics named
after A.S. Griboedov, Moscow, Russia*

Аннотация. В статье дается историко-литературная оценка салонных разговоров в начале романа «Война и мир», которые касаются законности наполеоновской власти. Анна Шерер демонстрирует устойчивые мировоззренческие позиции, характерные для высшего общества начала XIX века: ненависть к коронованному самозванцу служит источником сочувствия к герцогу Энгийенскому как жертве наполеоновского режима. Учитывая точку зрения, озвученную Пьером, автор предлагает многомерный подход в оценке исторических событий Л.Н. Толстым.

Ключевые слова: «Война и мир», Наполеон, наполеоновские войны, герцог Энгийенский, легитимность власти, диктатура Наполеона.

Annotation. The article provides a historical and literary assessment of the salon conversations at the beginning of the novel "War and Peace", which relate to the legality of Napoleonic rule. Anna Scherer demonstrates the stable ideological positions characteristic of high society at the beginning of the 19th century: hatred for the crowned impostor serves as a source of sympathy for the Duke of Enghien as a victim of the Napoleonic regime. Taking into account the point of view voiced by Pierre, the author proposes a multidimensional approach to assessing the historical events of L.N. Tolstoy.

Keywords: "War and peace", Napoleon, Napoleonic wars, Duke of Enghien, legitimacy of power, dictatorship of Napoleon.

E-mail: littleby@mail.ru

Наполеон как одно из ярчайших явлений на мировой политической арене, не первое столетие привлекает как историков, так и широкий круг исследователей смежных отраслей науки – культурологов, литературоведов. Необходимо отметить, что его военный гений признавался безоговорочно, а вот обстоятельства, при которых он оказался у власти, вызывали негодование в то время.

Итогом Французской революции 1789 года с приобретенным гражданским равенством стало формирование военной диктатуры Наполеона Бонапарта. Установленный режим Консульства (1799–1804) предполагал сосредоточие всей власти в его руках: назначение министров, подписание законов, определение курса внешней и внутренней политики государства. Второй и третий консулы имели номинальную власть, обладая лишь правом совещательного голоса. Для достижения власти, по мнению Е.В. Тарле, применял различные средства, такие как «дипломатия, умение идти до поры до времени на компромиссы, заключать перемирия, способность к выжиданию и к терпению. С годами он эту способность стал утрачивать, но в первые годы его правления она была налицо» [4, с. 79].

В 1805 году, которым открывается действие романа «Война и мир», Наполеон, уже достаточно изменивший на тот момент европейские границы, успешно продолжал свои военные кампании. Он был одной из самых обсуждаемых персон, и, конечно, обстоятельства, при которых он оказался у власти, будоражили всю Европу.

Монолог о «политических действиях» [5, с. 9] Анны Шерер интересен нам в качестве предмета историко-литературной оценки. Так, она видит призвание государя в том, чтобы «задавить гидру революции, которая теперь еще ужаснее в лице этого убийцы и злодея» [5, с. 9], имея в виду Наполеона, ведь он и сам говорил после Ватерлоо, что он прежде всего «человек революции» [4, с. 367].

Казнь герцога Энгийского 21 марта 1804 г. имела очень большое репутационное значение для Наполеона, а также поднимала в высших европейских кругах вопрос о легитимности его власти. Соратник Наполеона, Антуан Буле де ла Мёрт, дал четкую характеристику этому убийству представителя Бурбонского дома (эта формулировка часто ошибочно приписывается Ш.М. Талейрану или Фуше): «C'est pire qu'un crime, c'est la faute» (Это хуже, чем преступление. Это ошибка [6]). Обратим внимание на синонимический ряд значений *la faute* во французском языке: вина, грех,

ошибка. Все три дефиниции, как нам кажется, ситуативно приемлемы, однако, наиболее вероятным будет семантическое поле «ошибка».

Вспомним, что Пьер оправдывает поступок Наполеона: он говорит о «величии души» в отношении смелости «принять на себя одного ответственность в этом поступке» [5, с. 27] в соответствии с государственными интересами [4, с. 132–133]. Обратим внимание на еще одну немаловажную деталь, которая как нельзя лучше демонстрирует дальновидность Наполеона: учреждения, предназначенные для исполнения воли Первого консула, – Трибунат, Законодательный корпус и Сенат, – после расправы над герцогом Энгийским незамедлительно выдвинули идею о преобразовании пожизненного консульства в наследственную монархию [4, с. 133].

Наполеон хотел закрепить на законных основаниях легитимность своего единоличного правления, создав новую династию и новое дворянство. Для этого была необходима новая форма коронационных торжеств, подчеркивающая сакральность происходящего: пышный церемониал представлял собой собранные воедино обряды и обычаи старого режима, Каролингов и Французской революции.

Так, Бонапарт забрал корону из рук «выписанного» из Рима папы Пия VII (к слову, Карл Великий сам прибывал в Рим к папе для коронации), сам надел ее на голову, не пожелав принимать ее ни от кого, кроме себя, «и меньше всего из рук главы той церковной организации, с влиянием которой он нашел целесообразным считаться, но которую не любил и не уважал» [4, с. 136–137], – писал об этом необычайном по своей дерзости поступке историк Е.В. Тарле. С.-Ж. Лобинья так характеризовал императора в своей книге «Эпитафия Наполеона» (1845): «В век атеизма, он был его богом; великим человеком, злобным и неблагодарным, изгнавшим Бога из своего сердца <...> его дружба походила на ненависть, политика – на макиавеллизм, религия – на фатализм» [7, с. 5].

В Петербурге 30 марта (11 апреля) 1805 года был подписан коалиционный договор между Россией и Великобританией, представляющий «твердую опору против будущих узурпаций» [2, с. 69], что говорит об общем дипломатическом курсе и позиции европейских государств. Обратим внимание на отдельную секретную статью этого договора, в которой обе стороны соглашения для Франции и «для спокойствия Европы желательно было бы <...> правление <...> монархическое, основанное на принципах умеренности и справедливости» [2, с. 72].

При этом, невозможно отрицать, что всё, что происходило в то время на политическом поле, было лишь результатом игр и амбиций: отношения между Наполеоном и Александром I сложно было назвать дружескими – при внешнем миролюбивом настрое обе стороны готовились к войне.

В эту кампанию французская сторона вступала, имея высокий уровень тактической подготовки и готовности к дальним походам. «Великая» армия того времени представляла собой лучшую мировую боевую силу с отличной дисциплиной и, что критически важно, снабжением, и волевым императором-главнокомандующим [1, с. 504].

Отметим, что Наполеон посредством пропаганды и выпуска коротких идеологически выдержанных прокламаций добивался прекрасных результатов – военные боготворили своего императора, вдохновляясь его личностью и биографией. В «Жизни Наполеона» Стендаль писал: «Эта мужественная душа обитала в невзрачном, худом, почти тщедушном теле. Энергия этого человека, стойкость, с какою он при таком хилом сложении переносил все тяготы, казались его солдатам чем-то выходящим за пределы возможного. Здесь кроется одна из причин неопишуемого воодушевления, которое он возбуждал в войсках» [3].

Таким образом, Наполеон, данный Толстым в салонных разговорах через комплекс негативных эпитетов (*узурпатор, антихрист, самозванец*), противопоставлен представителю Бурбонского дома. Таким образом демонстрируются устойчивые мировоззренческие позиции, характерные для

высшего общества начала XIX века: ненависть к коронованному самозванцу служит источником сочувствия к герцогу Энгиенскому как жертве наполеоновского режима. Иная точка зрения на казнь, которую транслирует Пьер, подтверждает мысль Стендаля о Наполеоне в том, что «в славе, его окружавшей, и в его манере держать себя было нечто необычайно романическое, необычайно увлекательное» [3], а также позволяет нам говорить о неоднозначности оценки этого исторического события в ретроспективе.

Список литературы

1. *История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г.* – СПб.: Полигон, 2003. – 704 с.
2. Ключников Ю.В., Сабанин А.В. *Международная политика Новейшего времени в договорах, нотах, декларациях. Часть I. От Французской Революции до империалистической войны.* – М.: Литиздат НКВД, 1925. – 441 с.
3. Стендаль. *Жизнь Наполеона* // https://mir-knig.com/read_474695-1 (дата обращения 30.10.2021).
4. Тарле Е. *Наполеон.* – М.: Астрель; АСТ, 2009. – 413 с.
5. Толстой Л.Н. *Собрание сочинений: В 22 т. – Т.4. Война и мир / Комментарий.* Н.М. Фортунатова. – М.: Худож. лит., 1979. – 400 с.
6. *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений.* – М.: Локид-Пресс, 2003. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/3097/%D0%AD%D1%82%D0%BE (дата обращения 30.10.2021).
7. Laubignat-père C.-J. *Épitaphe de Napoléon.* – М.: Bourroux (Gannat), 1845. – 8 р.

УДК 82.09

ББК 83

**К ПРОБЛЕМЕ КОРРЕЛЯЦИИ «ВСЕЛЕННОЙ ФАНДОРИНА»
С РЕАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ: ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРОТОТИПЫ И ИХ АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ**

*А. Б. Борунов, Национальный исследовательский технологический
университет МИСиС; Институт международного права и экономики им.*

А.С. Грибоедова, Москва, Россия

**TO THE PROBLEM OF CORRELATION OF THE "UNIVERSE OF
FANDORIN" WITH REAL REALITY: HISTORICAL PROTOTYPES AND
THEIR ARCHETYPICAL TRANSFORMATION**

*A. B. Borunov, National University of Science and Technology MISIS (Moscow,
Russia); The Institute of International Law and Economics after A. S. Griboedov,*

Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена образу реального исторического лица и его взаимодействия с прототипическим образом в так называемой «вселенной Фандорина» – совокупности произведений Б. Акунина об ЭрASTE Фандорине. Рассмотрен образ известного адвоката Ф.Н. Плевако, сознательно «задвоенный» автором в двух различных текстах. Два эпизодических героя «фандоринского корпуса», прототипами которых является Ф.Н. Плевако, отсылают к реальной исторической ситуации «удвоения» – два сына Плевако носили одинаковые имена и занимались одним и тем же видом деятельности, что приводило к путанице. Доказывается, что автор использует этот прием для выявления архетипического ядра в характерах своих героев.

Ключевые слова: Акунин, фандоринский корпус, прототип, криптотекст, энигма.

Abstract. The article is devoted to the image of a real historical person and his interaction with the prototypical image in the so-called "universe of Fandorin" - a set of works by B. Akunin about Erast Fandorin. The image of the great lawyer F.N. Plevako, deliberately duplicated by the author in two different texts. Two episodic heroes of the "Fandorin corps", the prototypes of which are F.N. Plevako, refer to the real historical situation of doubling - two of Plevako's sons bore the same names and were engaged in the same type of activity, which led to confusion. It is proved that the author uses this technique to reveal the archetypal core in the characters of his heroes.

Keywords: Akunin, fandorin corpus, prototype, cryptotext, enigma.

E-mail: borunov.artem@yandex.ru

Произведения Б. Акунина об ЭрASTE Фандорине посвящены «памяти XIX столетия, когда литература была великой, вера в прогресс безграничной, а преступления совершались и раскрывались с изяществом и вкусом» - эта фраза украшает обложку каждого издания романов и рассказов о Фандорине.

Действие произведений о сыщике с незаурядными интеллектуальными способностями погружено в реалии второй половины XIX – начала XX века, и в повествовании встречаются реальные исторические лица – например, императоры Александр II («Турецкий гамбит»), Николай II («Коронация»), В.И. Ленин и И.В. Сталин («Куда ж нам плыть?»). Некоторые исторические лица выведены под вымышленными именами, в ряде случаев намекающими на реальное имя данного человека: так, А. Лукин в статье «Кто скрывается за героями Бориса Акунина: монахиня-мошенница, загадочно умерший генерал и легендарный аферист. Разбираемся с прототипами персонажей в романах про Эраста Фандорина» рассматривает образы генерала Соболева («Турецкий гамбит», «Смерть Ахиллеса») – отсылку к генералу М.Д. Скобелеву, Мити Саввина («Пиковый валет») – отсылку к корнету Николаю Савину, знаменитому аферисту и мошеннику и пр. [6].

Одним из реальных исторических лиц, выведенных на страницах «фандоринского корпуса», является Ф.Н. Плевако. В «Пиковом валете» в сцене суда Плевако одобряет действия главного героя – Момуса, выступающего в качестве адвоката: «Анисий хотел было подойти к Мимочке, но вперед вылез давешний сосед, заинтересованный комментатор судебного процесса.

– Далеко пойдете, коллега, – сказал он носатому мимочкину спасителю, покровительственно похлопал его по плечу и зашагал прочь, увесисто постукивая тростью.

– Кто это был? – спросил Анисий у служителя.

– Как же-с, – ответил тот с безмерным почтением. – Сам Федор Никифориич, господин Плевако» [1, с. 189].

Образ Плевако возникает в данном контексте как своеобразное доказательство качества выступления Момуса. В то же время выступление лже-адвоката не отличается красноречием: фактически, он манипулирует и прокурором, и судьей, в разных контекстах указывая им, что он знаком с их недобросовестностью и совершенными ими правонарушениями.

Аргументации, ярких метафор, воздействия на эмоции аудитории – отличительных черт манеры выступления Плевако – в выступлении псевдоадвоката нет, и, фактически, одобрение реального Плевако он вряд ли заслужил бы.

Другая отсылка к реалиям биографии Ф.Н. Плевако присутствует в «Статском советнике», когда упоминается о присяжном поверенном, в квартире которого проживают революционеры-подпольщики. «На квартире у присяжного поверенного, который вел сейчас в Варшаве громкое дело о гусаре, застрелившем от несчастной любви ветреную актрису, собралась большая компания: одиннадцать мужчин и одна женщина» [2, с. 102]. Речь идет о деле Александра Бартенева: «7–10 февраля 1892 года на заседании Варшавского окружного суда рассматривалось дело по обвинению корнета лейб-гвардии Гродненского гусарского полка Александра Бартенева в умышленном убийстве артистки Варшавского драматического театра Марии Висновской. Председателем суда был Александр Чернявский, обвинителем – товарищ прокурора барон Эмилий Раден. Защищал Бартенева присяжный поверенный Федор Плевако – один из известнейших адвокатов своего времени» [7, с. 466]. Дело Бартенева было резонансным, и речь Плевако формально не увенчалась успехом: он настаивал на переквалификации деяния в непредумышленное убийство, но присяжные признали Бартенева виновным в предумышленном убийстве. Впоследствии Бартнев был оправдан и наказан разжалованием указом императора.

У присяжного поверенного в тексте «Статского советника» есть сын, сочувствующий «Боевой группе», Арсений Зимин. Его отец также носит фамилию Зимин, что упоминается в тексте: «Это квартира известного адвоката Зимина на Мясницкой. Поскольку Зимин сейчас находится на процессе в Варшаве – об этом пишут все газеты – я послал своих агентов осторожно поинтересоваться, что за стеснительный господин не захотел говорить с Сергеем Витальевичем» [2, с. 288].

Присяжный поверенный Зимин – явное alter ego Ф.Н. Плевако, так как присутствует явная отсылка к узнаваемым деталям его биографии – участию в процессе в Варшаве. Представляется, что задваивание образа Плевако в «фандоринском корпусе» не случайно, а связано с определенными особенностями биографии великого юриста. Плевако был отцом двух сыновей с одинаковыми именами – Сергей Федорович Плевако: «Примечательно, что сын Плевако от первого брака и один из сыновей от второго впоследствии стали известными адвокатами и работали в Москве. Еще более примечательно то, что их обоих звали Сергеем» [4]. Это, по свидетельству очевидцев, приводило к путанице. Необычная страница биографии – наличие двух детей с одинаковыми именами, и при этом оба унаследовали занятие отца – как представляется, обыгрывается в задваивании образа самого Плевако в «фандоринском корпусе». Отметим, что другие исторические лица, ставшие прототипами эпизодических персонажей романов и рассказов о Фандорине, не подвергаются такому удвоению, за исключением потенциального прототипа самого сыщика. А. Лукин утверждает, что прототипом Фандорина является известный предприниматель Владимир Карлович фон Мекк, который частично «поделился» своей биографией с самим Фандориным, частично – с персонажем рассказа «Из жизни щепок» наследником железнодорожной империи Сергеем Леонардовичем фон Маком. С Фандориным фон Мекка роднит происхождение от обрусевших немцев с фамилией с элементом «фон» и внешность, запечатленная на портрете: «С легкой руки Акунина в той же повести Эраст Петрович сталкивается и с фон Мекком собственной персоной. Читателям он предстает под именем Сергея Леонардовича фон Мака. Описывая его внешность, Фандорин по факту описывает себя. Ну или себя таким, каким его видит автор. Такое вот наблюдение за наблюдающим и двойная постмодернистская игра Бориса Акунина» [6].

Отметим, что у самого Фандорина, как и у Плевако, два сына, причем ни с одним из них он не выстраивает отцовско-сыновних отношений. Сын от

Мидори, героини «Алмазной колесницы», знает, что Фандорин – его отец, но самому Фандорину это остается неизвестным, а сын от Моны Турусовой, Александр Фандорин, которому суждено продолжить династию и стать предком современных Фандориных, действующих в книгах серии «Приключения магистра» и «Детская книга», рождается уже после смерти отца, что описано в романе «Не прощаюсь».

Таким образом, задваивание литературного героя и сложные взаимоотношения героя и прототипа становятся важной циклообразующей скрепой фандоринского корпуса.

Список литературы

1. Акунин Б. *Особые поручения*. – М.: Захаров, 2020. – 368 с.
2. Акунин Б. *Статский советник*. – М.: Захаров, 2020. – 352 с.
3. Борунов А.Б. *Сквозные образы как циклообразующие скрепы «Фандоринского корпуса»: концепт правителя // Научный диалог*. – 2020. – №12. – С. 123–132.
4. Зеленко-Жданова О. *Московский златоуст. Федор Никифорович Плевако* // <https://topwar.ru/72300-moskovskiy-zlatoust-fedor-nikiforovich-plevako.html>
5. Кихней Л.Г., Герейханова К.Ф. *«У шкатулки второе дно...»: к интертекстуальным парадоксам Бориса Акунина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Литературоведение. Журналистика*. – 2017. – Т. 22. – № 4. – С. 608–613.
6. Лукин А. *Кто скрывается за героями Бориса Акунина: монахиня-мошенница, загадочно умерший генерал и легендарный аферист. Разбираемся с прототипами персонажей в романах про Эраста Фандорина* // <https://journal.bookmate.com/geroi-akunina/>
7. Потапчук И.В. *Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века*. – Тула: Автограф, 1997. – 852 с.

УДК 14:339.92(4/5)

ББК 60.524.224.022

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В МЕДИАКУРСЕ

*Е.И. Гаврилова, Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово, Россия*

THE MAIN CHARACTERISTICS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE MEDIA COURSE

E.I. Gavrilova, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Аннотация. Статья посвящена изучению основных характеристик межкультурной коммуникации, представленных в медиадискурсе. Медиадискурс рассматривается как сложное структурно-семантическое образование, аксиологическая система, обладающая определенной функциональной перспективой; как область реализации конкретных ценностей или их граней в зависимости от ситуативного контекста; как актуализация взаимодействия структур текста с экстралингвистическими факторами. Материал может быть использован в процессе изучения концептосферы, а также особенностей структурно-семантической организации массмедийного дискурса.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, медиадискурс, СМИ, семантика, межкультурный диалог.

Abstract. The article is devoted to the study of the main characteristics of intercultural communication presented in the media discourse. Media discourse is considered as a complex structural and semantic formation, an axiological system with a certain functional perspective; as an area of realization of specific values or their facets, depending on the situational context; as an actualization of the interaction of text structures with extralinguistic factors. The material can be used in the process of studying the conceptual sphere, as well as the features of the structural and semantic organization of mass media discourse.

Keywords: intercultural communication, mediadiscourse, mass media, semantics, intercultural dialogue.

E-mail: ecaterina.gavrilova@yandex.ru.

Для лингвистических исследований XXI века характерно стремление к комплексному рассмотрению языковых явлений с точки зрения связей языка с действительностью. В данной связи все чаще исследователи обращаются к изучению дискурса, представляющего собой сложное структурно-семантическое образование. Это широкая область, в центре которой находятся отношения между человеком, его опытом и коммуникативной деятельностью. Можно утверждать, что в настоящее время дискурс является одним из самых актуальных, перспективных и продуктивных направлений лингвистики. В.З.Демьянков называет одну из важнейших характеристик дискурса: «Дискурс

стал и остается специальным термином наук о человеческой духовности» [5]. В.И. Карасик определяет дискурс с позиции социолингвистики как общение людей в зависимости от их принадлежности к определенной социальной группе или применительно к конкретной речеповеденческой ситуации [7, с. 194]. Учитывая внешне- и внутритекстовые характеристики речи, В.И. Карасик предлагает следующую классификацию категорий дискурса: 1) конститутивные, которые позволяют отличить текст от нетекста; 2) жанрово-стилистические, которые характеризуют тексты в плане их соответствия функциональным разновидностям речи; 3) содержательные (семантико-прагматические), которые раскрывают смысл текста; 4) формально-структурные, которые характеризуют способ организации текста [7, с. 288]. А. В. Олянич предлагает классификацию, опирающуюся на виды потребностей. Так, потребности в поддержании жизни (пище) соответствует глоттонический дискурс, потребности во власти – политический дискурс, потребности в вере – политический дискурс и др. [11, с. 44–45]. Вместе с усложнением качества потребностей увеличивается количество дискурсов, поддерживающих ту или иную сложную потребность. Каждый тип дискурса имеет свои специфические особенности и воздействует на структурно-семантическую организацию текста, лежащего в основе дискурса. В своем исследовании автор отмечает, что человек для реализации своих потребностей вынужден определенным образом использовать имеющиеся у него языковые возможности. Обращаясь к когнитивно освоенному и ментально закрепленному информационному тезаурусу, он извлекает необходимый кластер понятий и концептов, облакает их в языковые формулы и определенным образом структурирует свою речь, создавая соответствующий дискурс, сопоставляемый с той или иной потребностью или несколькими потребностями сразу [11, с. 48]. В данной связи медиадискурс, безусловно, как отмечает цитируемый автор, реализует потребность в информации [11, с. 44–45]. Особую роль играет медиадискурс в пространстве межкультурной коммуникации.

Особое место в дискурсивной системе занимает медиадискурс, оказывающий влияние на формирование ценностных ориентиров личности и общества, предопределяющий, по сути, их развитие (М.Р. Желтухина, В. А. Буряковская, Т. Г. Добросклонская, А. Л. Факторович, О. В. Ширяева, Э. В. Чепкина и др.). Как отмечает А. В. Олянич, новости выступают как общественно значимое содержание, новое знание о нас и окружающем нас мире, которое влияет на нас [12, с. 136–137]. Цитируемый автор подчеркивает, что «массово-информационный дискурс напрямую сопряжен с ценностным знанием» [4, с. 143], репрезентируемым посредством аксиогенных ситуаций.

Основой дискурса выступает текст, который, по мнению Н. Ф. Алефиренко, является сложным и противоречивым понятием, так как одновременно создает самостоятельный уровень и в то же время выступает в качестве единицы синтаксического уровня [1]. Цитируемый автор приходит к выводу о том, что текст — это «целостное коммуникативное образование, компоненты которого объединены в единую иерархически организованную семантическую структуру коммуникативной интенцией (замыслом) его автора» [1].

Особые характеристики приобретают тексты, переходящие в плюралистическое пространство полилога. В. П. Литвинов называет язык понятием плюралистическим, существующим в связи с множественностью языков [9; 10, с. 7], функционирующих для вербализации различных форм мировидения, различных концепций структурирования мира. Кроме этого, следует назвать межкультурные различия в социальной сфере, включающие различное стратификационное членение общества, различия в статусе, расхождения в используемых системах кодов. С социальной точки зрения язык выступает как совокупность социолектов, определяемых культурой и страной [8]. Актуальность исследований в данной сфере определяется: 1) растущим интересом к проблемам диалога культур; 2) вниманием исследователей к структурно-семантической организации дискурсивных сфер; 3) спецификацией

характеристик медиадискурса, оказывающего значительное воздействие на картину мира общества; 4) важностью выявления аксиологических ориентиров социума; 5) отсутствием единого метода анализа медиадискурса.

Рассматривая текст, мы одновременно входим в пространство герменевтического опыта, учитывающего наличие рефлексии, рефлексивной реальности, граней понимания и многогранности объекта. Семантизирующий и когнитивный уровни понимания теряют в тексте свою значимость и отдают первенство процессу распределения. Безусловно, процесс понимания глубоко субъективен, множество интерпретаций и интерпретирующих смыслов непосредственно связано с индивидуальными особенностями читателей и исследователей, с уровнем их развития, с горизонтом их рефлексивной реальности.

В данной связи первостепенную роль играет понятие мышления, что неоднократно подчеркивали Г. П. Щедровицкий, В. В. Виноградов [4; 10] и многие другие исследователи. Важность рассмотрения языка и мышления как двух взаимосвязанных и взаимоопределяющих систем отмечал Н. Хомский [15, с. 24]. В. А. Звегинцев писал о том, что исходной в процессе диалога выступает мысль, сообразуемая с особенностями языка, использующая слова как средство «деятельности мышления» [6, с. 168]. Мысль и речь, по мнению ученого, – это деятельность, а смысл – некоторое образование, результат этой деятельности [6, с. 169]. Успешность диалога «автор — реципиент» связана с уровнем знаний (как автора, так и читателя) о ценностных приоритетах лингвокультур, способах их концептуализации и вербализации. Формирование знания предстает результатом непрерывного диалога, в рамках которого языковые формы выступают как исходная точка процесса кристаллизации концептуальных сущностей.

Межкультурный диалог репрезентирует формы бытия, а рефлексия позволяет постичь формы реализации сознания. Являясь связкой между опытом и представленной в тексте конкретной аксиогенной ситуацией, рефлексия объединяет опыт памяти при семантизирующем понимании, опыт знания при

когнитивном понимании, опыт значимых переживаний при распредмечивающем понимании [2] и таким образом определяет ориентиры в смысловом мире медиадискурса.

Г. Я. Солганик отмечал значительное влияние, которое оказывает язык газеты на другие разновидности литературного языка, а также на общество в целом [14]. С другой стороны, В. А. Буряковская акцентирует внимание на лексиконе медиадискурса, который, по мнению автора, состоит преимущественно из «престижной» лексики, профессионализмов, жаргонизмов, речевых штампов и др. [3, с. 56]. А. В. Олянич отмечает эмотивность и оценочность как основные характеристики дискурса СМИ: «Дескрипции СМИ всегда оценочны: как правило, рекомбинация смыслового содержания концептов заключается в выведении для публичного представления их эмотивного смыслового сектора и одновременном затушевывании номинативного компонента концепта, подвергнутого публичному представлению» [15, с. 115–116].

Семантика слова в медиадискурсе определяется контекстом, усиливающим или даже изменяющим словарное значение слова до противоположного. Ключевые слова стоят в центре основополагающих понятий и, безусловно, становятся важным способом выражения узловых моментов авторского миропонимания, они играют роль точки кристаллизации понимаемого содержания, постепенно обрастающего смыслом и вбирающего в себя все контекстуальные значения в тексте. Ключевые слова, которые стоят в центре основополагающих концептов, определяют структурно-семантическую организацию текстов и сопряжены с особенностями медиадискурса, в рамках которого они функционируют.

В медиадискурсе проблемы межкультурного взаимодействия получают особую репрезентацию. К основным характеристикам данного типа коммуникации, представляющим формы и виды диалога, журналисты относят:

1. Проведение фестивалей, способствующих укреплению взаимопонимания между народами.

2. Результаты конкурсов и рейтингов мирового уровня, демонстрирующих национальные достижения на международном уровне, участие в различных проектах: Москва вошла в число лидеров мирового рейтинга по качеству школьного образования сразу по двум номинациям международной программы по оценке учебных достижений Programme for International Student Assessment (PISA) 2018. Об этом сообщила 2 ноября заммэра столицы по вопросам социального развития Анастасия Ракова (iz.ru).

3. Безусловно, все проекты являются возможными только в рамках мирного существования и сосуществования разных стран, единства интересов и поддержки в различных областях, прежде всего в военной области, примером которого является проведение совместных учений войск России и Беларуси: Минобороны РФ сообщило, что в марте пройдут совместные российско-белорусские учения Воздушно-десантных войск России и Сил специальных операций Вооруженных сил Белоруссии, передает ТАСС (aif.ru).

4. Увеличение программ, формирующих знания в области межкультурного взаимодействия.

5. Укрепление коммуникации между народами в рамках личных диалогов представителей стран и министерств, в ходе которых обсуждаются вопросы развития дружеских и деловых отношений, а также совместных образовательных проектов (kr.ru).

6. Анонсирование фильмов и мероприятий, способствующих развитию межкультурного диалога: это фильм про любовь — а еще про межкультурный диалог, подразумевающий, что любить и принимать друг друга нам приходится вместе со всеми недостатками. В том числе в виде большой дружной семьи (gazeta.ru).

8. Создание международных исследовательских групп и проектов: Международная группа ученых разработали сайт под названием D-PLACE по адресу d-place.org, который содержит информацию по всему разнообразию видов человеческой культуры разных народов мира. В нее входят языки,

география, культура и окружающая среда более 1400 человеческих обществ (gazeta.ru).

Таким образом, анализ текстов медиадискурса позволяет констатировать увеличение международных связей, интенсивное развитие межкультурного диалога на различных уровнях, способствующее укреплению связей, понимания и взаимопонимания.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Дискурс как смыслопорождающая категория (дискурс и вторичное знакообразование) // Язык. Текст. Дискурс: Межвузовский науч. альманах / Под ред. Г. Н. Манаенко. – Ставрополь: ПГЛУ, 2005. – Вып. 3. – С. 2–6.

2. Богин Г. И. Интерпретация текста. – Тверь: Изд-во ТГУ, 1995. – 89 с.

3. Буряковская В. А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков): Монография. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. – 228 с.

4. Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. – М.: Высшая школа, 1981. – 320 с.

5. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык, культура, общество: IV Междунар. науч. конф., Москва, 27–30 сентября 2007 г.: Пленарные доклады. – М.: Москов. ин-т иностранных языков; Российская акад. лингвист. наук; Институт языкознания РАН; Научный журнал «Вопросы филологии», 2007. – С. 86–95. Режим доступа: http://www.infolex.ru/Dem_Publ.html (дата доступа: 24.10.2021).

6. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. – 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 248 с.

7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

8. Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.: Гнозис, 2007. – 368 с.

9. Литвинов В. П. Полилогос: проблемное поле. Опыт первый. Опыт второй. – Тольятти, 1997. – 180 с.
10. Литвинов В. П. Работа логоса. – Пятигорск: ПГФА, 2007. – 177 с.
11. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: Монография. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
12. Олянич А. В. Потребности – дискурс – коммуникация: Монография. – Волгоград: ФГБОУ ВПО Волгоградский ГАУ, 2014. – 216 с
13. Олянич А. В. Драматургия масс-медиального дискурса как управление созданием новостей // Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике и праве: Тезисы докладов междунар. науч.-практ. конф., Волгоград, 19–21 мая 2005 г. / Отв. ред. М. Р. Желтухина; НОУ ВИБ; ИЯ РАН. – Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2005. – С. 113–116.
14. Солганик Г. Я. О языке и стиле газеты // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие / Отв. ред. М. Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 2003. — Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text12/15>. — Дата доступа: 24.10.2021.
15. Chomsky N. *Language and Mind*. – N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich Inc., 1968.

УДК 070

ББК 76.02

**КОНЦЕПТ “TEACHER” В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОГО
АМЕРИКАНСКОГО МЕДИАДИСКУРСА**

*Н. В. Егоршина, Военный университет Министерства обороны имени
Александра Невского, г. Москва, Россия*

**THE “TEACHER” CONCEPT IN THE REPRESENTATION OF THE
MODERN AMERICAN MEDIADISCOURSE**

*N. V. Egorshina, Military University of the Ministry of Defense in the name
of Alexander Nevsky, Moscow, Russia*

Аннотация. Статья посвящена репрезентации концепта “teacher” в современных американских СМИ периода пандемии и постпандемии. Проанализированы цитаты,

демонстрирующие, что образ учителя/преподавателя в современном медиадискурсе ассоциируется, в первую очередь, с преодолением трудностей. В качестве трудностей позиционируются не только реалии дистанционного обучения, но и психологическое давление со стороны учеников. Главной составляющей образа учителя стала постоянная борьба.

Ключевые слова: концепт, медиадискурс, учитель, пандемия, американские СМИ.

Abstract. The article is devoted to the representation of the concept “teacher” in modern American media during the period of pandemic and post-pandemic. The authors analyzed quotes demonstrating that the image of a teacher in modern media discourse is associated, first of all, with overcoming difficulties. Not only the realities of distance learning, but also psychological pressure from students are positioned as difficulties. Constant struggle has become the main component of the teacher's image.

Keywords: concept, media discourse, teacher, pandemic, American media.

E-mail: egorshina.n@mail.ru

Работа преподавателя в высшей школе и учителя в школе пережила существенные трансформации в эпоху пандемии. Реалии онлайн-обучения, дистанционного взаимодействия с учениками и прочие элементы современной деятельности преподавателя существенно трансформировали его репрезентацию в современном медиадискурсе. Для объективного анализа этого процесса трансформации были привлечены контексты из американских СМИ – “The New York Times”, “The Guardian”, “The Independent” и пр. – с репрезентацией слова “teacher”. Проведенный анализ 500 контекстов, взятых за период январь 2020 – октябрь 2021 года, позволил выделить следующие особенности репрезентации (в порядке убывания):

1. Ценность, смысл и миссия профессии учителя – в передаче знаний, наставничестве. СМИ склонны измерять эту ценность в деньгах:

A new study suggests a great teacher is worth hundreds of thousands of dollars in increased earning power to students. It's time to overhaul our education policy.

Revenues from a \$56.6 million mill levy override would pay for high-quality teachers, college and career readiness, early literacy, and classroom technology.

Why I Teach

Being a good teacher is hard. So is maintaining democracy. Our political leaders should take note.

The Value of Teachers

A new study suggests a great teacher is worth hundreds of thousands of dollars in increased earning power to students. It's time to overhaul our education policy.

Teaching Professors to Become Better Teachers

Many colleges are taking steps to help faculty members motivate and engage their students as new technology and research on effective techniques become available.

Подчеркивается необходимость постоянно быть в курсе, не только учить, но и постоянно учиться самому.

2. Часто акцентируются вопросы о нарушении прав учителя как работника: достаточно большая часть контекстов, выделенных в американских СМИ, посвящена забастовкам учителей и нарушению их прав:

Chicago Teachers' Strike, Longest in Decades, Ends.

Teachers in Chicago Public Schools, the country's third-largest district, said they would return to school after an 11-day walkout.

Warren Backs Chicago Teachers on Strike

Senator Elizabeth Warren joined picketing Chicago public school teachers, and the Democratic presidential candidate said she would be an ally for public education in Washington if elected

Chicago Teachers' Strike Tests Mayor on the Promises She Ran On

Mayor Lori Lightfoot promised to address inequities in the city and add school nurses and librarians. But she hasn't reached a deal with the Chicago Teachers Union.

Polish Teachers End Strike to Allow Exams but Tell Government It's Not Over

A three-week work stoppage forced thousands of schools to close, posing a challenge for the governing party ahead of national elections.

Gov. Matt Bevin of Kentucky Is Criticized for Blaming Teacher Strikes for Girl's Shooting

The remarks were the latest to ignite controversy for the governor, who had previously linked the teachers' strikes with a rise in crimes committed against or by children.

3. Учителю приходится отстаивать свои права – бороться с насилием со стороны учеников и притеснением со стороны администрации. Тем самым актуализируется мысль о его социальной незащищенности – с одной стороны – и праве на отстаивание своей жизни с оружием в руках – с другой.

Professors, Beware. In China, Student Spies Might Be Watching.

In a throwback to the Mao era, China is deploying students as watchdogs against teachers. It's part of a campaign by President Xi to eliminate dissent.

Florida Teachers Can Now Carry Guns at School

A hotly debated law passed in May that would allow some teachers to carry firearms in the classroom takes effect Tuesday.

Elizabeth Warren Details Her Account of Losing Teaching Job Because of Pregnancy

It is one of Elizabeth Warren's signature anecdotes in her stump speech: By the end of her first year as a public-school teacher, she was "visibly pregnant," and the principal wished her luck and hired another teacher to replace her.

A Teacher Is Fired Over a Topless Selfie, Stirring a Debate Over Gender Equity

Lauren Miranda, 25, was fired from a Long Island school after a student obtained a topless selfie she said she had sent to a teacher she had dated.

Douglas County School District accused of forcing two ill teachers into retirement

Retired teacher sues Denver police officers for excessive force, false arrest.

Douglas County students walk out to protest teacher turnover.

A boisterous crowd of 100 or so students walked out of Ponderosa High School on Wednesday morning to highlight what they say is an excessive departure rate among teachers at the school and within the Douglas County School District.

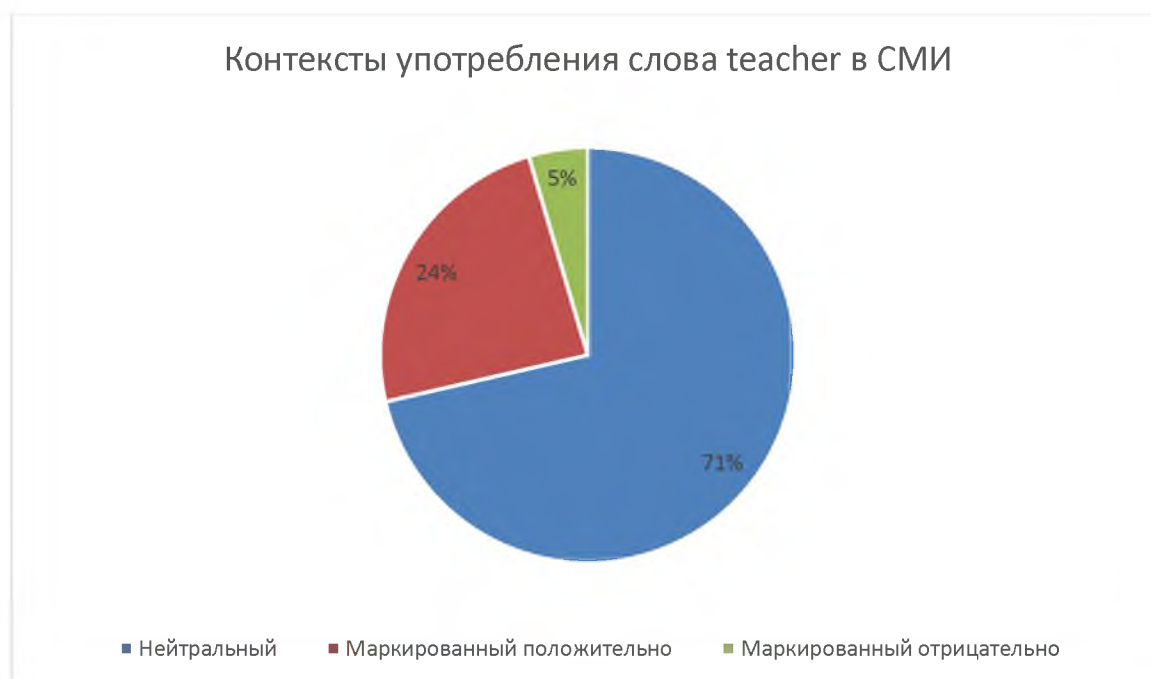
4. Часто в СМИ обсуждается статус учителя и ученика в связи с реалиями пандемии и карантина: новые условия работы и учебы существенно скорректировали образ жизни современных преподавателей и их учеников, и профессия учителя оказалась обсуждаемой и в этом разрезе:

Standardized testing amid COVID-19 pandemic will do kids and teachers more harm than good.

Testing now will produce flawed data, increase stress and distract from efforts to keep students safe and repair the education damage caused by COVID.

В целом, контексты из средств массовой информации в большинстве случаев не формируют ни положительной, ни отрицательной оценки понятия «учитель» и не направлены на целенаправленное или случайное построение какой-либо ценности. Человека, ставшего героем новостей, обозначают через профессию, статус, и в контексте обсуждаемой новости не так важно, учитель он, строитель или архитектор. Всего было выделено 500 контекстов из современных СМИ, статистика по которым распределяется следующим образом:

Диаграмма 1. Контексты употребления слова teacher в современном медиадискурсе

К «нейтральным» относим контексты типа “Teacher tenure in California upheld by appeals court. Teachers' unions joined the state in defending the tenure laws”. В данном контексте речь идет о забастовке и никак не формирует оценки профессии учителя – представитель любой профессии может бастовать и отстаивать свои права, обращаясь к закону. В целом, среди выделенных

контекстов чрезвычайно часто возникает тема забастовки и несправедливого увольнения учителя или принуждения к увольнению, против которого учитель борется. Подчеркнем, что, по нашему мнению, это мало взаимодействует с аксиосферой – в соответствии с обозначенной выше структурой «пирамиды» новостей учитель просто попадает в контекст освещения событий, так как происходит нечто экстраординарное (забастовка).

В образе учителя безотносительно нейтральных контекстов акцентируются следующие позитивные и негативные черты (см. Таблицу 1):

Таблица 1. Аксиологическая репрезентация концепта teacher

+	-
постоянная готовность к самообучению, стремление к новому	властность, произвольное и необъективное принятие решения в отношении учеников
передача знаний, наставническая функция	насилие на занятии и вне его
самоотверженность, готовность жертвовать собой, своим свободным временем	
ролевая модель для учеников, коммуникативный и социальный образец для подражания	

В целом, образ учителя в медиадискурсе остается позитивным – несмотря на закономерность организации медиадискурса, в силу которой в объектив освещения новостей попадают, главным образом, отрицательные события – насилие, забастовки и пр.

В современном американском медиадискурсе образуется «круг концептов», связанных с представлением школьного и высшего образования. Ключевыми являются концепты teacher, student и university, которые имеют неравнозначный вес в аксиосфере.

На первое место следует поставить концепт *teacher*, в котором акцентируется важность миссии, труда учителя по передаче знаний и умений, привлекается внимание к вопросу о статусе учителя и его миссии.

Список литературы

1. *Bell A. Approaches to Media Discourse.* – L.: Blackwell Publishers, 1998. – 304 с.
2. *Bonvillain N. Language, Culture, and Communication.* – L.: Pearson, 2019. – 416 с.
3. *Hennessy B. Writing Feature Articles.* – L.: Focal Press, 2018. – 432 с.
4. *Montgomery M. Key Concepts in Communication and Cultural Studies.* – NY: Routledge, 2017. – 367 с.
5. *Philipson R. Linguistic imperialism.* – NY: Routledge, 2018. – 365 с.
6. *Schiffrin D. Approaches to Discourse.* – Oxford, 1994. – 526 с.

УДК 81

ББК 83.3(2Рос=Рус)

ПЕРЕВОДЫ ИЗ Р.БЕРНСА НА СТРАНИЦАХ «ОРЛОВСКОГО ВЕСТНИКА»¹

*Д.Н. Жаткин, Пензенский государственный технологический университет,
г. Пенза, Россия*

TRANSLATIONS FROM R. BURNS ON THE PAGES OF THE «ORLOVSKY BULLETIN»

D.N. Zhatkin, Penza State Technological University, Penza, Russia

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот переводы из Роберта Бернса, опубликованные за подписью N.N. в «Орловском вестнике» от 26 января 1894 г. Установлено, что переводы были выполнены Н. Новичем (Н.Н.Бахтиным), причем стали его первым обращением к творчеству шотландского поэта. Отмечена необходимость изучения

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00080 «Русский Бернс: переводы, исследования, библиография. Создание научно-информационной базы данных»).

провинциальной периодики конца XIX – начала XX в. на предмет выявления фактов рецепции произведений зарубежных авторов.

Ключевые слова: Р.Бернс, художественный перевод, традиция, рецепция, межкультурная коммуникация, «Орловский вестник».

Annotation. The translations from Robert Burns published under the signature of N.N. in the «Orlovsky Bulletin» of January 26, 1894 are introduced in the article. It has also been established that the translations were made by N. Novich (N.N.Bakhtin) and moreover became his first appeal to the poetry of the Scottish poet. The need to study the provincial periodicals of the late XIX - early XX centuries has been noted in order to identify the facts of reception of poetical works by foreign authors.

Keywords: R. Burns, literary translation, tradition, reception, intercultural communication, «Orlovsky Bulletin».

E-mail: ivb40@yandex.ru.

В нашей статье «Дорогами русского Бернса», опубликованной в 2016 г. в пятом томе сборника «Художественный перевод и сравнительное литературоведение» [1, с. 3–85], были названы десять переводов Н.Новича (Н.Н.Бахтина) из Роберта Бернса, при этом указывались публикации этих переводов, относящиеся к 1895–1904 гг. [2, с. 198; 3, с. 31–32, 52–53, 56–57; 4, с. 47; 5, с. 59, 60, 96–99], отмечалось, что Н.Нович (Н.Н.Бахтин) мастерски воссоздавал колорит бернсовских песен и баллад, во многих случаях умело передавал настроение оригиналов, однако достаточно вольно подходил к трактовке не только художественных деталей, но и мотивов произведений, произвольно сокращал их, вносил дополнения, произвольно варьировал метрику [см.: 1, с. 31]. Вместе с тем вне внимания исследователей творчества Бернса оставались публикации переводов произведений Р.Бернса, осуществленные Н.Новичем (Н.Н.Бахтиным) в газете «Орловский вестник» от 26 января 1894 г. за подписью N.N., хотя о них писал еще С.А.Венгеров, атрибутировавший их переводчику [см.: 6, с. 426]. Вместе с тем семь переводов произведений Р.Бернса, опубликованные в «Орловском вестнике» и с тех пор более ни разу не републиковавшиеся, дополняют представление не только о деятельности Н.Новича (Н.Н.Бахтина) как переводчика английских поэтов, но и об обстоятельствах русской рецепции творчества великого шотландского автора.

Видение

У старой башни я стоял,
Полуразрушенной, забытой;
Свободно ветер в ней гулял,
И мхом была она покрыта.
 Дышало в воздухе грозой;
 Луна, закутанная в тучи,
 Бросала свет сквозь них порой,
 Как наше счастье летучий.
И предо мною в этот миг,
Среди разгневанной природы,
Предстал величественный лик,
Принявший вид певца свободы.
 Я с чувством трепета внимал
 Словам ее пророчеств славных;
 Ее чело девиз венчал:
 Освобождение неправных.
Про настоящее она
С глубокой скорбью песню пела,
Но на иные времена
Надежду горькую имела.
 Своею песнью мертвецов
 Будить могла б она в могилах;
 Глубокий смысл тех вещей снов
 Язык мой выразить не в силах.

* * *

Я занят службой; спору нет,
Акциз – главнейший мой предмет;
Но всё же, музы, вам привет
 Мне дорог будет,
Не то мой собственный бюджет
 Как раз убудет.
О музы, лик ваш неземной
Любим кастальскою волной,
И поцелуй ваш – нектар мой,
 Но вам известно,
Что на земле наш долг прямой –
 Трудиться честно.
Моя жена уж мать двоих;
Одеть, обусть мне нужно их;
Таков предмет забот моих,
 И в честном деле
Трудов не жаль мне никаких
 Для этой цели.
Пошли, о Боже, бодрость мне!
Я часто плачу в тишине.
Бедней себя в родной стране
 Могу встречать я...

Зачем не равны мы вполне?
Ведь, все мы – братья!
Кто тверд душой, иди вперед:
Ты – муж, и ум тебя ведет.
Кто сердце страсти отдает,
Тот жалкий воин;
Кто всё, что может, в жизнь кладет,
Тот жить достоин.
Пора поэзию бросать:
Уж я устал стихи писать.
Жену с семьёю содержать,
Для них трудиться –
Высоким долгом можно звать,
И им гордиться.

* * *

Где под горой ручей течет,
Где, как ковер, весь луг в цветах,
Там мой возлюбленный живет –
Красивый, стройный ткач.
Однажды девять богачей,
Владельцев злата и полей,
Пришли просить руки моей,
Но ей владел уж ткач.
Отец тому меня судил,
Кто всех других богаче был,
А я – тому, кто был мне мил:
То был красивый ткач.
Покуда луг еще цветет,
Покуда хлеб в полях растёт,
Пока весна в душе живет,
Мне будет дорог ткач.

* * *

Друг мой милый, друг прекрасный,
Друг бесценный, будь моей!
Я лелеять буду страстно
На груди тебя своей.
От тебя я в восхищеньи,
Не свожу с тебя очей;
Сердце бьется; я в волненьи;
Отвечай же мне скорей!
Вся ты блещешь красотой,
Как сиянием лучей;
Я готов, как пред святою,
Преклоняться перед ней.
Друг мой милый, друг прекрасный,
Друг бесценный, будь моей!

Я лелеять буду страстно
На груди тебя своей.

* * *

О чем тужить? Без дальних слов
Я всё решил, ребята.
Двадцатый год мне, я здоров:
Пойду-ка я в солдаты!
Я сам немало поскучал
За плугом и лопатой,
Да труд мой даром пропадал.
Пойду-ка я в солдаты!

Довольный вдовец

В недобрый час с моей женой
Я в церкви повенчался.
Язык супруги надо мной
Жестоко издевался.
Пришлось терпеть безвинно мне;
Я выстрадал немало.
И вот – свободен я вполне:
Сраженье замолчало.
Мы двадцать лет прожили с ней!
Какая ж ей награда?
Дано ль на небе место ей
Иль в самом пекле ада?
Но если б знал я, где она –
Эдем ей улыбнулся,
Иль ей владеет сатана –
Я к ней бы не вернулся.
Смирился прах ее в гробу,
Надолго в землю скрылся...
Ее душа едва ль в аду, –
С ней черт бы не ужился.
И если слышу я порой,
Как буря в небе злится,
То это верно с сатаной
Жена моя бранится.

* * *

У вас хорошее вино;
Я за двоих платить готов.
На свете не было давно
Таких, как мы, весельчаков.
Из нас никто еще не пьян:
Мы только веселы слегка.

Пускай кричит петух-буян,
А мы поьем еще пока.
Мы три кутилы, ей-же-ей;
Таких кутил на свете нет.
Мы пьем уж несколько ночей
И будем пить так много лет.
Вот месяц встал: я с ним знаком;
Он нам кивнул; на нас глядит;
Он нас зовет. Мы не пойдем,
Пока на небе он горит.
Кто первым вон из нас уйдет,
Того ослом мы назовем;
Но кто последним упадет,
Тот будет нашим королем.

Находка на страницах «Орловского вестника», наряду с обнаружением переводов А.М.Федорова из Бернса в газете «Одесские новости» за 1896 г. [7, с. 2; 8, с. 2; 9, с. 2; см. об этом: 10, с. 191–224], настоятельно акцентируют необходимость системного обследования провинциальной периодики (в особенности, периодики западных и южных губерний Российской империи) на предмет выявления материалов, связанных с переводческой рецепцией творчества западноевропейских авторов.

Список литературы

1. Жаткин Д.Н. Дорогами русского Бернса // *Художественный перевод и сравнительное литературоведение. V: Сб. научных трудов.* – М.: Флинта; Наука, 2016. – С. 3–85.
2. Из песен Р. Бернса («О, если б зябла ты в степи...»; «Никак не думал, не гадал...») / Пер. Н. Новича <Н.Н. Бахтина> // *Новое слово.* – 1895. – № 5. – С. 198.
3. Бернс Р. Бутон розы; Робин; «Мне замуж рано выходить...» / Пер. Н.Новича <Н.Н. Бахтина> // *Роберт Борнс. Стихотворения в переводе русских поэтов, с биографическим очерком и портретом / Вступ. ст. И.А.Белоусова.* – М.: тип. Вильде, 1897. – С. 31–32, 52–53, 56–57.
4. Бернс Р. Лучший перл / Пер. Н. Новича <Н.Н. Бахтина> // *Роберт Борнс (1759–1796): Биографический очерк шотландского народного поэта с*

приложением лучших его песен. – М.: тип. Общества распространения полезных книг, 1901. – С. 47.

5. Бернс Р. Песня («Стакан вина и верный друг...»); «Так хороша она была...», «Страданья – наш удел» («Ноябрьский вихрь срывал листья...») / Пер. Н. Новича <Н.Н. Бахтина> // // Роберт Борнс и его произведения в переводе русских писателей / Под ред. И.А. Белоусова. – СПб.: изд. А.С. Суворина, 1904. – С. 59, 60, 96–99.

6. Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (историко-литературный сборник). – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1897–1904. – Т. VI. – 465 с.

7. Бернс Р. Субботний вечер в деревне / Пер. А.М.Федорова // Одесские новости. – 1896. – № 3684 (9 июля). – С. 2/

8. Бернс Р. Том О'Шантер / Пер. А.М.Федорова // Одесские новости. – 1896. – № 3689 (14 июля). – С. 2.

9. Из Р.Бернса [При виде раненого зайца, проскочившего мимо меня. – Песнь веселого пахаря. – Моя Джени. – Молитва, написанная под влиянием сильной душевной тоски. – Обращение к жаворонку. – «О, Афтон мой, тише струись меж холмов...». – «Зачем все женщины твердят...». – Лорд Грегори. – Видение («Возле башни стоял я в ночной тишине...»)] / Пер. А.М.Федорова // Одесские новости. – 1896. – №3699 (25 июля). – С. 2.

10. Жаткин Д.Н. А.М.Федоров – переводчик Роберта Бернса // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. XIII: Сб. научных трудов. – М.: Флинта, 2020. – С. 191–224.

УДК 81

ББК 83.3(2Рос=Рус)

**АНГЛИЙСКИЕ БАЛЛАДЫ В ПЕРЕВОДАХ ВС. РОЖДЕСТВЕНСКОГО:
«СТАРЫЙ МЭЙТЛЭНД»¹**

*Д.Н. Жаткин, Пензенский государственный технологический университет,
г. Пенза, Россия*

*Т.С. Круглова, Академия управления Министерства внутренних дел Российской
Федерации, г. Москва, Россия*

**ENGLISH BALLADS TRANSLATED BY VS.A.ROZHDESTVENSKY:
«OLD MAITLAND»**

D.N. Zhatkin, Penza State Technological University, Penza, Russia

*T. S. Kruglova, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the
Russian Federation, Moscow, Russia*

Аннотация. В статье вводится в научный оборот перевод английской народной баллады «Старый Мэйтлэнд», выполненный Вс.А.Рожественским (1895–1977) на рубеже 1910 – 1920-х гг. и сохранившийся в фонде издательства «Academia» в Российском государственном архиве литературы и искусства. Значительный пласт переводов Вс.А.Рожественского с английского языка, многие из которых до настоящего времени остаются неопубликованными, свидетельствует о системном интересе к английской традиционной культуре и истории, проявленном в раннем творчестве поэта.

Ключевые слова: Вс.А.Рожественский, художественный перевод, традиция, рецепция, межкультурная коммуникация, английские баллады.

Annotation. The article introduces into scientific circulation the translation of the English folk ballad "Old Maitland", made by Vs.A. Rozhdestvensky (1895–1977) at the turn of the 1910–1920s and preserved in the fund of the publishing house "Academia" in the Russian State Archive of Literature and Art. A significant layer of translations of Vs.A.Rozhdestvensky from English, many of which remain unpublished to this day, indicates a systematic interest in English traditional culture and history, manifested in the poet's early work.

Keywords: Vs.A.Rozhdestvensky, literary translation, tradition, reception, intercultural communication, English ballads.

E-mail: ivb40@yandex.ru; tatjana.sk@mail.ru.

В процессе изучения эволюции русского поэтического перевода вводятся в научный оборот переводы прошлых лет, имеющие историко-культурную и художественно-эстетическую ценность. На рубеже 1910–1920-

¹ Статья подготовлена по проекту РНФ № 17-18-01006п «Эволюция русского поэтического перевода (XIX – начало XX в.)».

х гг., в первые послереволюционные годы, сложнейший период в жизни страны, активизировалась работа по переводу произведений западноевропейской и американской литературы на русский язык, чему немало способствовала деятельность издательства «Всемирная литература». По заказу этого издательства юным Вс.А.Рождественским было переведено немалое число английских народных и литературных баллад. Судьба этих переводов сложилась по-разному: некоторые из них (1-я, 3-я – 7-я песни цикла «Баллады о Робин Гуде», народная баллада «Робин Гуд выручает Виля Статли», баллады Р.Саути «Св. Ромуальд», «Скала любовников», «Епископ Бруно», «Баллада о молодом человеке, который хотел читать законопротивные книги, и о том, что из этого вышло», «Мэри, девушка с постоянного двора», «Колодец Св. Катерины», «Баллада о кресле Св. Михаила и о том, кто в нем сидел») были напечатаны непосредственно в 1919–1922 гг. [1, с. 15–21, 30–70; 2, с. 48–71], другие («Король Артур», «Смерть короля Артура», «Хайнд Этин», «Сэр Ланселот Дю Лэк», «Юный Бенджи», «Прекрасная Маргарет и Вильям», «О том, как Вилли утонул в Ярро», «Призрак Вилли», «Битва на Оттерборне») были обнаружены в архиве и увидели свет только в 2000 г. благодаря стараниям Л.И.Володарской [3, с. 17–43]. Перевод английской баллады «Наследник поместья Линн» был подготовлен к печати одним из авторов этой статьи в 2017 г. [4, с. 76–79]; тогда же была отмечена необходимость введения в научный оборот других неопубликованных баллад Вс.А.Рождественского, сохранившихся в фонде издательства «Academia» в Российском государственном архиве литературы и искусства – «Старый Мэйтлэнд», «Батрак», «Жених-дьявол», «Свадьба сэра Гэвейна», «Два ворона», «Как жил и умер Мальчик-с-пальчик». В настоящей статье впервые вводится в научный оборот один из неопубликованных ранее балладных текстов – «Старый Мэтлэйнд» (ф. 629, оп. 1, ед. хр. 1784, л. 1–10).

СТАРЫЙ МЭЙТЛЭНД

Английская народная баллада

На юге как-то жил король,
Эдвард – носил он имя;
Полвека дурно¹ правил он
Владеньями своими.
И сын был у его сестры,
Велик и знатен родом,
Как вырос – «молодой Эдвард»
Он назван был народом.
Раз он предстал пред королем
И преклонил колени.
– О, дядя! Милости! Прими
Мои мольбы и пени.
В Шотландию хотел бы я
Идти сейчас войною,
Когда две тысячи бойцов
Отпустишь ты со мною.
– Я дам их, даже больше дам,
Клянусь великим словом,
Я – старый, дряхлый человек,
Все войско дам готовым. –
Король спешил, король скакал
(Тоска ему и горе).
Король две тысячи бойцов
Собрал на Тайне² вскоре.
В три раза больше в Вернике³
Бойцов, готовых в сечу:
Готовят для чужих знамен
Торжественную встречу.
На берегах спокойной Твид⁴
Раскинулись кострами,
Долины Мерз и Тевиот
Костров спалило пламя.
Идя чрез Ламмермур, они
До тла сжигали села,
Пока дошли до Ладбарди,
Где замок невеселый.
– Чей это дом? – вскричал Эдвард. –
Я стану в доме этом! –
И рыцарь с гордой сединой
Вдруг выступил с ответом.
– Он – дар шотландских королей,

¹ Ранний вариант – *плохо*.

² Река в Северной Англии. – *Примечание переводчика*.

³ Область на юго-востоке Шотландии. – *Примечание переводчика*.

⁴ Река, отделяющая Англию от Шотландии. – *Примечание переводчика*.

А я их данник ленный,
И я из замка не уйду,
Пока крепки в нем стены. –
Они уступ надежных стен
Щитами стали трогать,
А он из башен проливал
На них смолу и деготь,
Бойцов камнями из баллист
Он бил во вражьем стане,
И много потеряли сил
У башен англичане.
Пятнадцать дней старик Мэйтлэнд
Провел в бою геройском,
И отступил он, наконец,
С изнеможенным войском.¹
Потом пятнадцать кораблей
Пришли к нему однажды,
И, нагруженный тяжело,
Ушел с добычей каждый.
– Нам Англия принадлежит –
Кто может спорить с нами?
Шотландия покорена
Щитом, стрелой, мечами!
Они во Францию идут,
Где ждет король их старый,
И башни, замки, города
В пути палят пожары.
Они дошли до Виллон-Грэс
(Так звался город в поле),
А там Мэйтлэнда сыновья
Втроем учились в школе.
И старший младшему сказал:
– Смотри! Что там такое?
Коль знамя нам не лжет – отца
Лишились мы все трое.²
Шотландия покорена,
И нет у нас поместий.
Эй! На отважные дела
Рискнемте, братья, вместе. –
На вороных двух лошадях
И на одной буланой
Они к Эдварду-королю
Помчались утром рано.
И осадили лошадей
Перед его шатрами.

¹ Ранний вариант: *Врагу с усталым войском.*

² Эдвард поместил герб Шотландии в одну из четвертей своего рыцарского щита. –
Примечание переводчика.

– Эй! Слушайте. Хотел бы я
 Нести Эдварда знамя.
 Где ты родился? Вырос где?
 Где дом родной и поле?
 – На севере родился я, –
 Солгал он поневоле, –
 Семьи высокой мать моя,
 Отец мой знатный воин,
 Я – дворянин, и королю
 Присягу дать достоин.
 – Не англичанин ты. Глаза
 И брови не похожи,
 Скорей Мэйтлэнда-старика
 Ты мне напомнить можешь.
 Такое мрачное чело
 Мне не встречать бы лучше.
 Он сотни¹ англичан убил
 И вчетверо² замучил. –
 Мэйтлэнд при имени отца
 Весь задрожал от гнева,
 Стремительной рукой схватив
 Кинжал, висевший слева.
 Он рыцаря, что знамя нес,
 Насквозь пронзил кинжалом,
 И древко вырвав у него,
 Как вихорь ускакал он.
 Он крикнул: «Мы не посрамим,
 О, братья, нашей чести».
 – Клянемся! – отвечали те. –
 С тобою будем вместе.
 Стал на дороге младший брат,
 Меч на врагов направил,
 Преследующих повернул,
 Пятнадцать лечь заставил.
 Потом коню кровавый бок
 Он шпорой сжал колючей.
 – Скорее, серый, уноси
 От смерти неминучей. –
 И полководец со стены
 Мог увидеть, как кони
 Трех юношей шотландских вскачь
 Стремили от погони.
 – Мост для племянников моих!
 Скорей, решетку выше.
 Всей Англии наперекор

¹ Ранний вариант – *многих*.

² Ранний вариант начала стиха: *И многих он*.

Им ночевать под крышей. –
Вот братья, прискакав во двор,
Расстались с поводками,
Кричат, схватив копье: «Пускай
Попробуют за нами».
Они натягивали лук
В предутреннем тумане,
И у подъемного моста
Ложатся англичане.
Одних убитых увезли
Телеги из ложбины,
И смыли в мутный ров других
Открытые плотины.
А у палатки сам король
Сказал – и все слышали:
– Три мальчика французских стяг
Вчера у нас украли.
Они пришли, коварных слов
Личиною покрыты,
Чтоб наше знамя отобрать,
Но трое и убиты.¹
– Не подобает королю
Уста позорить ложью, –
Воскликнул младший, – кара ждет,
Свидетель – имя Божье!
Пошел он прямо к королю
И преклонил колено:
– Позволь мне слово, государь,
Сказать тебе смиренно. –
Король, не зная что сказать
И опуская очи,
Ответил: «Воин! Говори
Хотя бы до полночи».
– Французы, ты сказал, втроем
Украли ваше знамя,
Под маской хитрости, и слуг
Повергнули мечами?
За юношей французских нас
Ты принимал напрасно:
Мэйтлэнд – отец наш, мы – сыны
Шотландии прекрасной.
Чтоб биться с нами хоть один
Найдется ль в вашем войске?
– Клянусь, – ответил им Эдвард, –
Покажем вам по-свойски.
Со старшим Перси вступит в бой,

¹ Ранний вариант: *Но, чтобы знамя отобрать, / Все трое и убиты.*

А Эстерт Лэнн с тобою,
Вильям Ланкастерский с другим,
Четвертый же со мною.
Ты помнишь, Перси, часто Скотт
Молил твоей пощады?
Когда прольешь Мэйтлэнда кровь,
Великой жди награды. –
Он Перси череп проломил,
И из глубокой раны
Кровь потекла по волосам
Густой струей багряной.
– Один готов! Бей остальных!
Пускай ложатся вместе.
Коль вас повергнут – от меня
Уже не ждите мести. –
Но Лэнн был травленный медведь,
Бывал в боях немало,
Он ранил младшего – Душа
У старшего пылала.
– Я не король. Когда клянусь –
Держать слова умею!
Пусть только попадетя мне,
Ему сверну я шею. –
Он Лэнну череп проломил,
И из глубокой раны
Кровь потекла по волосам
Густой струей багряной.
– Еще один! Последний пусть
Ложится с ними вместе.
Коль вас побьет он – от меня
Уже не ждите мести.
Убили двое одного,
Подмяв его жестоко,
И вздернули перед мостом,
Чтоб виден был далеко,
Потом пришпорили коней
Тропинкой полевою.
– Мы, три шотландских храбреца,
Вас вызываем к бою. –
Их юный слушает Эдвард,
От ярости бледнея:
«Я их поймаю и свяжу,
Веревки не жалею».
И юноше король Эдвард
Сказал: «Помилуй, Боже!
Мы потеряли трех вождей –
Четвертый ляжет тоже.
Коль будешь ты висеть, чего

Мне ждать от жизни сирой?» –
Но тот уже вскочил на мост
Со страшною секирой.
Мэйтлэнда молодой Эдвард
Ударил что есть мочи,
И разлетелся крепкий шлем,
И череп кровью мочит.
Когда Мэйтлэнд увидел кровь,
Пьян яростью своею,
Он от себя отбросил меч,
Схватил врага за шею,
Три раза повернув, его
Ударил он о камень.
Эдвард не мог врага спихнуть
Бессильными руками.
– Оставь, – сказал король Эдвард. –
Пусти его скорее.
За этот славный подвиг твой
Три графства дам тебе я. –
– Нет! ни шотландец, ни француз
Пускай не скажут слова,
Что был побит король Эдвард
И что поднялся снова. –
Три раза он его пронзил
И полным злобы взглядом
Велел повесить на мосту
С тремя другими рядом.
– Эй, уберите пуховик,
Соломы мне довольно.
Зачем я встретил этот день,
Когда так сердцу больно?
Когда бы в Тауэр скорей
И Лондон, сердцу милый!
Не захотел бы я свой дом
Покинуть до могилы.

Отметим, что, наряду с публикацией ранее выявленных материалов, также имеет смысл проведение дальнейших разысканий переводов Вс.А.Рожественского из английской балладной поэзии, в частности, можно предполагать, что цикл «Баллады о Робин Гуде» был переведен им в полном объеме, однако вторая песнь была выбрана редакцией издательства «Всемирная литература» для публикации в переводе А.Пиотровского.

Список литературы

1. Баллады о Робин Гуде / Под редакцией Н.Гумилева; предисловие М.Горького. – Пб.: Всемирная литература, 1919. – 103 с.
2. Саути Р. Баллады / Переводы под ред. и с предисловием Н.Гумилева. – Пб.: Всемирная литература, 1922. – 112 с.
3. Антология английской поэзии [под редакцией Н.Гумилева] / Сост., вступ. ст. и комментарии Л.И.Володарской. – М.: АРТ-ФЛЕКС, 2000. – 287 с.
4. Жаткин Д.Н., Дурина О.А. Английские баллады в переводах Вс. Рождественского: «Наследник поместья Линн» // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6. – № 4 (21). – С. 76–79.

УДК 82.09

ББК 83

РАННИЙ МАНДЕЛЬШТАМ: К ПОЭТИЧЕСКОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ АКМЕИЗМА: НОВАЯ ТРАКТОВКА СИМВОЛА

*Л. Г. Кихней, Институт международного права и экономики
имени А.С. Грибоедова, г. Москва, Россия*

EARLY MANDELSTAM: TOWARDS POETIC SELF-DETERMINATION OF ACMEISM: A NEW INTERPRETATION OF THE SYMBOL

*L. G. Kikhney, Griboyedov Institute of International Law and Economics,
Moscow, Russia*

Аннотация. Статья посвящена проблеме самоопределения акмеизма в поэтике. Доказывается (на примере стихотворения «Медлительнее снежный улей»), что акмеисты, и прежде всего, Мандельштам, трансформировали понятие образа-символа, соотнося его с внешним (вещным) бытием и в то же время наделяя его контекстуальными символическими значениями, что значительно расширило семантико-ассоциативное поле поэтического текста.

Ключевые слова: символизм, акмеизм, Мандельштам, семантика, образ-символ.

Abstract. The article is devoted to the problem of self-determination of acmeism in poetics. It is proved (using the example of the poem "Slower the Snow Hive") that the Acmeists, and above all, Mandelstam, transformed the concept of the image-symbol, correlating it with external (material) being and at the same time endowing it with contextual symbolic meanings, which significantly expanded semantics. -associative field of the poetic text.

Keywords: symbolism, acmeism, Mandelstam, semantics, image-symbol.

E-mail: lgkihney@yandex.ru

В.Я. Брюсов в статье «Новые течения в русской поэзии. Акмеизм» (1913) резко и безапелляционно отказывал акмеистам в какой-либо поэтической новизне. Он пишет о вышедших к 1913 году стихотворных сборниках Нарбута, Зенкевича и Ахматовой: «...В свое время мы разбирали эти стихи (на этих же страницах), но решительно никаких новых путей поэзии в них не нашли. Все трое не лишены дарования, и стихи г-жи Ахматовой весьма дороги нам своей особенной остротой. Но и по содержанию, и по форме своих стихов все трое всецело примыкают к тому, что делалось в поэзии до них, внося лишь столько нового, сколько то необходимо, чтобы не быть простыми подражателями. То же самое надо сказать и о стихах, помещенных в журнальчике «Гиперборей» (*****), который издавался в конце 1912 г. «при непосредственном участии С. Городецкого и Н. Гумилева» [2, [https](https://)].

Полемическое острие брюсовской статьи направлено на неверное, по его мнению, понимание символической образности в символизме, и по сути дела отказ от нее в акмеистической эстетике. Он полагает, что «Символ можно или принять как единственную подлинную сущность всякого художественного творчества, или не принять вовсе; никакого совместительства здесь быть не может. Символисты не «изобрели» символа: они только точнее формулировали то начало, которым всегда жило (и, полагаем мы, всегда будет жить) искусство» [2, [https](https://)].

Мы полагаем, что Брюсов в своих запальчивых суждениях был не прав. Хотя его можно понять: Акмеисты на этапе формирования собственной поэтической стратегии, как известно, достаточно резко отмежевывались от символистской поэтики. Они не отвергали символ как таковой, но преобразовывали его.

И первым по этому пути пошел в своих поэтических исканиях Осип Мандельштам. Вспомним хотя бы мандельштамовское сравнение «профессионального символизма» с «чучельной мастерской»: «Возьмем, к примеру, розу и солнце, голубку и девушку. Для символиста ни один из этих образов сам по себе не интересен, а роза – подобие солнца, солнце – подобие

розы, голубка – подобие девушки, а девушка – подобие голубки. Образы выпотрошены, как чучела, и набиты чужим содержанием» [5, II, с. 182]. Отвергая «произвол» символистских «соответствий», Мандельштам настаивал на возвращении словам их исконных значений.

Суть его эстетических нововведений – заменить принцип конвенциональных соответствий, культивируемый символистами, принципом семантического тождества. Причем акмеистический принцип «тождественности» как корреляции означающего («звукового слепка» слова) и означаемого (семантического наполнения словесного знака) ни в коей мере не отменял смысловую многозначность образа. Напротив, Осип Мандельштам обосновывает идею «психейности» слова. Ср.: «Слово – Психея. Живое слово не обозначает предметы, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещьность, милое тело. И вокруг вещи слово блуждает свободно, как душа вокруг брошенного, но не забытого тела» [5, II, с. 171], которая на практике оборачивается ни чем иным, как «хамелеоновой» изменчивостью словесного образа в зависимости от контекстуального окружения.

Безусловно, эта поэтическая установка акмеистов не была бы осуществима без их ориентации на символистский опыт. Не случайно Н. Гумилев называл символизм «достойным отцом» акмеизма [3, III, с. 17], а тот же Мандельштам прямо утверждал: «...все мы вышли из родового лона символизма» [5, II, с. 212]. Формируя свою систему поэтики, акмеисты исходили не только из «отталкивания», но из идеи преемственности, которая понималась как решение проблем, поставленных их ближайшими предшественниками. Залогом утверждения нового течения, полагал Гумилев, является приятие наследства символизма и ответ «на все поставленные им вопросы» [3, III, с. 17].

Но в чем же тогда акмеисты упрекали символистов? Думается, в том, что последние остановились на полпути: заявив о «принципе соответствий», они не сумели эти соответствия «доказать», увлекшись конвенциональными

ассоциациями, восходящими к тем или иным философским концептам. Символисты, по мнению Мандельштама, упускали из виду семантический потенциал слова, по-разному реализующийся в различных контекстах. Вот почему он «обвинял» их в «страшном контрдансе соответствий» и призывал «доказывать и доказывать без конца: принимать в искусстве что-нибудь на веру недостойно художника, легко и скучно» [5, II, с. 145].

«Нераздельность и неслиянность» символистского и акмеистического символаобразования особенно отчетливо проявляется при сравнении символистских и акмеистических текстов, построенных на одних и тех же ключевых образах («словах-остриях», в блоковской «терминологии»).

Так, знаменитая «вуаль», – неотъемлемый атрибут образа Незнакомки в одноименном стихотворении А. Блока (1906), реминисцентно-полемически фигурирует и в раннем стихотворении Мандельштама – «Медлительнее снежный улей...» (1910).

Лирического героя Блока «вуаль» сама по себе не интересует, он смотрит не на нее, а сквозь нее, за нее:

И странной близостью закованный,
Гляжу за темную вуаль
И вижу берег очарованный
И очарованную даль». [1, I, с. 186].

По блоковскому замыслу «вуаль» оказывается символом границы, отделяющей «этот» мир от трансцендентной реальности, «покрывалом Майи», сквозь которое просвечивает «мир иной». В этой своей функции вуаль не столько открывает, сколько скрывает сущность, которую тщится постичь блоковский герой.

Итак, вещный образ в символистском тексте обретает сугубо знаковую природу, ведь, будучи «означающим», он отсылает к денотату, лежащему вне его семантического поля. Узуальное значение «вуали» никоим образом не предполагает возникновение авторской ассоциации ее с «берегом очарованным» и «очарованной далью». Мандельштам бы сказал, что здесь не

соблюден «закон тождества», в небрежении которым он упрекал символистов. Ср.: «Символизм томился, скучал законом тождества, акмеизм делает его своим лозунгом и предлагает его вместо сомнительного *a realibus ad realiora*» [5, II, с. 144].

В мандельштамовском же контексте «вуаль» означает прежде всего «легкую прозрачную ткань» [6, I, С. 242], т. е. семантическое тождество не нарушено. Но не все так просто. Этот вещный образ дается автором в двойном ракурсе: с одной стороны, мы видим эту вуаль извне, представляя ее цвет, фактуру, расположение в пространстве [4, 130–132]. Ср.:

Медлительнее снежный улей,
Прозрачнее окна хрусталь,
И бирюзовая вуаль
Небрежно брошена на стуле. [5, I, с. 70]

С другой стороны, мы ощущаем ее изнутри, ибо автор дает нам возможность на мгновение перевоплотиться в нее. Этот поэтический образ перекликается с идеей Мандельштама, высказанной в «утре акмеизма»: «Любите существование вещи больше самой вещи, а свое бытие больше самих себя» [5, II, с. 144]. То есть сама вещь, наделенная осязанием и почти женственной чувствительностью, как бы становится субъектом переживания:

Ткань, опьяненная собой,
Изнеженная лаской света,
Она испытывает лето,
Как бы не тронута зимой... [5, I, с. 70]

Однако дело здесь не только в импрессионистическом (а по сути, – в феноменологическом) растворении сознания лирического субъекта в вещи. Автор ставит своей задачей показать, что словесный образ в искусстве есть «чудовищно уплотненная реальность», «явление», возведенное «в десятизначную степень» [5, I, с. 142]. Следуя этой установке, он выстраивает целую систему семантических связей, где *вуаль* оказывается некоей нитью

«клубка» значений, разматывание которого и составляет лирический сюжет стихотворения.

Поэт «показывает», как *вуаль* в данном контексте замещает *лето*. Во-первых, через олицетворение, благодаря которому *лето* становится состоянием, переживаемым *вуалью* (ср.: «Она «испытывает» лето...»); во-вторых, через метафорическую ассоциацию: легкое колыхание ткани, очевидно, напоминает «трепетание стрекоз»:

И если в ледяных алмазах
Струится вечности мороз,
Здесь – трепетание стрекоз
Быстроживущих, синеглазых. [5, I, с. 70]

«Стрекозиная» метафора также наделяется самостоятельным (онтологическим) бытием – в силу ее синтаксического оформления как назывного предложения. Ср.: «Здесь – трепетание стрекоз / Быстроживущих, синеглазых». Но одновременно этот образ является «третьим соединяющим» *лета* и *вуали*, поскольку объясняет (т. е. опять-таки доказывает!) правомерность их ассоциативной связи.

Причем *вуаль*, становящаяся ядром *летней* парадигмы образов, изначально контрастирует с *зимней* ипостасью бытия. Ср.: «Она испытывает лето, / Как бы не тронута зимой» [5, I, с. 70]. Хотя на глубинном уровне семантические поля *зимы* и *лета* соприкасаются: так, смысловая структура метафоры <снежный> *улей* содержит *осино-пчелиные* коннотации, входящие в тот же семантический разряд (летающих насекомых), что и *стрекозы*.

Противопоставление *лета*, царящего в комнате (благодаря *вуали*), и *зимы* за окном к финалу стихотворения разворачивается в антиномию *жизненного мгновенья* и *вечности*. Это достигается за счет введения в семантическое поле *зимы* слов со значениями *медленный, твердый, алмазный, прозрачный, ледяной*, которые в последней строфе кристаллизуются в образе «мороз вечности». В семантическое поле *лета* соответственно входят слова со значениями *быстроживущий, опьяненный, трепещущий, изнеженный, ласкающий*,

бирюзовый, синеглазый. Разветвленные смысловые структуры *зимы* и *лета* в финальном четверостишии выстраиваются в бинарную оппозицию «*в комнате*» – «*за окном*», спроецированную на излюбленную символистами антитезу – «*здесь*» – «*там*». Но у Мандельштама, «*здесь*» означает быстротекущую *жизнь*, а «*там*» – вечность небытия.

В итоге, *вуаль* в системе со- и противопоставлений символизирует сладость и быстротечность существования, причем существования обычного, повседневного, что подчеркивается спонтанным выбором предмета описания – «*небрежно брошенной*» вуали, которая становится центром домашнего универсума, окруженного трансцендентным холодом вечности. Вуаль сублимирует явные или подтекстовые значения *дома, лета, тепла, т.е. жизни* как быстротечного и хрупкого начала (столь же невесомого и ускользающего, как крылья стрекоз).

Итак, подводя итоги, подчеркнем, что *вуаль* в этом стихотворении предстает именно символом, поскольку она, не утрачивая предметной значимости, является одновременно *символической редукцией* целой системы понятий. Ср. у Е.Фарино: «Символ – это понятийная система, свернутая... до одного элемента, обладающего статусом реального объекта» [7, с. 90]. Благодаря тому, что автор дает нам ощутить предметность *вещного образа* как бытия-для-себя, последний может выступать смысловым инвариантом других образов, выбор которых отнюдь не произволен (как это можно наблюдать, по мнению Мандельштама, у символистов), но обусловлен «спящими» смысловыми потенциями слова.

Слово, по Мандельштаму, имеет неиспользованные запасы семантической энергии, которая остается нереализованной в стандартном узусе, но заново генерируется в новом контекстуальном окружении. Именно это приводит к огромной смысловой насыщенности акмеистического слова, делает его по своему функциональному значению равным символу. Но акмеистические символы – это символы особого рода: «втянутые» в них

«посторонние» смыслы оказываются семантически мотивированными окружающим контекстом.

Однако никакое контекстуальное облечение не помогло бы, если б слово трактовалось акмеистами только в его *знаковой* ипостаси (как это было у символистов). Предложенная же Мандельштамом трактовка слова как семантического «пучка», из которого «смыслы торчат в разные стороны», наиболее точно отражает акмеистическую концепцию, согласно которой слово – это не знак, а, скорее, зародыш, содержащий зачатки потенциальных контекстов, которые – в зависимости от таланта художника – могут развернуться, а могут так и остаться в зародышевом состоянии. Но в любом случае они уже как бы заложены в родовой памяти (генотипе) слова. Вот почему слово, по Мандельштаму, обладает способностью хранить в себе и историю, и культуру. Ср. в статье «О природе слова»: «Каждое слово словаря Даля есть орешек Акрополя, маленький Кремль», «сама история» [5, II, с. 180].

Исходя из этой модели слова, Мандельштам в пространстве текста формирует образ как семантическую *целостность*, которая является не изначально заданным, «готовым» смыслом, но неким становлением, процессом, цепной реакцией обусловленных ассоциаций. В итоге, слово, не теряя своей смысловой четкости и очерченности, обретает свойства текучести и метаморфичности.

Список литературы

1. Блок А. *Собрание сочинений: В 8 т.* – М.; Л.: ГИХЛ, 1960. – Т. 2. – 466 с.
2. Брюсов В. *Новые течения в русской поэзии. Акмеизм // Гумилев: PRO ET CONTRA.* – СПб.: РХГИ, 2000. – 692 с. URL: <https://www.litres.ru> › *chitat-onlayn* › *page-4*
3. Гумилев Н. *Сочинения: В 3 т.* – М.: Худ. литература, 1991.
4. Кихней Л.Г., Меркель Е.В. *Аксиология повседневных вещей в поэтике акмеизма // Вестник Томского государственного университета. Филология.* – 2015. – № 1 (33). – С. 129–138.

5. Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. – М., 1990. – Т.2. – С. 182. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием тома и страницы.

6. Словарь русского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1985. – Т.1. – С.242–243.

7. Фарино Е. Введение в литературоведение: Учебное пособие. – СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 639 с.

УДК 82.09

ББК 83

К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ

И.В. ГЁТЕ

С. А. Корниенко, НИТУ “МИСиС”, г. Москва, Россия

TO THE QUESTION OF LITERARY-PHILOSOPHICAL WORLD VIEW OF GOETHE

S. A. Kornienko, NUST “MISiS”, Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена литературно-философскому мировоззрению И.В. Гёте. Дается сравнение основных концепций феноменологии и поэтико-философских идей, выраженных в художественных произведениях немецкого автора. Также анализируются факты биографии немецкого поэта, и делаются выводы об их влиянии на его литературное творчество.

Ключевые слова: И.В. Гёте, феноменология, биографический метод, Фауст.

Abstract. The article is devoted to the literary-philosophical world view of J.W. Goethe. The comparison of the basic phenomenological concepts and poetic-philosophical ideas, expressed in the artistic works of the German author, are given. There is also an analysis of some biography facts of J.W. Goethe and their influence on his literary works.

Keywords: J.W. Goethe, Phenomenology, Biographical method, Faust.

E-mail: sergeykornienko@mail.ru

Основное понятие в феноменологии (что можно предположить исходя из названия этого направления философии) – это понятие феномена. В монографии К.А. Свасьяна мы находим фразу, отлично описывающую процесс феноменологического познания: «Когда в своем непосредственном опыте мы переключаем внимание с воспринимаемых вещей на самый акт восприятия, в котором эти вещи “являются“, мы покидаем сферу обыденного эмпирического сознания и оказываемся в зоне феноменологического сознания, реальность которого составляют указанные “явления“, или “феномены“ в собственном смысле слова» [5, с. 64].

Схожий подход к восприятию вещей мы находим и в работах И.В. Гёте: «Самое высокое было бы понять, что все фактическое есть уже теория... Не нужно только ничего искать за феноменами. Они сами составляют учение» [2, с. 399]. Очевидно, что в двух высказываниях выражается схожий взгляд на научное понимание бытия. И.В. Гёте был одним из первых, кто высказал идею, что мир вокруг нас состоит из феноменов. Эту же гипотезу Э. Гуссерль положил в основу своего учения, при этом мыслитель не считал немецкого классика авторитетом в области философии. Тем не менее, несмотря на отсутствие прямых упоминаний И.В. Гёте в работах философа, их философские воззрения обнаруживают достаточное количество совпадений [5, с. 240].

И.В. Гёте подчеркивал необходимость свежего взгляда на привычные вещи: «Нужен своеобразный поворот ума для того, чтобы схватить бесформенную действительность в ее самобытнейшем виде и отличить ее от химер, которые ведь тоже настойчиво навязываются нам с известным характером действительности» [5, с. 91]. Эту же концепцию в немного перефразированном виде мы находим в работах ученых-феноменологов: «...все абсурдные злключения мысли начались с тех пор, как она перестала доверять очевидному и принялась даже подозревать само очевидное в каких-то логических грехах» [5, с. 91]. И.В. Гёте часто зашифровывал свое естественнонаучное и философское мировоззрение в художественных образах. В основном этим темам посвящено исследование «Опыт о метаморфозе

растений», но похожие воззрения можно найти и в стихотворениях «Метаморфоза растений» и «Метаморфоза животных». В своих трудах И.В. Гёте подчёркивает необходимость свежего взгляда на изучаемый предмет. «Все попытки решить проблему природы являются, по сути дела, конфликтами мыслительной способности с созерцанием» [5, с. 90], – указывает мыслитель. Основная идея здесь – это призыв не останавливаться на достигнутом, развивать критическое мышление, ставить под сомнение результаты предыдущего опыта.

В работах И.В. Гёте по натурфилософии мы находим следующую мысль: «Я оставляю предметы спокойно действовать на меня, наблюдаю после этого действие и стараюсь передать его верно и неподдельно. Здесь сокрыта вся тайна того, что любят называть гениальностью» [5, с. 91]. Эта идея как бы предвосхищает феноменологический подход: немецкий классик стремится познавать мир, непосредственно взаимодействуя с явлениями, так же, как будут делать впоследствии и феноменологи. Они чувствовали, что сама сущность предмета скрывается за множеством явлений и событий.

Поэт предстает перед нами в роли зодчего, который использует неподатливый материал – камень. Он отсекает от него все лишнее, являя миру новую сущность, передавая ее в своем произведении. Этот образ очень близок как феноменологам, так и И.В. Гёте. Читая труды по феноменологии, мы находим практически дословное толкование этого образа поэта-зодчего: «Исследуемый предмет (чувственный или воображаемый) должен быть очищен от всех практических и побочных факторов, чтобы явить созерцанию искомую априорную сущность» [5, с. 84]. Эта мысль, только выраженная несколько другими словами, повторяется и в работах И.В. Гёте: «При созерцании вещей, если отбросить всё случайное и несущественное, то, что останется и будет Идеей, в буквальном смысле этого слова» [8]. Идея является одним из ключевых понятий в работах И.В. Гёте. Она и есть самая суть вещи. Ее очень тяжело уловить, тяжело отделить от “химер”, а в тот момент, когда ученый наконец находит ее, ему очень трудно воспринять эту идею, потому что она

часто входит в противоречие с устоявшейся картиной мира. Таким образом, эту задачу для поэта усложняет не только необходимость правильного выбора слов, но и многоплановая сущность самого слова, содержание в нем является только одной из его частей. Следовательно, даже при правильном выборе слова передача идеи в любом случае затруднена.

Любой предмет в окружающем нас мире представляет собой нечто большее, чем мы можем выразить словами. С этой проблемой сталкивался и И.В. Гёте: «И все же как трудно не ставить знак на место вещи, все время иметь перед собой живую сущность и не убивать ее словами» [2, с. 524]. В научных трудах И.В. Гёте встречается множество идей, которые являются источником вдохновения для нескольких поколений его последователей и исследователей.

И.В. Гёте, который жил в Веймаре в достаточно непростые с политической точки зрения времена, были близки идеи “чистого искусства“. Немецкий классик с успехом совмещал пост при дворе герцога с литературной и научной деятельностью. При этом гражданская и политическая лирика была далеко на периферии его интересов, что, кстати, способствовало сохранению его высокого положения в обществе.

И.В. Гёте относительно редко писал критические эссе, его воззрения на литературную теорию отражаются, в основном, в художественных произведениях, например, в романе «Годы учения Вильгельма Мейстера». Немало сведений об этом вопросе содержится в автобиографии «Поэзия и правда», а также в «Разговорах с Гёте» И.П. Эккермана. В целом же, как мы уже отмечали, для И.В. Гёте было характерно стремление выразить основные идеи своих научных теорий в художественной форме [3].

И.В. Гёте, считал, что поэзия – это высокое искусство, которое должно облагораживать человека. Поэт должен владеть богатым арсеналом поэтических приемов, чтобы правильно раскрыть свой замысел, филигранно передать эмоциональные нюансы.

В монументальном труде И.П. Эккермана мы находим утверждение: «В поэзии на пользу человеку идет лишь истинно великое и чистое, –

подчеркивает Гёте, – что является как бы второй природой и либо поднимает нас до себя, либо презрительно от нас отворачивается. Несовершенная поэзия, напротив, усугубляет наши недостатки, ибо мы заражаемся слабостями поэтов, заражаемся, сами того не сознавая, поскольку то, что соответствует нашей природе, мы несовершенным не признаем» [6, с. 401].

Немецкий автор также отмечает важность как высоких художественно-поэтических идей, так и качественного технического их воплощения в произведении. Если же поэт не обладает достаточными навыками для передачи своих идей, то читатель замечает наряду с техническим несовершенством стихотворения и недостатки идейного плана. И.В. Гёте отмечает необходимость постоянного развития как поэтического мастерства, так и обогащения внутреннего мира автора: «Наши немецкие дурни думают, что, затратив усилия на приобретение знаний, они нанесут ущерб своему таланту, хотя любой талант должен питаться знаниями и только знания дают возможность художнику практически применить свои силы» [6, с. 189].

Поэзия – это дело индивидуальностей. Эту мысль подтверждает и афоризм И.В. Гёте: «В искусстве и поэзии личность – это все» [1, с. 37]. Поэт высоко оценивал роль индивидуального таланта, но в то же время эта индивидуальность тесно связана и с обществом. Автор, с одной стороны, влияет на общественные настроения, а с другой стороны – использует их для своего вдохновения. А.В. Михайлов, исследуя поэзию И.В. Гёте, приходит к похожей мысли: «Опора для лирики – не “личностное“ и не проникновенно-душевное, личное, а то общее, даже общечеловеческое, до чего стремится возвыситься личность, превращая и самое случайное в себе в язык общего. Лирика И.В. Гёте восходит не к непосредственности чувства, а к широте мира, которую личность, внутренне преобразуясь, стремится охватить» [4].

Таким образом, по мнению И.В. Гёте, основой лирики должны становиться общечеловеческие ценности и вопросы, близкие читателям всего мира, но филигранное выражение этих ценностей – дело поэта-мастера.

И.В. Гёте очень любил путешествовать. Он также старался исследовать и понять культуры разных (в том числе и экзотических) стран. Неудивительно, что мысли о ценности настоящего искусства близки не только жителям страны, в которой оно было создано, но и людям по всему миру.

И.В. Гёте также считал, что читатель поэзии должен совершенствовать свои навыки, как и сам автор. И.В. Гёте пишет: «Для того чтобы извлечь известную пользу из поэзии как хорошей, так и дурной, надо самому стоять на очень высокой ступени развития и иметь под собою достаточно прочный фундамент, чтобы смотреть на все эти поэтические явления как на нечто существующее вне нас» [6, с. 401]. То есть читатель должен абстрагироваться от анализа отдельных частей произведения и воспринимать его как единое целое.

В «Разговорах с Гёте» есть и еще одно любопытное высказывание о сущности словесного искусства: «Поэзии, – заметил Гёте, – бесспорно, присуще демоническое начало, и прежде всего поэзии бессознательной, на которую недостает ни разума, ни рассудка, отчего она так и завораживает нас» [6, с. 406].

Подводя промежуточные итоги, мы можем сказать, что И.В. Гёте, не уделяя пристального внимания структурированию своих поэтических теорий. Но, тем не менее, он высказал целый ряд поэтологических тезисов – преимущественно в художественных произведениях и беседах. Немецкий автор считал, что поэт должен работать над всей целостностью литературного произведения, не разделяя его аспекты на менее важные и более важные. Для И.В. Гёте имели значение и материал, на основе которого создается художественное произведение, и роль поэта-творца, и форма произведения, и его дух. И.П. Эккерман пишет об этом: «Дабы не быть голословным, скажу, что отдельные высказывания Гёте о поэзии иной раз носят несколько односторонний, а иной раз и явно противоречивый характер. То он придает первостепенное значение материалу, который поставляет поэту внешний мир, то усматривает центр тяжести во внутреннем мире поэта; один раз утверждает,

что главное – это тема, другой – ее разработка; то он главным объявляет совершенство формы, то вдруг, полностью пренебрегая ею, – лишь дух произведения» [6, с. 45].

И.В. Гёте – один из последних людей в европейской культуре, у которых плодотворно сочетались литературный талант и страсть к науке. Это оказало сильнейшее влияние на разнообразие его интересов и занятий, а также на его мировоззрение. Он постоянно стремился найти единство между наукой и искусством, между культурами разных стран. Изучая творчество зарубежных писателей и поэтов, он выдвинул концепцию *Weltliteratur* – «мировой литературы», объединяющей культурно-историческое наследие различных народов. И.В. Гёте стремился прикоснуться к древним сюжетам, вернуть их в современный культурный процесс.

И.В. Гёте пишет, что он придерживается гипотезы о том, что наука произошла от литературы, в частности, от поэзии. И в будущем эти две области опять могут объединиться для обоюдной выгоды [7, с. 107]. И.В. Гёте внес значительный вклад в каждую из этих областей: в его научное наследие входят труды по биологии, оптике, теории цвета, геологии, минералогии и метеорологии. Это, в том числе, показывает, что он пытался объединить человека и природу, сохранить целостность человеческого знания и опыта. В своих исследованиях он часто прибегал к эмпирическим данным и демонстрации, не отвергая важность построения научных теорий. И.В. Гёте настаивал на постоянном диалоге не только между экспериментами и теоретическими абстракциями, но и включал в этот диалог сам изучаемый феномен. Центральная идея научного подхода И.В. Гёте – это неделимость знания об объекте и уважение к самому объекту [9, с. 160].

Подводя итоги, отметим, что И.В. Гёте, писавшей о «мировой культуре», и феноменология, синтезировавшая опыт мировой философии, выработали типологически близкие подходы и мировоззрение, что

отразилось в схожих онтологических и гносеологических приемах. Также заметно сходство в восприятии феноменов бытия и проблем передачи смысла в научном мировоззрении И.В. Гёте и феноменологической философии.

Список литературы

1. Вильмонт Н.Н. О книге «Разговоры с Гете» и ее авторе // Эккерман И.П. *Разговоры с Гете в последние годы его жизни* / Пер. с нем. Н. Ман; вступ. статья Н. Вильмонта; коммент. и указатель А. Аникста. – М.: Худож. лит., 1986. – С. 3–40.
2. Гёте И.В. *Избранные сочинения по естествознанию*. – М.: Из-во АН СССР, 1957. – 553 с.
3. Канаев И.И. *Гёте как естествоиспытатель*. – Л.: Наука, 1970. – 468 с.
4. Михайлов А.В. *И.В. Гёте. Поэзия. «Фауст»* // <https://culture.wikireading.ru/68931>
5. Свасьян К. А. *Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика*. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1987. – 199 с.
6. Эккерман И.П. *Разговоры с Гете в последние годы его жизни* / Пер. с нем. Н. Ман; вступ. статья Н. Вильмонта; коммент. и указатель А. Аникста. – М.: Худож. лит., 1986. – 669 с.
7. Goethe J.W. *Goethes Werke*. – Bd. 13. *Naturwissenschaftliche Schriften 1*. Berlin: C.H. Beck, 2012. – 671 s.
8. Steiner R. *Einleitungen zu Goethes Naturwissen-schaftlichen Schriften* // <http://anthroposophie.byu.edu>
9. Steuer D. *In defence of experience: Goethe's natural investigations and scientific culture* // *The Cambridge companion to Goethe*. – L.: Cambridge University Press, 2002. – P. 160–178.

УДК: 808. 03 = 20

ББК: 81. 1(Анг) + 84(Рус)7

**ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ КОМИЧЕСКОГО В ПЕРЕВОДЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА С РУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ
ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА Ф. А. ИСКАНДЕРА «КОЛЧЕРУКИЙ»)**

В.Н. Кортава, Абхазский государственный университет, г.Сухум, Абхазия

А.Ю. Багателия, Абхазский государственный университет, г.Сухум Абхазия

**THE PECULIARITIES OF COMIC PERCEPTION IN THE TRANSLATION
OF A LITERARY TEXT FROM RUSSIAN INTO ENGLISH (ON THE
EXAMPLE OF THE STORY BY F. A. ISKANDER «THE OLD CROOKED
ARM»)**

V.N. Kortava, Abkhaz State University, Sukhum, Abkhazia

A.U. Bagateliya, Abkhaz State University, Sukhum, Abkhazia

Аннотация. Статья рассматривает категорию комического и специфику его осмысления при переводе художественного текста на английский язык.

Ключевые слова: комическое, смех, юмор, художественный перевод, восприятие, комический эффект, культура.

Abstract. The article studies the category of comic and the specifics of its understanding when translating a literary text into English.

Keywords: comic, laughter, humor, literary translation, perception, humorous effect, culture.

E-mail: victoria_kortava@mail.ru; alya.bagateliya.99@bk.ru

Теоретическое осмысление категории комического берет свое начало с античности и продолжается в настоящее время. Многообразная сфера комического включает в себя различные стороны и проявляется в самых разных формах, начиная с легкой насмешки, заканчивая злой иронией и сарказмом.

Размышление о природе комического вызывает вопрос о его соотношении со смешным.

Согласно Ю. Б. Бореву, «граница между смешным и комическим диалектически гибка и подвижна: явление, в определенных связях и обстоятельствах способное выступать как смешное, при других обстоятельствах может быть комично» [1, с.14].

Б. О. Дземидок, рассматривая историю вопроса о комическом, отмечает, что «смех может быть обусловлен причинами, не имеющими ничего общего с комическим, он может быть выражением и следствием чисто физиологических процессов» [2, с.7].

Большинство ученых относят к комическому юмор, сатиру, остроумие, шутку, иронию, гротеск, сарказм. Ю. Б. Борев в своей работе рассматривает юмор, сатиру, иронию и сарказм как виды комического [1, с.79].

Трудности также возникают при восприятии комического в переводе с одного языка на другой: «Перевод юмора – это всегда очень сложный и трудоемкий процесс, поскольку представители разных культур смеются над разными явлениями» [5, с. 68].

В своей статье о переводе юмора В. Я. Задорнова отмечает, что «перевод должен быть смешным, а достижение этого часто связано с введением дополнительной информации в текст перевода, с разъяснением или опущением некоторых моментов» [4, с. 70].

В данной работе в качестве иллюстративного материала взят рассказ Ф. А. Искандера «Колчерукий» и его перевод на английский язык, осуществленный Робертом Даглишем «The Old Crooked Arm».

Комическое в рассказе проявляется в разговорной речи героев, поступках и поведении, которые отражают национальные элементы, что не всегда легко перевести на иностранный язык. Так, например, сложности возникают уже при переводе названия.

Слово «колчерукий» в русском языке означает человека, имеющего укороченную или больную руку [14]. Название рассказа на английском языке «The old crooked arm» не может отразить всей специфики данного слова. Более того, и в переводе прозвища на русский язык с абхазского есть неточности, которые подмечает сам автор: «хотя по-русски правильной было бы сказать Сухорукий, но Колчерукий точнее соответствует духу, а следовательно, и смыслу прозвища» [6, с. 65]. Прозвище «сухорукий» дают человеку, у которого «высохла» – отнялась рука. Данное описание не отражает выбранный вариант

английского перевода *crooked* – «кривой», «изогнутый» «искривленный» [7, с. 142] что, конечно, не полностью соответствует смыслу прозвища и его духу, существенному для автора и получающему выражение в одной из ремарок внутри текста рассказа. Соответствием слову «сухой» в английском варианте являются слова «dry», «arid» [7, с. 951], однако их применение нецелесообразно, так как речь идет не о сухости в прямом смысле, о дефекте руки в результате повреждения.

Таким образом, следует отметить, что Р. Даглишу удалось максимально приблизить перевод к оригиналу.

Благодаря разговорной лексике, которую используют не только персонажи в своей речи, но и сам автор при описании героев, обладающих национальным своеобразием, создаются различные комические ситуации.

Нередко при переводе рассказа Ф. А. Искандера «Колчерукий» Даглиш заменял стилистически маркированную комичную лексику стилистически нейтральными вариантами лексических единиц на английском языке, в целях сохранения смысловой нагрузки слова, ср.: *«Все, как у людей, кроме самого покойника Шаабана Ларба, который и при жизни, говорят, никому покоя не давал, а после смерти и вовсе распоясался»* [6, с. 65] – *«Yes, everything was as it should be, except the dead man himself, Shchaaban Larba, who, so it was said, had never given anyone any peace while he was alive, and after death became quite unmanageable»* [13, с.116].

Согласно толковому словарю С. И. Ожегова «распоясаться», значит «стать распущенным» [9, с. 539]. Комичность ситуации заключается в описании поведения старика Шаабана как человека, любившего пошутить над недостатками людей, а после ложной смерти ставшего обладателем собственной могилы. В данном случае стилистически маркированное слово «распоясаться» заменяется переводчиком стилистически нейтральным словом «unmanageable» – «неуправляемый», при этом теряя смысловой оттенок [10, с. 797].

Передача комического при переводе рассказа «Колчерукий» на английский язык осуществляется с использованием калькирования, лексической замены, опущения и добавления.

В качестве примера использования калькирования можно привести такие фрагменты рассказа «Колчерукий» и его перевода.

«Уже изрядно выпивший, ночью, во время пения застольной песни, допускающей легкие импровизации, Колчерукий несколько раз повторил одно и то же:

О, райда, сиуа райда,

За телку продавший родственника...» [6, с.84].

«Crooked Arm had plenty of drink inside him, and during the performance of a drinking song that allowed of some improvisation, he started repeating the same couplet over and over again:

O, raida, siua raida, ei, Who sold his kinsman for a calf..» [13, с.140]

Приведенный отрывок переводится с помощью калькирования. В примере отражаются некоторые обычаи, связанные с похоронно-поминальным обрядом, согласно которому родственники помогают семье умершего различными средствами: «кто принесет вино, кто жареных кур, кто хачапури, а тот, глядишь, и телку пригонит» [6, с. 66].

Комичность ситуации заключается в попытке Колчерукого намекнуть своему родственнику о том, что ему известно о его предательстве. Однако старик не говорит об этом прямо, а упоминает в своей песне.

Нередко при интерпретации художественных произведений переводчик сталкивается с труднопереводимыми фрагментами, отсутствием эквивалента в языке перевода. В таких случаях подбирают близкое по семантике слово, используя прием лексической замены, напр.: *«Так что он, говорят, заслышав скрип ворот, выбежал на веранду и кричал своим громким голосом: «Назад! Дармоеды! Собаку спущу!» [6, с. 67] – «So, when he heard the gate creak, he would run out on the veranda and bellow in his loud voice, "Back! Keep back, you, parasites! I'll set the dog on you!"» [13, с. 119].*

Комичность ситуации заключается в бесконечных визитах родственников, узнавших о смерти старика, которые вызвали его недовольство, и ему ничего не оставалось, как пригрозить собакой. В данном фрагменте комичное слово «дармоеды» переводится Р. Даглишем как «parasites».

В словаре С.И. Ожегова дается следующее толкование слова «дармоед» – тот, кто живет за чужой счет, бездельник [9, с. 123]. Несмотря на то, что в английском языке есть схожее по семантике слово «sponger» – паразит, нахлебник [7, с. 564], Р. Даглиш отдает предпочтение слову «parasite» – one, who feeds with another [11, 363], в словаре В.К. Мюллера – паразит, туineaдец [7, с. 429].

В связи с тем, что юмор национален и тесно связан с менталитетом того или иного народа, возникают определенные сложности при переводе комических восприятий ситуаций, связанные с отсутствием возможности подобрать соответствующий эквивалент. В подобных случаях, помимо замен, переводчики нередко применяют метод опущения, напр.: «–Ага, дармоедки! Нашли друг друга! В кумхоз вас обеих! В кумхоз! – выкрикивал он после мгновенной паузы, словно онемев от возмущения ее вероломством» [6, с. 70] – «Aha, idling again! Birds of a feather! You're nothing but a gang of chatterboxes!" he would bawl, after a brief pause during which he must have been struck dumb with indignation at her treachery» [13, с. 123].

Источником смеха здесь является искажение слова «колхоз». Подобный юмор может быть понятен русскоязычному читателю, знающему правильное произношение слова. Попытка перевести данное слово путем транслитерации и так или иначе вызовет трудности в понимании у англоязычного читателя. По этой причине Даглиш опускает названное слово, применив при этом метод добавления, в целях сохранности комичности ситуации. Данное явление вызвано недостаточным владением героя русским языком. Подобный прием в лингвистике принято называть интерференцией, что является «следствием взаимодействия двух языковых систем в условиях, когда население пользуется сразу двумя языками» [3, с.124].

В качестве компенсации переводчик добавил «You are nothing, but a gang of chatterboxes», «chatterbox» – болтун [7, с. 98]. В переводе выражения «нашли друг друга» мы видим вполне равноправную идиому: birds of a feather – people with similar tastes [12, с. 25]. Также Р. Даглиш опускает слово «дармоедки», заменяя на idle – бездействующий, ленивый [10, с. 572].

Не всегда дословный перевод бывает уместным, зачастую, для передачи смысла и сохранения комического эффекта, желательно подобрать лексическую единицу, способную донести нужную мысль до читателя, напр.: «– Эй, ты, что там хрукает на огороде, хрукает! Чтобы твои уши полопали – свиньи, свиньи!» [6, с. 70] – *"Hey! There's something grunting in the kitchen garden! Blast your ears — it's the pigs, the pigs!"* [13, с. 122].

Согласно словарю С.И. Ожегова «хрупать» означает хрустеть [9, с. 710]. Несмотря на то, что в английском языке есть соответствия в виде слов crunch, crackle [7, с. 983], Р. Даглиш переводит как grunt – хрюканье, хрюкать [7, с. 983], что семантически является более подходящим вариантом.

«Правда, еще говорили, что председатель сельсовета мог бы не давать ему ходу, но он, говорят, имел зуб на Колчерукого и потому показал письмо председателю колхоза» [6, с. 76].

«To be sure, some people say that the chairman of the village Soviet need not have passed it on, but that he had a grudge against Crooked Arm, and that was why he showed it to the chairman of the farm» [13, с. 130].

Устойчивое выражение «иметь зуб на кого-либо» означает иметь злой умысел, в тайне испытывать враждебность, раздражение по отношению к кому-либо [8, с. 192]. Дословный перевод в данном случае неуместен, так как будет интерпретироваться читателями англоязычной культуры в прямом смысле, в виду отсутствия аналогичной идиомы. Р. Даглиш подбирает устойчивое выражение, которое несет схожую смысловую нагрузку: grudge – претензия, недоброжелательность [10, с. 556].

«Некоторые весть о его смерти встретили с недоверием, а родственник, что приволок когда-то телку, даже сказал, что, мол, не мешало бы его

проткнуть хотя бы наконечником посоха, чтобы убедиться окончательно он умер или опять морочит голову» [6, с. 91].

«Some received the news of his death with suspicion, and the relative who had brought the calf in those days said that it would do no harm to jab him with the sharp end of a crook to make sure he really was dead and not just shamming» [13, с. 149].

В данном случае у читателя вызывает смех сомнение родственников в смерти Колчерукого, так как первый раз весть о его смерти оказалась мнимой. Устойчивое словосочетание «морочить голову» означает дурачить, сбивать с толку, обманывать кого-либо [8, с. 216]. Однако есть немало слов, которые несут в себе ту же коннотацию: to fool someone, to gull. Переводчик заменяет устойчивое выражение на близкое по смыслу слово to sham – симулировать, притворяться [7, с. 539].

Как видим, межкультурные различия вызывают определенные трудности при передаче комического и сохранении содержания целостного произведения. Исходя из этого, переводчику необходимо выбрать правильную стратегию для максимального сохранения комического эффекта и его правильного восприятия в переводящий язык, что требует наличия фоновых знаний и высокой квалификации специалиста.

Список литературы

1. Боров Ю.Б. *Комическое, или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия.* – М.: Искусство, 1970. – 269 с.

2. Дземидок Б.О. *О комическом.* – М.: Прогресс, 2014. – 223 с.

3. Жеребило Т. В. *Словарь лингвистических терминов.* – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

4. Задорнова В. Я., Кобяшова А. С. *Прагматический подход к переводу юмора // Вестник Московского университета.* – 2013. – № 4. – С. 66–83.

5. Исмаилова Т. А. *Особенности перевода юмора на примере мультипликационного фильма «Зверополис» // Вестник ВолГУ.* – 2018. – № 16. – С. 67–69.

6. Искандер Ф. А. *Начало*. – Сухуми: Алашара, 1978. – 171 с.
7. Мюллер В. К. *Большой англо-русский и русско-английский словарь*. – М.: Эксмо, 2012. – 1008 с.
8. Ларионова Ю. А. *Фразеологический словарь современного русского языка*. – М.: Аделант, 2014. – 512 с.
9. Ожегов С. И. *Толковый словарь русского языка*. – М.: Оникс, 2008. – 1200 с.
10. *Compact Oxford Russian Dictionary*. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 880 p.
11. *Chambers's Etymological Dictionary of the English Language*. – L., 1874. – 596 p.
12. *Oxford Dictionary of idioms*. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 340 p.
13. *Fazil Iskander. «The thirteenth labor of Hercules»* // https://thelib.ru/books/iskander_f/selected_short_fiction_trrdaglish-read-5.html
14. <https://slovar.cc/rus/tolk/41473.html>

УДК 82.09

ББК 83

СОНЕТ О. УАЙЛЬДА «TO MILTON» В ПЕРЕВОДЕ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА: РАМОЧНЫЙ ТЕКСТ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОД

А.В. Ламзина, Московский физико-технический институт (Национальный исследовательский университет), г. Москва, Россия, alamzina@mail.ru

SONNET BY O. WILD "TO MILTON" IN THE TRANSLATION OF NIKOLAI GUMILEV: FRAMEWORK TEXT AS A POLITICAL CODE

A.V. Lamzina, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассматривается смысловая структура сонета О. Уайльда «To Milton» и анализируется специфика его перевода Николаем Гумилевым. Доказывается, что как оригинал, так и перевод представляют собой закодированный стихотворный текст политического содержания, ключ к которому находится в рамочных элементах, а точнее в

названии, которое одновременно выполняет функции посвящения значимому (как для Уайльда, так и для Гумилева в преддверии тектонических политических сдвигов) адресату, великому поэту и одновременно яркому политическому деятелю – Джону Мильтону.

Ключевые слова: О. Уайльд, Н. Гумилев, художественный перевод, рама текста, посвящение, Мильтон, сонет.

Abstract. The article examines the semantic structure of O. Wilde's sonnet "To Milton" and analyzes the specificity of its translation by Nikolai Gumilyov. which simultaneously serves as a dedication to a significant (both for Wilde and for Gumilyov on the eve of tectonic political shifts) addressee, a great poet and, at the same time, a prominent politician - John Milton.

Keywords: O. Wilde, N. Gumilev, literary translation, text frame, dedication, Milton, sonnet.

E-mail: alamzina@mail.ru

Перевод Николая Гумилева сонета-посвящения «Мильтону» ознаменован рядом нестандартных поэтических решений, связанных с взглядами самого поэта-переводчика. Оскар Уайльд создал этот текст в 1881 году и наделил его глубоким политическим содержанием. За обращением к поэту Мильтону фактически скрывается сожаление о политическом упадке Великобритании. Для того, чтобы наглядно показать своеобразие переводческой стратегии Гумилева сравним оригинал О. Уайльда с гумилевским переводом:

Оригинал “To Milton” Оскара Уайльда	Перевод Н.С. Гумилева
<p>MILTON! I think thy spirit hath passed away From these white cliffs and high-embattled towers; This gorgeous fiery-coloured world of ours Seems fallen into ashes dull and grey, And the age changed unto a mimic play Wherein we waste our else too-crowded hours: For all our pomp and pageantry and powers We are but fit to delve the common clay, Seeing this little isle on which we stand, This England, this sea-lion of the sea, By ignorant demagogues is held in fee, Who love her not: Dear God! is this the land Which bare a triple empire in her hand When Cromwell spake the word Democracy!</p>	<p>Я думаю, Мильтон, твой дух устал Бродить у белых скал, высоких башен: Наш пышный мир, так огненно раскрашен, Стал пепельным, он скучен стал и мал. А век комедией притворной стал, Нам без неё наш день казался б страшен, И, несмотря на блеск, на роскошь брашен, Мы годны лишь, чтоб рыть песчаный вал. Коль этот островок, любимый Богом, Коль Англия, лев моря, демагогам Тупым во власть досталась навсегда. Ах, эта ли страна на самом деле Держала три империи, когда О Демократии пронёсся клич Кромвеля.</p>

Прежде всего бросается в глаза тот факт, что отсылки к творчеству Мильтона в тексте оригинала нет: обращение к нему присутствует только в раме текста (в заглавии, выполняющем функции посвящения), а также в первой строке, открывающей сонет. Далее представлено развернутое противопоставление былого величия империи ее теперешнему состоянию. При этом Милтон жил в XVII веке и был живым свидетелем не самого благоприятного периода в истории страны: переворота Оливера Кромвеля, казни Карла I, которую Милтон оправдывал в своих стихах.

1881 год – это, напротив, период расцвета так называемой «викторианской» эпохи, правления королевы Виктории, которая оставалась у власти в течение 63 лет. Ностальгируя по временам, когда Британия была владычицей «тройной империи» (“bare a triple empire in her hand”), Оскар Уайльд осуждает современную ему эпоху, не жалея сарказма в ее описании: он считает, что окружающий мир «скатился в серый пепел» (“seems fallen into ashes dull and grey”), что эпоха превратилась в подражательную пьесу (“age changed unto a mimic play”) и пр. [3]. Это резонирует с описанием «скучного мира», в который попадает Федра в одноименном сонете, при этом сонет, обращенный к Мильтону, лишен «федровской» эпитетности: Уайльд четко проводит сопоставление времени Мильтона и Кромвеля с современной ему эпохой. Центральный мотив тот же самый: духу Мильтона в этой эпохе не время и не место, он, по мнению поэта, покинул мир – “I think thy spirit hath passed away”.

Переводческие решения Гумилева, как и в других стихотворениях, модифицируют семантику оригинала, и начинается это практически с первой же строки: если у Уайльда дух Мильтона «ушел», то у Гумилева «устал бродить» (то есть потенциально он еще остался в этом мире). Далее Гумилев сохраняет общий абрис стихотворения, соблюдая основную мысль «мир стал хуже», однако его антитезы выглядят иначе, чем у Уайльда.

В тексте оригинала “gorgeous fiery-coloured” («роскошный огненно-раскрашенный») мир превратился в серый, скучный и пепельный (“fallen into

ashes dull and grey”), то есть огонь прошлого стал пеплом в настоящем. У Гумилева видим:

Наш пышный мир, так огненно раскрашен,
Стал пепельным, он скучен стал и мал. [1, с. 209]

Гумилев добавляет определения, характеризующие «наш мир», которые акцентируют внимание не на противопоставлении огня и пепла, а на имплицитно подразумеваемом изменении размера: был большим – стал малым. Далее Оскар Уайльд подчеркивает бессмысленность усилий современных людей: при всей внешней “pomp and pageantry and powers” – «помпе, фикции, усилиях» они годны только на то, чтобы рыться в песке. В той “mimic play”, в которую превратилась современная жизнь, люди теряют «переполненные суетой часы» – “too-crowded hours”. Уайльд в оригинале использует аллитерацию “pomp and pageantry and powers”, а также акцентирует внимание на потере времени. В его тексте истинное противопоставлено кажимости, выдумке. В переводе Гумилева звучат совершенно иные мотивы:

А век комедией притворной стал,
Нам без нее наш день казался б страшен,
И, несмотря на блеск, на роскошь брашен,
Мы годны лишь, чтоб рыть песчаный вал. [1, с. 209]

Гумилев старается также сформировать аллитерацию «блеск, роскошь брашен» – для чего ему понадобилось устаревшее и редко употребляемое слово «брашно», стилистически далекое от текста оригинала. При этом «брашно» вводит в текст дополнительную коннотацию: если Уайльд говорит скорее о переполненной толпе в театре, то Гумилев – об изобильном пиршестве. Это задает несколько иной семантический вектор: критика Уайльда обрушивается на общество лживых комедиантов, у которых нет никакого внутреннего содержания, и за душой лишь пустота. Гумилев же критикует изнеженных любителей роскоши, предпочитающих изысканные яства.

В тексте Уайльда все 14 строк представляют собой всего 1 предложение: фактически, после обращения «Мильтон!» далее следует текст одного сложного

предложения, оканчивающегося только финальным восклицательным знаком. Соответственно, после первых двух четверостиший мысль продолжается в терцетах: осуждаемые автором люди годятся лишь на то, чтобы рыться в глине, глядя на тот небольшой островок, на котором они находятся. Уайльд показывает, что современные граждане его государства как бы «подрывают» основы своей жизни в прямом и в переносном смысле этого слова. Из-за их никчемности Англия, «лев моря в море» (“sea-lion of the sea”) теперь пребывает в руках не любящих ее демагогов. Используя образ «морского льва», Уайльд делает отсылку не только ко владычеству Великобритании на море, но и к ее символу – льву. При этом использован как образ «лев моря» (“lion of the sea”), так и образ «морской лев» (“sea lion”): возвышенный, геральдический образ соединен Уайльдом, мастером парадокса, с животным, вызывающим принципиально иные ассоциации.

В переводе первого терцета Гумилев создает незаконченную конструкцию:

Коль этот островок, любимый Богом,

Коль Англия, лев моря, демагогам

Тупым во власть досталась навсегда. [1, с. 209]

Фактически, это начало предложения («если ..., то... что?»), которое не имеет концовки: предыдущая строфа оканчивается точкой (в отличие от оригинала), второй терцет также начинается с нового предложения, синтаксически никак не связанного с начатой условной конструкцией. При этом Уайльд говорит, что его страна досталась глупым демагогам “in fee”, «в собственность», а Гумилев делает прибавление: «навсегда», что усиливает общее настроение безнадежности и декаданса.

В последнем терцете Гумилев не вполне верно передает мысль о «тройной империи»: вместо слова «тройной» “triple” он использует в переводе числительное «три», и в его сонете Британия «держала три империи» (в то время как Уайльд имел в виду именно «тройную империю»). У Гумилева, таким образом, выходит скорее отсылка к колониальному величию страны, которое, безусловно, достигло своего расцвета именно в викторианскую эпоху.

Уайльд же полагает, что его современники утратили тот дух борьбы, который был характерен для них в XVII веке, во времена Мильтона и Кромвеля: вот почему дух Мильтона ушел из современной автору Англии.

Не случайно Уайльд упоминает именно Англию, а не Британию: при Кромвеле произошло подавление восстаний в Ирландии и Шотландии, и страна стала «тройной», объединив в себе три народа, три государства. В России традиционно употребляют слова «Англия» и «Британия» («Великобритания») как синонимичные, для Уайльда же эти понятия не могут быть синонимами: речь идет именно об утрате величия Англии (а не Британии).

Гумилев сохраняет общую политическую и нравственную тональность стихотворения: сожаление о величии прошлого и противопоставление гордого духа XVII столетия упадку конца XIX. Принятые им переводческие решения придают тексту некоторую «телесность»: не случайно метафора театра заменяется метафорой пира, брашна. В то же время ряд переводческих находок Гумилева искажает смысл исходного текста, делая перевод более мрачным и стилистически более диверсифицированным, чем оригинал. В.С. Лоханов, анализируя перевод Гумилева, сопоставляет его со стихотворениями «Мужик» и «Швеция», также отмечая близость предпринятых Гумилевым переводческих решений собственному творчеству поэта: «Во-первых, как в оригинальных произведениях Гумилёва, так и в переводе, прослеживается мотив усталости: «Чтобы в томительные бреды / Опять поникла, как вчера...» и «Я думаю, Мильтон, твой дух устал»; в то время как в оригинале Уайльда читаем «Milton! I think thy spirit hath passed away» (дословно: Мильтон! Я думаю твой дух умер/ушёл навсегда). Из этого можно сделать вывод о том, что для Гумилёва ещё жива некая надежда на изменения. Она же видна и в последних строках стихотворения «Мужик».

Далее, нынешнее время кажется страшным Гумилёву: «В страшных, как сны, кабаках», «Город ощерился львицей, / Обороняющей львят»; это же видим и в переводе: «Нам без неё наш день казался б страшен»; у Уайльда же картина иная: «Wherein we waste our else two crowded hours». Как и во многих других

своих произведениях, Уайльд пытается отстраниться от общества, что неприемлемо для Гумилёва.

Следующая особенность, бросающаяся в глаза, - это отношение к власти. У Гумилёва власть - это власть царей, священная власть: «Обворожает царицу / Необозримой Руси», «Вотще твой Рюрик приходил».

Этот концепт частично сохраняется при переводе: «Коль Англия, лев моря, демагогам / Тупым во власть досталась навсегда» (проблема не в самой власти, проблема в правителе), в то время как у Уайльда власть сама по себе является негативным понятием, а именно средством для сбора денег: «By ignorant demagogues is held in fee». И, наконец, один из основных концептов Гумилёва, концепт «Бог», и в оригинальных стихах, и при переводе оставляет за собой сугубо положительную коннотацию: «Входит он - Боже, спаси» и в переводе «Коль этот островок, любимый Богом».

В этом случае перевод снова противоречит оригиналу. Восклицание Уайльда «Who love her not: Dear God! Is this the land» носит в какой-то степени даже иронический характер, и могло бы быть точнее передано фразой «Какого чёрта!». Ирония наблюдается и у Гумилёва: «Что ж, православные, жгите / Труп мой на тёмном мосту»; но эта ирония обращена к людям, предавшим веру, и ни в коем случае не к богу» [2].

Таким образом, можно сделать вывод, что рамочные компоненты (посвящение Мильтону в заглавии) в переводе Гумилева также играют роль смыслового ключа к сонету. Однако семиотический код рамочного текста здесь совершенно иной: он спроецирован на иную картину мира, на социокультурные и (в подтексте – политические) реалии России 1910-х годов.

Список литературы

1. Гумилев Н.С. *Переводы*. – СПб: Издательство Пушкинского Дома, издательство «Вита Нова», 2019. – 688 с.

2. Лоханов В.С. *Основы использования трехчастных оппозиций при анализе концептосферы автора (на примере произведений Н. Гумилева)* //

Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=13771> (дата обращения: 14.09.2021).

3. Wilde O. To Milton // URL: gumilev.ru/translations/20 (дата обращения: 15.10.2021).

УДК 821.16

ББК 81

**«ТИХИЙ ДОН» М. ШОЛОХОВА: ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ВТОРОГО
ИНОСТРАННОГО**

*Н. А. Ласукова, Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово, Россия*

*Н. В. Рабкина, Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово, Россия*

**«AND QUIET FLOWS THE DON» BY M. SHOLOKHOV: THE POTENTIAL
FOR CLASSES OF RUSSIAN AS A SECOND LANGUAGE**

N. A. Lasukova, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

N. V. Rabkina, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Аннотация. В работе рассмотрена форма работы с текстом романа-эпопеи Михаила Шолохова «Тихий Дон» на уроках русского языка как второго иностранного с иностранными студентами. Также даны рекомендации преподавателю русского языка как второго иностранного по модели построения занятия по изучению романа-эпопеи Михаила Шолохова «Тихий Дон» с иностранными студентами.

Ключевые слова: Тихий Дон, иностранные студенты, анализ текста, русский язык, устная речь, обучение, методика обучения.

Abstract. Quiet Flows the Don is an epic novel by M. Sholokhov. It has a great potential to be used at classes of the Russian language and culture. The article contains some ideas on how to apply this authentic material to Russian language acquisition.

Keywords: the Quiet Flows the Don, foreign students, text analysis, Russian language, education, methods of teaching Russian.

E-mail: lasukow@gmail.com.

«Тихий Дон» – роман-эпопея, написанный Михаилом Шолоховым в 1925-1940 годах, за которую он получил нобелевскую премию с формулировкой «За художественную силу и цельность эпоса о донском казачестве в переломное для России время». «Тихий Дон» экранизировался четыре раза и пять раз переводился на английский язык: хронологически эти пять версий разбросаны между 1934 и 1984 гг. Первый англоязычный перевод появился в 1934 году [1]. Если переводы и экранизации «Войны и мира», «Анны Карениной», «Преступления и наказания» и т.д. открыли иностранным читателям и зрителями жизнь и нравы Российской империи, то это произведение вполне может стать энциклопедией Советской России. Весьма показательны, что на обложке первого издания стояла цитата М. Горького: «It can only be compared with Tolstoy's War and Peace» («Его можно сравнить только с "Войной и миром" Толстого») [1]. Несмотря на то, что критики называли роман неуклюжим, слабым и переоцененным [2], славянская экзотика сделала его популярным у западной аудитории: так, газета «New York Times» хвалила Шолохова за правдивое описание человеческих чувств и создание достоверного художественного универсума «легендарной жизни донских казаков». Литературоведы всегда отмечали неидеологический характер этого произведения и исполинский размах, на который был способен только Лев Толстой.

В 2006 году Россия совместно с Италией и Великобританией представили семисерийный сериал, где снимались британские актеры, среди которых такие звезды Голливуда, как Руперт Эверетт, Ф. Мюррей Абрахам, Бен Газзара и др. Можно сделать вывод о том, что интерес иностранной аудитории к роману не утихает до сих пор. Популярность романа за рубежом и наличие нескольких экранизаций делает его перспективно интересным материалом с точки зрения изучения русского языка как иностранного.

Использование художественных фильмов исторического характера в курсах иностранных языков и культуры стран изучаемого языка имеет давнюю историю. Художественный фильм, рассказывающий о культурно значимых

событиях прошлого, позволяет не только развить навык восприятия устной речи на иностранном языке, но и познакомиться с реалиями, овладеть культурным кодом страны изучаемого языка. Методическим наработкам в области использования такого материала посвящены многие научные работы, написанные практикующими преподавателями русского языка и литературы. Рассматриваются опыт использования художественных фильмов в преподавании русского языка [5], аутентичный художественный фильм как способ преподавания иностранного языка [7], возможности художественных фильмов в социо- и лингвокультурологической адаптации иностранных студентов [6], лингвокультурологический потенциал экранизаций [3], специфика работы с номинативными и дескриптивными единицами при работе с аутентичным художественным фильмом [10] и т. д.

«Тихий Дон» имеет богатый методический потенциал. В России этот роман изучается в старших классах (в десятом) на уроках русской литературы. С этой точки зрения он постоянно оказывается в центре внимания методистов: его рассматривают как материал для изучения в школе [9] – с позиции творческой работы при анализе произведения на уроках литературы [4] – или в средне-специальных учебных заведениях [8], а также как материал для исследования лексико-семантического поля [9].

Сложно переоценить методический потенциал романа для иностранных студентов, изучающих русский язык, культуру и историю. Но по причине сложностей при восприятии романа иностранцами, «Тихий Дон» не привлек внимание педагогов в плане использования произведения в обучении студентов. Текст можно использовать для обучения чтению, письму, говорению на русском языке, русской грамматике и лексике.

Работу с иностранными студентами по роману-эпопее «Тихий Дон» можно построить следующим образом (все этапы проводятся на русском языке):

Этап 1. Знакомство с биографией самого М. Шолохова и кратким содержанием романа.

Этап 2. Просмотр эпизодов «Свадьба Григория и Натальи» и «Гибель Аксиньи» в англоязычной экранизации 2006 года и российской экранизации 2015 года (режиссер С. Урсуляк), сравнение и обсуждение двух версий.

Этап 3. Чтение небольших отрывков из романа, связанных с просмотренными эпизодами; выполнение упражнений на лексику: при встрече с «новым» словом необходимо дать ему определение, определить в каком контексте оно употреблено в тексте, подобрать к нему синонимы и антонимы, однокоренные слова.

Этап 4. Творческий этап включает в себя викторину по содержанию романа и новой лексике, а также театрализацию диалогов из экранизации фильма, конкурс выразительного чтения наизусть понравившихся отрывков и т. д.

Данную методику можно применять и к другим произведениям русской литературы при обучении иностранных студентов русскому языку, при условии, что литературное произведение имеет несколько экранизаций. Мы надеемся, что эта данная методика заинтересует преподавателей и учащихся, а иностранных студентов побудит к прочтению полного текста романа-эпопеи Шолохова «Тихий Дон».

Список литературы

1. *Sholokhov M. And Quiet Flows the Don. Vol. I / Translated from the Russian by Stephen Garry. – New York: Alfred A. Knopf 1934. – 554 p.*
2. *Struve G. Soviet Russian Literature. 1917–1950. – Norman: University of Oklahoma Press, 1951. – P. 131–132.*
3. *Абросимова О. Л., Воронова Л. В. Лингвокультурологический потенциал русских художественных фильмов в практике преподавания РКИ / Мир русского слова. – 2019. – № 3. – С. 51–55.*
4. *Гордеева А. А. Герои «Тихого Дона»: социальная сеть «ВКонтакте» на уроке литературы // Педагог-словесник XXI столетия: Сборник материалов V студенческой научно-практической конференции. – М., 2020. – С. 19–23.*

5. *Зейнелъабдин С. Ш. Использование художественных фильмов в преподавании русской литературы // Мир русского слова. – 2016. – № 1. – С. 119–120.*
6. *Игнатъев О. В. Использование художественных фильмов в процессе формирования коммуникативно-речевой компетенции и лингвокультурологическая адаптация иностранных учащихся // Русистика. – 2012. – № 2. – С. 66–72.*
7. *Никитина С. Е., Благовещенская А. А., Гутман Е. В. Специфика и потенциал аутентичного художественного фильма как метода обучения иностранному языку // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 62-2. – С. 186–189.*
8. *Остапчук Н. А., Белик Н. А. Работа над синонимами и антонимами из состава лексико-семантического поля «Взгляд» в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» в старших классах // Таврический научный обозреватель. – 2015. – № 5-2. – С. 78–81.*
9. *Рашидова С. А., Белоконь С. Н., Зацепина Е. В. О вопросах изучения романа-эпопеи М.А. Шолохова "Тихий Дон" на уроках литературы в 11 классе // Вестник науки и творчества. – 2019. – № 4. – С. 9–11.*
10. *Хурмуз О. В. Значение номинативных и дескриптивных единиц при работе с аутентичным художественным фильмом на занятиях по русскому языку как иностранному // Высшее образование сегодня. – 2018. – № 3. – С. 45–48.*
11. *Шкурко Н.Н. Изучение романа М.А. Шолохова "Тихий Дон" на уроках литературы в техникуме // Русский язык и русская культура в мировом культурном пространстве: Материалы международной научно-практической конференции. – М.: Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), 2021. – С. 155–162.*

УДК 811.161.1

ББК 80

ИЗУЧЕНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

(НА ПРИМЕРЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ «БОГАТЫЙ – БЕДНЫЙ»)

Л.А. Лобанова, И.Б. Могилева, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

STUDYING OF ADJECTIVES BY FOREIGN AUDIENCE

(ON THE EXAMPLE OF THE ADJECTIVES RICH - POOR)

L.A. Lobanova, I.B. Mogileva, Moscow State University of International Relations (Institute) of The Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russian Federation

Аннотация. В статье рассматриваются основные принципы изучения прилагательных в иностранной аудитории. В качестве примера приводятся прилагательные «богатый – бедный». Демонстрируются оттенки их значений в различном контекстном окружении на материале произведений русских писателей, а также устанавливаются синонимические и антонимические связи между ними.

Ключевые слова: синтагматический, парадигматический аспект, контекст, оттенки значения, синонимы, антонимы.

Abstract. The article describes the main principles of learning adjectives by foreign students considered as target audience. The words “rich - poor” are given as the prime example. Shades of meaning and connotations are demonstrated in various contexts. Contextual meaning is taken from the works of Russian writers. Synonymic and antonymic links are also established between them/

Keywords: syntagmatic, paradigmatic aspect, context, shades of meaning, synonyms, antonyms.

E-mail: mogilevairina@yandex.ru, luba.milana75@gmail.com

Лексический аспект является одним из важнейших и интереснейших в процессе обучения русскому языку как иностранному, так как лексика – это наиболее подвижный и быстро реагирующий на процессы, происходящие в обществе, пласт языка, поэтому работа над лексикой требует особого внимания. В данной статье мы остановимся на изучении прилагательных, которые в русском языке занимают второе место по количеству слов после существительных и составляют около 20% словарного запаса [2, с. 3–4].

Как известно, уровень коммуникативной компетенции изучающего русский язык во многом зависит от полного понимания прилагательных и

точного и правильного их употребления в речи. Т.А. Иванова отмечает, что «прилагательные не только помогают информативно, полно, адекватно и художественно-изобразительно сообщить любое речевое произведение, но и способны в разных своих формах служить выразителем субъективных коммуникативных задач автора речи» [2, с. 3–4]. О «высокой значимости для русского человека» качественных характеристик окружающего мира», выражаемых именами прилагательными, говорит и Ю. А. Климова [3, с. 12]. На особую роль качественных прилагательных обращает внимание А.Ю. Асинская, которая считает, что этот разряд слов наиболее точно отражает этнокультурные особенности русской ментальности и является важнейшим репрезентантом русской языковой картины мира [1, с. 16].

Рассмотрим особенности функционирования имен прилагательных в русском языке на примере слов «богатый/бедный».

Для определения значения данных прилагательных, выявления синонимичных и антонимичных рядов считаем нужным использовать не только словари русского языка, но и материалы творчества писателей, что позволяет наиболее полно рассмотреть функционирование этих прилагательных, отметить своеобразие их употребления. На важность контекста при определении значения слова указывал в своих работах еще Е. Курилович, обращая внимание на то, что главное (основное) значение обусловлено непосредственной действительностью, а отдельные значения фактически зависят от контекстов, употребления слова и вытекают из них.

Прилагательные «богатый-бедный» многозначны. Как все многозначные слова, они объединяют в себе несколько значений на основе их звукового тождества и наличия у них внутренней семантической связи. Поэтому работу над прилагательным в иностранной аудитории следует проводить в синтагматическом (лексическая и синтаксическая сочетаемость) и парадигматическом аспектах.

Прежде чем приступить к синтагматическому аспекту семантического анализа значений, необходимо установить внеконтекстуальное, или основное значение.

Для прилагательных «богатый-бедный» таким значением будет – «обладающий/не обладающий чем-либо в большом/малом количестве». Все остальные значения будут контекстуальными. Поэтому большую роль при изучении имен прилагательных иностранными студентами играют упражнения на наблюдение и анализ. Для определения круга значений прилагательных «богатый-бедный» студентам предлагаются разные контексты, из которых они должны выделить тот или иной оттенок значения. Оттенком основного значения прилагательного «богатый» является «обладающий большими средствами для жизни, большим имуществом, чем средний представитель данной общественной группы»: *«Александр вел себя с другими как богатый капиталист на бирже с мелкими купцами» (И.А. Гончаров «Обыкновенная история»); «Отец Пушкина был богатый помещик, получивший блестящее французское образование, веселый, остроумный» (Н.А. Добролюбов «А.С. Пушкин»).*

Прилагательное «богатый», употребляясь в значении «обладающий большим имуществом», определяет существительные со значением лица. Но, кроме того, в этом же значении выделяется оттенок, имеющий большое распространение, когда говорится о богато отстроенном квартале, улице, городе, населенном имущими (богатыми людьми). Например: *Богатые кварталы Лондона; «Усолье - богатое село; в нем живут зажиточные купцы» (Ф. Решетников «Подлиповцы»).*

Прилагательное «богатый» реализует одно из своих значений в сочетании с существительными, обозначающими что-либо «отличающееся роскошью, великолепием, обращающее на себя внимание нарядностью, дорогими украшениями», когда речь идет об одежде, вещах, внутреннем и внешнем убранстве зданий. Например: *«Кто-то стоит надо мной, будит меня... Приподнимаюсь, смотрю: человек в богатой медвежьей шубе, в собольей*

шапке» (Ф.М. Достоевский «Подросток»), или: «Какой богатый у него дом! Мы смотрели: все так со вкусом, роскошно!» (И. Гончаров «Обыкновенная история»).

Большое распространение получило значение прилагательного «богатый» как «содержащий в себе много чего-либо нужного, ценного, обильного чем-либо». Это значение может проявляться в сочетании с разными существительными: богатый стол (еда); библиотека; собрание картин и т.д. *«У маркшейдера была богатая библиотека» (Б. Галин «В одном населенном пункте»).* Причем прилагательное в этом значении может употребляться с разными существительными.

1) Когда речь идет о крае, стране, обильном чем-либо *«Пахло таяньем снега, перегнившим корьем... запахами, которыми богата в эту пору тайга» (В.Г. Лидин «Большая река»), или: «Отступление от Малоярославца тогда, когда ему (Наполеону) дают дорогу в богатый край, ... объясняется нам по разным глубокомысленным соображениям» (Л.Н. Толстой «Война и мир»).*

2) Когда речь идет об определении почвы, горных пород. Например: «Руда богата медью», или: «Почва богатая минеральными солями».

3) Об отвлеченных предметах и явлениях природы. Например: богатые возможности, перспективы, жизнь, день, времена года и т.д.

4) Отмечен оттенок значения, который реализуется в сочетании с существительным «рифма»: Богатая рифма, которая состоит более чем из одного слога рифмующихся слов, отличающихся новизной и звучностью.

У прилагательного «богатый» выделяется и переносное значение, определяющее существительные со значением лица и выражающее «разносторонность, талантливость». Например: богатая натура, человек: *«Впрочем, это такая богатая натура!» (Л.Н. Толстой «Анна Каренина»).*

Значение «разнообразный» прилагательное «богатый» реализует в сочетании с такими существительными, как, к примеру: флора, природа, литература, собрание (чего-либо), язык и т.д., т.е. с существительными, обозначающими понятия, явления и предметы, состоящие из множества

элементов: *«Богатое собрание пистолетов было единственной роскошью бедной мазанки, где он (Сильвио) жил» (А.С. Пушкин «Выстрел»), или: «Ни один народ в мире не создал столь богатой изустной литературы» (Л.Н. Толстой «Стыд хуже смерти»).*

Прилагательное «бедный», так же как и прилагательное «богатый», имеет определенный набор значений в сочетании с разными существительными. Так, одно из значений, выделяемое толковыми словарями современного русского языка, «лишенный достаточных или необходимых средств для существования», определяет существительные со значением лица, а также употребляется в значении существительного и в составе сказуемого: *«Вчера я был в концерте, данном для бедных» (А.С. Пушкин «Письма»). «Осетинцы – самое бедное племя из народов, обитающих на Кавказе» (А.С. Пушкин «Путешествие в Арзрум»).*

Оттенком данного значения может быть «не обладающий достаточными средствами для жизни; обладающий меньшим имуществом, чем средний представитель данной общественной группы»; «малоимущий, небогатый»: *«(Ихменов) женился на бедной дворяночке, Анне Андреевне Шумиловой» (Ф.М. Достоевский «Униженные и оскорбленные»).*

В образной речи, в сравнениях, в устойчивых сочетаниях и фразеологических оборотах получило распространение прилагательное «бедный», когда говорится о бедно отстроенном квартале, улице города, населенных малоимущими и неимущими: *«Домик одиноко торчал на пригорке, в конце узкой бедной улицы» (М. Горький «Мои Университеты»).*

Одним из значений прилагательного «бедный» является значение «содержащий в себе мало чего-нибудь, имеющий недостаток чего-либо». Это значение имеет ряд оттенков и варьируется в зависимости от того, с какими существительными употребляется. Круг существительных следующий: природные явления (природа, растительность...); группа существительных, отображающих конкретные явления и предметы, (стол, (еда), библиотека, одежда...); группа существительных, отображающих отвлеченные понятия и явления (жизнь, день, язык, содержание (произведения), алфавит и т.д.). Так

оттенок значения «однообразный, невыразительный» может выявляться в сочетании с существительными первой и последней из перечисленных групп: *«Бедная природа не только не казалась ей (Арине Петровне) унылою, но даже говорила ее сердцу» (М.Е. Салтыков-Щедрин, «Господа Головлевы»).*

«Я полюбил бедную петербургскую природу, белые весенние ночи» (В.М. Гаршин «Петербургские письма»); «Низкий голос ее (Горчаковой) был глуховат и беден оттенками» (М. Шолохов «Тихий Дон»).

«Несмотря на многословие, язык у вас беден и лишен образности» (М. Горький, «Письмо к С.М. Чевкину, 1913 г.»); «(Юлия Сергеевна) все думала о том, как эта провинциальная жизнь бедна событиями, однообразна и в то же время беспокойна» (А.П. Чехов «Три года»).

Одним из оттенков значения «содержащий в себя мало чего-нибудь» является реализация его в сочетании с конкретными существительными (стол, ужин, библиотека, алфавит). Этот оттенок значения выражает «скудность, незначительность, ограниченность»: *«Иногда причалит с неводом туда рыбак на ловле запоздалой и бедный ужин свой варит» (А.С. Пушкин «Медный всадник»).* Распространен также оттенок данного значения, выражающий «убожество, жалкий вид»: *«Слобода, разбросанная по песку, была скудна растительностью, лишь кое-где по дворам одиноко торчали бедные ветлы, кривые кусты бузины, да под забором робко прятались серые сухие былинки» (М. Горький «Детство»), или: «Один под ним седой и хилый пастух по-прежнему поет и обувь бедную плетет» (А.С. Пушкин «Евгений Онегин»).*

Следует отметить и выделить значение прилагательного «бедный» «стоящий недорого, простой, убогий» в сочетании со словами, обозначающими предметы, сооружения, сделанные из простых, грубых и дешевых материалов: бедная мебель, одежда, бедная обстановка. *«(Вера:) На ней была одежда бедная, простая» (А.К. Толстой «Посадник»).*

У прилагательного «бедный» особо выделяется значение «несчастный, возбуждающий сострадание», это значение преимущественно характеризует лицо: *«Я пустился в город, без милосердия прищипывал бедного моего коня.*

Дорогою придумывал я и то, и другое для избавления бедной девушки»
(А.С. Пушкин «Капитанская дочка»).

Таким образом, анализ синтагматических отношений прилагательных, учет характера контекстов их употребления позволяет перейти к следующему этапу – установлению синонимических и антонимических связей (парадигматический аспект).

Рассмотрим последовательно синонимические и антонимические отношения, а также связи между ними для прилагательных «богатый-бедный», при этом учитывая слова не во всем объеме их значений, а только в том, в каком они синонимичны или антонимичны.

Для прилагательного «богатый» в значении «обладающий большими средствами, имуществом, денежным капиталом» синонимический ряд может быть представлен в следующем виде: «богатый, имущий, состоятельный, обеспеченный, денежный, зажиточный». Также в этот ряд можно отнести устаревшее прилагательное «крепкий» в значении «обладающий вполне достаточными материальными средствами, чтобы доходно вести свое дело» (например, крепкий крестьянин).

Антонимом для данного значения прилагательного «богатый» является прилагательное «бедный», которое также может иметь свой синонимический ряд: «бедный, необеспеченный, неимущий, нищий, убогий». Причём все они имеют разную степень признаков: так нищий – это совсем не имеющий средств к существованию; неимущий – это крайне нуждающийся (преимущественно в официальной речи); убогий – это не только бедный, но и жалкий. Полная градуальная оппозиция, которая как бы состоит из нескольких соразмеримых пар с нарастающей степенью признака, будет выглядеть следующим образом: «богатый, обеспеченный, имущий, зажиточный, состоятельный, денежный, небогатый, необеспеченный, нуждающийся, бедный, нищий, убогий». Прилагательные этих двух синонимических рядов с опорными словами «богатый – бедный» могут вступать между собой в антонимические отношения.

Один из оттенков значения «обладающий большим имуществом, деньгами», прилагательное «богатый» проявляет в сочетании с существительными «город, улица, квартал». Синонимами к нему можно считать следующие прилагательные: «роскошный, пышный, великолепный, шикарный». Антонимом прилагательного «богатый» в данном значении является слово «бедный», которое в свою очередь имеет синонимический ряд: «небогатый», нищий, нищенский, убогий, жалкий».

Прилагательное «богатый» в значении «роскошный, великолепный, пышный» имеет ещё 2 синонима: «дорогой, дорогостоящий», которые являются представителями другой лексико-семантической группы («дорогой-дешёвый») и имеют в свою очередь синонимы «ценный, драгоценный, бесценный; и антонимы: «дешёвый, недорогой, грошовый, копеечный».

Значение прилагательного «богатый» как «содержащий в себе много чего-либо нужного, ценного обильного чем-либо» имеет несколько оттенков, которые различаются в зависимости от сочетаемости с разными существительными. В связи с этим обнаруживаются и разнообразные синонимические и антонимические парадигмы. Так, в сочетании с существительными библиотека, ужин, стол (еда) собрание (картин) прилагательное «богатый» заменяется синонимичными прилагательными «разнообразный, обильный, изобильный (устар. книжн.)» и противопоставляется антонимам «скудный, недостаточный». В сочетании с другой группой слов (край, страна, урожай, лето, осень...) прилагательное «богатый» синонимично прилагательным «обильный, изобильный и щедрый» и антонимично прилагательным «скудный, небогатый, бедный, убогий». В сочетании со словами, обозначающими почву, горные породы, употребляется тот же круг синонимов и антонимов, кроме прилагательного «убогий»: богатая земля, скудная земля.

Прилагательное «богатый» в значении «содержащий в себе много нужного, ценного, обильного чем-либо» и в сочетании со словами, обозначающими отвлеченные предметы и явления, может иметь две

синонимические и две антонимические парадигмы, если существительные, с которыми сочетается прилагательное «богатый» разбить на две группы: одна из которых состоит из слов, обозначающих временной отрезок (1) (день, жизнь и т.д.), а другая (2) из отвлеченных понятий типа «перспективы, возможности» и понятий, связанных с интеллектом: «ум, мысль и т.д.».

В парадигмах (1) между двумя синонимическими рядами антонимов возможно только частичное противопоставление: «разнообразный, многообразный, многогранный, однообразный, монотонный». Другие слова синонимического ряда «бедный» не вступают в антонимические отношения с синонимами прилагательного «богатый». В парадигмах (2) совсем иная картина, ибо здесь устанавливается радиальная связь (слова одного синонимического ряда синонимичны каждому слову другого ряда, кроме прилагательного «ценный»).

Как сказано выше, один из оттенков значения, «содержащий в себе много нужного, ценного» прилагательное «богатый» реализует в сочетании со словом «рифма». В данном случае «богатый» имеет следующий синонимический ряд: «богатая разнообразная, выразительная звучная, новая, свежая», и соотносительный с ним антонимический ряд: «бедная, однообразная, невыразительная, маловыразительная, монотонная». Между этими синонимическими рядами устанавливаются определенные антонимические отношения.

Прилагательное «богатый» как «разнообразный» в сочетании с существительными, обозначающими предметы и явления, состоящие из множества элементов, предполагает наличие следующих синонимов и антонимов: «богатый (растительность, природа, язык...) – разнообразный, многообразный» – «небогатый, бедный, однообразный, скудный, убогий». Между антонимами этих двух синонимических рядов образуется связь следующего порядка: слова одного ряда тяготеют лишь к определённым словам (антонимам) другого: «богатый – скудный, богатый – убогий» «разнообразный – однообразный, многообразный – однообразный».

Прилагательное «бедный» в значении «несчастный, вызывающий сострадание» оказывается в другой лексико-семантической группе «несчастный – счастливый», имеющей свои синонимические и антонимические парадигмы, свой круг сочетаемости и взаимозаменяемости.

Таким образом, анализ сочетаемости прилагательных «богатый» и «бедный» с существительными позволил широко представить их значения и сделать вывод о том, что перед нами выступает полная взаимозаменяемость антонимов «богатый – бедный». Это выражается в том, что и «богатый», и «бедный» во всех своих значениях сочетаются с одним и тем же кругом существительных. Исключение составляет лишь одно значение прилагательного «бедный» в значении «несчастный», которое входит в другую лексико-семантическую группу и не заменяется прилагательным «богатый» в одинаковых контекстах.

Чтобы дать возможность студентам понять богатство оттенков значения данных прилагательных и их сочетаемость, необходимо начать работу с упражнений на наблюдение (1 этап). Такая работа дает возможность усвоить сочетаемость этих имен прилагательных с определенным кругом существительных, раскрыть богатство оттенков значений.

На втором этапе целесообразно выполнение следующих типов упражнений:

1. Составьте словосочетания с синонимами слова «богатый», соединив слова в правой и левой колонке.

богатый	отношения
денежный	мир
многогранный	урожай
многообразный	человек

2. Прочитайте предложения. Замените прилагательное «богатый» одним из синонимов, данных в скобках:

1) Отец Пушкина был богатый помещик (состоятельный, многообразный, дорогой, роскошный).

2) Богатое собрание пистолетов было единственной роскошью (многостороннее, дорогое, разнообразное).

3. Прочитайте предложения. Замените прилагательное «богатый» подходящим синонимом.

1) Репертуар у него был богатый. В нём значилось даже несколько песен собственного сочинения.

2) Он имел несколько домов и держал 3 гостиницы; говорили, что он очень богатый человек.

3) Будучи морским офицером ещё в мирные годы, я приобрёл богатый опыт.

4) Мы понадеялись на богатый улов рыбы, но надежды наши не оправдались.

4. Прочитайте предложения. Замените прилагательное «бедный» подходящим синонимом.

1) Жил он в гостинице Демута, где занимал бедный номер.

2) Её бедный ум отказывался служить ей.

3) Жаль им было особенно бедных людей, которые часто оказывались игрушкой в руках знатных и богатых.

4) В каждую бедную семью в различных странах пришли телевидение и интернет.

Список литературы

1. Асинская А.Ю. *Репрезентация качественных имён прилагательных в уровневой системе обучения русскому языку как иностранному.* – Тюмень, Тюменский государственный университет, 2016.

2. Иванова Т.А. *Имя прилагательное, имя числительное в аспекте РКИ: Учебное пособие / Отв. ред. К.А. Рогова.* – СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2003. – 75 с.

3. *Журналистика и международное образование: Сб. трудов III Междунар. научно-практической конференции: В 2 т. / Под ред. проф. М.Ю.*

Казак, проф. У.Перси, проф. А.В. Полонского и др. – Белгород: БелГУ, 2008. – Т. 2. – 212 с.

4. Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – 456 с.

5. <https://sinonim.org/> (словарь синонимов русского языка – онлайн подбор)

УДК 070

ББК 76.02

ОБРАЗ ПОБЕДЫ И ОБРАЗ ПОРАЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СПОРТИВНЫХ СМИ

*О.В. Мурзина, Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования «Российский государственный университет
имени А.Н. Косыгина» (Технологии. Дизайн. Искусство),
г. Москва, Россия*

THE IMAGE OF THE VICTORY AND OF THE DEFEAT IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN SPORT MASS MEDIA

*O.V. Murzina, Federal State Educational Institution
of Higher Education “Russian State University
named after A.N. Kosygin” (Technology. Design. Art),
Moscow, Russia*

Аннотация. В статье рассмотрены лингвистические средства конструирования оценки спортивного результата целевой аудиторией в молодежных спортивных средствах массовой информации. Разобраны несколько типов ситуаций: победа российского спортсмена, поражение российского спортсмена, а также нейтральный по отношению к государству результат: соревнование между российскими или между не имеющими отношения к России спортсменами. Показано, что в подавляющем большинстве случаев журналисты акцентируют отрицательные аспекты: обращают внимание на поражение, а не на победу, освещая результат в негативном ракурсе.

Ключевые слова: пресса, спортивная журналистика, лингвистические средства, позитивная оценка, негативная оценка.

Abstract. The article discusses the linguistic means of constructing the assessment of sports results by the target audience in youth sports media. Several types of situations have been analyzed: the victory of a Russian athlete, the defeat of a Russian athlete, as well as a result that is neutral in relation to the state: a competition between Russian athletes or between athletes not related to Russia. It is shown that in the overwhelming majority of cases,

journalists focus on negative aspects: they pay attention to defeat, not victory, highlighting the result from a negative perspective.

Keywords: press, sports journalism, linguistic means, positive assessment, negative assessment.

E-mail: 210978@list.ru

Результат в любом виде спорта – один из основных параметров, на который ориентируется аудитория. В оценке победы или поражения важную роль играют используемые журналистами лексемы, которые расставляют знаковые точки формируемой оценки события.

Когда спортсмен, представляющий Россию, в том или ином виде спорта соревнуется с представителями других государств и побеждает, современные журналисты акцентируют значимость победы, используя такие лексемы, как «подвиг», «триумф», «герой» – например, «Трусова совершила подвиг на глазах у американцев», «Героическая победа Емельяненко» и пр. В имплицатуре текстов такого типа содержится отсылка к героизму наших предков – любое противостояние русского и иностранца ассоциируется с подвигами русского народа в Великой Отечественной войне, в Отечественной войне 1812 года и т. д. Далее текст развертывает систему координат, заданную заголовком: описывается, как трудно было нашему спортсмену, какие колоссальные препятствия он преодолевал. Если матч проводился в другой стране, спортивные СМИ часто акцентируют внимание на осуждении трибун, непростой психологической атмосфере, враждебности зрителей, пристрастности судей и пр. Например, успех наших фигуристок на чемпионате, проходящем в США, освещается следующим образом: ««Эти русские снова крадут медали!» Иностранцев возмутил триумф наших фигуристок в США» [1]. «За рубежом многие уверены, что судьи втащили Усачёву на пьедестал за счёт пресловутого «русского бонуса». Соцсети переполнены гневными комментариями в адрес арбитров» [6].

«Смотреть на доминирование российских девочек с самого начала сезона многим просто невыносимо» [1].

Кроме отсутствия поддержки со стороны трибун, ключевым фактором может выступать, например, физическое состояние спортсмена – травмы, долгая реабилитация и т.д.

Так, победа Федора Емельяненко над Тимоти Джонсоном была осуществлена в Москве, и трибуны горячо поддерживали своего соотечественника. Поэтому в его действиях выделяется другой момент, подчеркивающий, как бойцу было трудно: «Федор Емельяненко не дрался с декабря 2019-го, а на московском турнире Bellator выходил против Тимоти Джонсона совсем не фаворитом. Но 45-летний Емельяненко удивил всех: нокаутировал американца уже в первом раунде и снова напомнил, почему считается величайшим тяжеловесом в истории».

Победа, таким образом, подается как героическое деяние, значимость которого многократно усиливается через апелляцию к препятствующим обстоятельствам – спортсмен одержал победу не только над соперниками, но и над массой других негативных факторов. Это сходно с семиотической моделью освещения военных побед: победа, одержанная русским войском, позиционируется как подвиг, основанный на преодолении многочисленных внешних обстоятельств.

Если спортивные средства информации описывают проигрышный, неудачный результат, то он позиционируется «на фоне» неудавшейся победы: журналисты говорят не просто о седьмом месте, но, в первую очередь, об отсутствии первого места: «Российские гимнастки не сумели завоевать медали чемпионата мира в Китаюсю (Япония) в упражнениях на бревне. Россию в состязаниях представляли действующая абсолютная чемпионка мира Ангелина Мельникова и Яна Ворона. Обе спортсменки упали со снаряда и заняли седьмое и девятое место соответственно».

В данном случае вновь присутствует обращение к имплицитному положению «Мы первые», «Мы должны быть первыми». Если отечественный спортсмен проиграл соревнования, независимо от достигнутого им результата, его действия описываются как отсутствие

первого места, отсутствие победы. Причем это актуально не только для тех видов спорта, в которых российская команда потенциально имеет шанс на победу, но и для тех, в которых русские спортсмены традиционно не сильны – например, бронзовая медаль в парусном спорте – это не победа, а поражение: «Не добыли, а упустили. У россиян бронза по итогам драматичного финала» [4].

Таким образом, освещение победы русских спортсменов имплицитно апеллирует к подвигам и героическим деяниям, освещение поражения – к невысказанной, но легко прочитываемой максиме «мы должны быть первыми». Интересно в данном контексте проанализировать победы и поражения спортсменов, представляющих одно государство. Например, освещение внутренних чемпионатов в различных видах спорта.

Обратимся к свежему примеру: разгромному счет 7:1 в пользу команды «Зенит» в матче «Зенит» – «Спартак» 24 октября. Это событие широко обсуждается не только в спортивных СМИ, но и в СМИ более широкого профиля. Так, на «Матч ТВ» этот матч был назван «избиением», журналисты обращались к аудитории с риторическими вопросами «Ты тоже до сих пор не понимаешь, что происходит?», «Что вообще творится?» [3]. В ситуативной оценке комментаторов превалирует акцент на беспрецедентность события, основная эмоция, которую выделяют комментаторы, – удивление, потрясение, изумление.

Далее, при разборе этого матча на портале sports.ru отмечается, что это было «крупнейшее поражение» в истории команды, говорится об «историческом разгроме» и пр. В целом, заглавия и ремарки журналистов формируют оценку события через номинацию: любопытно, что речь идет не о сокрушительной победе «Зенита», а об удивительном разгроме «Спартака», то есть в фокусе внимания не победитель, а побежденный.

То же самое видим в разборе соответствующего матча на Championat.com: речь идет не о сокрушительной победе «Зенита», а о разгромном поражении «Спартака». Заголовок спустя сутки после матча:

«Комбаров: шокирован результатом «Спартака» [5] акцентирует именно горечь поражения, а не радость победы.

В освещении других видов спорта также прослеживается соответствующая тенденция: во всех случаях, когда соревнуются два соперника, и неизбежна победа одного из них, соответствующая проигрышу другого, выделена именно отрицательная сторона вопроса, при этом даже если речь идет не о российских спортсменах, а о представителях других государств. Например, в статье о результатах автомобильных гонок: ««Мерседес» сам отдал победу в США. Полный разбор поражения на Гран-при в Остине. <...> Разбираемся, как действующие чемпионы проиграли гонку, в которой с 2014 года не знали поражений» [2]. Внимание акцентировано именно на проигрыше, на негативной стороне соревнования.

Анализ освещения побед и поражений в средствах массовой информации на русском языке, таким образом, указывает на существенное доминирование негативной информации над позитивной. Это существенно влияет на психологическую атмосферу во время соревнований и восприятие спортсменами своих побед и поражений – фактически, любой результат, кроме первого места и золотой медали обесценивается. Во время недавних Олимпийских игр в Токио этот момент отмечался самими спортсменами: многие обладатели серебряных и бронзовых медалей чувствовали несправедливость комментаторов и спортивных СМИ по отношению к их результатам, также добытым тяжелым трудом и интенсивными тренировками.

В качестве рекомендации будущим журналистам следует ориентироваться именно на позитивные черты результата того или иного спортсмена и постепенно отказываться от стереотипа «все, что не первое место, – недостойно русского спортсмена».

Список литературы

1. Авдонина Е. «Эти русские снова крадут медали!» Иностранцев возмутил триумф наших фигуристок в США //

<https://www.championat.com/figureskating/article-4493535-figurnoe-katanie-gran-pri-ssha-reakciya-inostrancev-na-pobedu-trusovoj-vozmuschenie-serebrom-usachyovoj-russkij-bonus.html>

2. Захарченко Д. «Мерседес» сам отдал победу в США. Полный разбор поражения на Гран-при в Осине // <https://www.championat.com/auto/article-4493779-mercedes-proigral-red-bull-na-gran-pri-ssha-f-1-u-hemiltona-ne-bylo-shansov-protiv-ferstappena.html>

3. «Зенит» в огне! «Спартак» уничтожен в дерби двух столиц – красно-белые впервые пропустили семь голов в РПЛ // https://matchtv.ru/football/rpl/matchtvnews_NII425439_Glavnaja_bitva_oseni_Spartak_v_gostah_u_Zenita_Pramaja_translacija_na_Match_TV

4. Не добыли, а упустили. У россиян бронза по итогам драматичного финала // <https://www.championat.com/other/article-3903103-neozhidannyj-final-sezona-v-zachjote-rc44-cup--rossijane-s-bronzoj.html>

5. Панков А. Комбаров: шокирован результатом «Спартака». Если уволят Виторию, никто не удивится // <https://www.championat.com/football/news-4493657-kombarov-shokirovan-rezultatom-spartaka-esli-uvolyat-vitoriyu-nikto-ne-udivitsya.html>

6. Фигурное катание, Гран-при США: реакция иностранцев на победу Трусовой, возмущение серебром Усачёвой, русский бонус. Об этом сообщает «Рамблер» // <https://sport.rambler.ru/winter/47450839/>

УДК 82.09

ББК 83

**ТИПОЛОГИЯ КОНФЛИКТА В АКМЕИЗМЕ (НА ПРИМЕРЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА «СРЕДНЕВЕКОВЬЕ»)**

*Т. Л. Павлова, НИТУ «Московский институт стали и сплавов» (МИСиС),
Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова,
Москва, Россия*

**TYPOLOGY OF CONFLICT IN ACMEISM (ON THE EXAMPLE OF THE
POEM BY NIKOLAY GUMILEV “MIDDLE AGES”)**

*T. L. Pavlova, National University of Science and Technology "MISiS",
Griboyedov Institute of International Law and Economics, Moscow, Russia*

Аннотация. В статье рассматривается конфликт различных планов эонического пространства в акмеизме – на примере стихотворения Николая Гумилева «Средневековье». Исполненное видимых противоречий, стихотворение легко прочитывается в категориях поливалентного конфликта, связанных с концепцией Средневековья как одного из важных для акмеизма периодов. Создавая стихотворение, Гумилев имплицитно разворачивает в поэтической форме тезис Манделштама, прозвучавший в статье «Утро акмеизма».

Ключевые слова: акмеизм, конфликт, эон, Средневековье, Гумилев.

Abstract. The article examines the conflict between different planes of aeonic space in acmeism – on the example of Nikolai Gumilyov's poem “The Middle Ages”. Filled with visible contradictions, the poem is easily read in the categories of polyvalent conflict associated with the concept of the Middle Ages as one of the most important periods for Acmeism. Creating a poem, Gumilev implicitly unfolds in poetic form Mandelstam's thesis, which sounded in the article “The Morning of Acmeism”.

Keywords: acmeism, conflict, aeon, Middle Ages, Gumilev.

E-mail: pavlova-sizykh@yandex.ru

Акмеизм как литературная школа постулировал, среди прочего, внимание к эпохе Средневековья как к своеобразному культурному и литературному ориентиру. О.Э. Манделштам в «Утре акмеизма» говорил об этой эпохе: «Средневековье дорого нам потому, что обладало в высокой степени чувством граней и перегородок. Оно никогда не смешивало различных планов и к потустороннему относилось с огромной сдержанностью. Благородная смесь рассудочности и мистики и ощущение мира как живого равновесия роднит нас с этой эпохой и побуждает черпать силы в произведениях, возникших на романской почве около 1200 года. Будем же доказывать свою правоту так,

чтобы в ответ нам содрогалась вся цепь причин и следствий от альфы до омеги, научимся носить «легче и вольнее подвижные оковы бытия» [6, с. 145]. Статья «Утро акмеизма» создана в 1913 году, а в 1915 году основатель акмеизма Н.С.Гумилев создает стихотворение «Средневековье», имплицитно подтверждающее представление о Средневековье, постулируемое его соратником и единомышленником Мандельштамом, через конфликт различных планов – прежде всего, «посюстороннего» и «потустороннего».

В «Средневековье» Гумилева, в полном соответствии с описанием Мандельштама, общество многоплановое, и различные планы не пересекаются: так, первая же строфа стихотворения задает восприятие обыденного и мистического как различных непересекающихся аспектов одного мира:

Прошел патруль, стуча мечами,
Дурной монах прокрался к милой,
Над островерхими домами
Неведомое опочило. [1, с. 230]

Обычных людей с обычными слабостями – «дурного монаха», который крадется к «милой», нарушая обет безбрачия, патруль, который отслеживает нарушителей – никак не удивляет и не изумляет «неведомое», которое опочило над домами. Они пребывают в разных планах, разных уровнях этого мира.

На «нижнем», человеческом уровне этого мира вспыхивают имплицитно обозначаемые конфликты – так, помимо противоречия чувства и долга, которое отличает «дурного монаха», другой конфликт намечен в ответе лирического героя прошедшему патрулю:

Но мы спокойны, мы поспорим
Со стражами Господня гнева,
И пахнет звездами и морем
Твой плащ широкий, Женевьева.

Патрулирование улиц города в ночное время, наряду с закрытием ворот города, а в ряде крупных городов – закрытием ворот отдельных кварталов – служило делу борьбы с преступностью: «В Испании с XII века горожане стали

создавать для защиты торговцев «братства» - эрмандады. В XV веке король Фердинанд II и королева Изабелла I объединили разрозненные добровольные дружины в общую Святую Эрмандаду – по сути, первую в мире национальную гвардию, которая управлялась чиновником, назначаемым из столицы, и содержалась за счёт специального налога. Появившиеся на дорогах и на улицах городов патрули Святой Эрмандады сыграли не последнюю роль в расцвете Испании в эпоху Великих географических открытий» [5]. Патрули, в других государствах набиравшиеся на добровольной основе и следившие за порядком, могли остановить любого идущего по улице в ночной час человека и уточнить у него, куда и зачем он направляется. Собираясь «спорить» с патрулем, лирический герой обозначает конфликт истинного – они с подругой Женеьевой не преступники и не собираются никого обижать – и кажимого: в представлении патруля любой, передвигающийся по улицам в ночное время, – потенциальный правонарушитель.

Далее, весь текст стихотворения после слов «ты помнишь ли...» вплоть до последней строфы написан в прошедшем времени – герой вспоминает о том, как он и его возлюбленная получили благословение от работавших в ночи масонов:

Поцеловав порог узорный,
Свершив коленопреклоненье,
Мы попросили так покорно
Тебе и мне благословенья.

Великий Мастер с нивелиром
Стоял средь грохота и гула
И прошептал: «Идите с миром,
Мы побеждаем Вельзевула».

В ночи, когда все добропорядочные граждане спят, масоны ведут шумные работы – строят храм. Речь идет, безусловно, не об обычных каменщиках: мастер прямо утверждает, что они осуществляют мистическую работу, борются

с Вельзевулом. Стихотворение «Средневековье» даже цитировалось И. Голенищевым-Кутузовым как доказательство несомненной принадлежности Гумилева к масонской ложе [3]. Однако речь идет скорее не об обращении к идеалам западного масонства, а к возникшей на почве русского масонства концепции «построения внутренней церкви». Эта концепция была задумана И.В. Лопухиным [2] как идея конструирования храма внутри себя, в своей душе – своего рода символ напряженной внутренней работы и духовного роста. О том, что работа масонов в «Средневековье» - не внешняя, физическая, а внутренняя, духовная, свидетельствует оксюморон: мастер говорит шепотом «среди грохота и гула», и при этом герои его слышат и принимают его благословение:

Пока они живут на свете,
Творят закон святого сева,
Мы смело можем быть как дети,
Любить друг друга, Женевьева.

Таким образом, в воспоминании героев пересекаются те два плана, которые изолированы в экспозиции стихотворения: если в начале «вещный» и «тонкий» план разделены (люди сами по себе, а «неведомое» - само по себе), то в воспоминании, обращенном к Женевьеве, лирический герой моделирует ситуацию, когда они, обычные люди, проникают в «тонкий» мир, наблюдают мистическую работу масонов над храмом:

Ты помнишь ли, как перед нами
Встал храм, чернеющий во мраке,
Над сумрачными алтарями
Горели огненные знаки.

Торжественный, гранитнокрылый,
Он охранял наш город сонный,
В нем пели молоты и пилы,
В ночи работали масоны.

В описании храма привлекают внимание и другие очевидные противоречия, кроме слышимого в грохоте и гуле шепота: храм, с одной стороны, уже готов, так как охраняет сонный город, но в то же время и идет его стройка. Масоны владеют секретами строительства из камня:

Слова их скупы и случайны,
Но взоры ясны и упрямы,
Им древние открыты тайны,
Как строить каменные храмы.

Однако при этом они используют молоты и пилы, более характерные для работы с деревом. Наконец, стихотворение открывается строкой о проходе патруля, который охраняет покой спящих граждан и строго относится ко всем ночным прохожим, но в то же время в спящем городе идет интенсивная стройка. У масонов просят благословения, как у священников, и их благословление считается «действительным», хотя масонство оппозиционно христианской церкви – особенно в варианте построения «внутренней церкви», противопоставляемой церкви «внешней».

Все эти противоречия легко объясняются, если вспомнить о концепции Средневековья у Мандельштама, процитированной выше: все перечисленные явления происходят как бы в разных мирах, жители города не видят друг друга. Прямой диалог, подразумевающий визуальный контакт, присутствует только в воспоминании лирического героя о разговоре с масоном. Все остальные не обращают внимания друг на друга: патруль не видит ни главного героя, ни дурного монаха, ни неведомое, жители города спят, не обращая внимания на стройку масонов, и, наконец, сама Женестьева, к которой постоянно обращается главный герой, не отвечает ему, что наводит на мысль: возлюбленная существует лишь в его воображении или в воспоминаниях. Ее плащ «пахнет звездами и морем», их любовь целомудренна – они «как дети». Вполне возможно, что и она существует в одном из тех «тонких планов», которые составляют слои смысла «Средневековья» Гумилева и концепт Средневековья у Мандельштама. Лишь главный герой обретает способность наблюдать все

многочисленные смысловые планы – как Адам в более раннем стихотворении «Сон Адама» [4] он оказывается в своеобразном «эоническом» пространстве, в котором различные планы пересекаются и события разных миров происходят симультанно.

Список литературы

1. Гумилев Н.С. *Стихотворения и поэмы*. – Л.: Советский писатель, 1988. – 632 с.
2. Данилов А.В. *Розенкрейцер и реформатор российского масонства И.В. Лопухин. Его учение о «внутренней церкви» как новация масонской мистики*. – Минск: Зорны Верасок, 2010. – 384 с.
3. Йованович М. *Николай Гумилев и масонское учение // Н. Гумилев и русский Парнас: материалы научной конференции 17-19 сентября 1991 г.* – СПб., 1992. – С. 32–46.
4. Кихней Л.Г. *Под знаком акмеизма*. – М.: Азбуковник, 2017. – 608 с.
5. Край И. *Стража! Стража! История сыска // <https://www.mirf.ru/science/istoriya-syska/>*
6. *Мандельштам О.Э. Сочинения: В 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. Проза. Переводы. 464 с.*

УДК 82.09

ББК 83

ОБРАЗ «СТРАННИКА» В ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ГУМИЛЕВА

А. Ю. Писаренко, Институт международного права и экономики

имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия

THE IMAGE OF THE "WANDERER" IN THE WORKS OF N.S. GUMILEV

A. Yu. Pisarenko, The Institute of International Law and Economics named

after A.S. Griboedov, Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассматривается формирование и развитие художественного образа героя странствий в творчестве Н.С. Гумилева. «Духовное странничество» – важнейшая тема в художественном мире поэта. Ей отводится значимое место в его творчестве. Путешественник и странник проявляется как лирический герой поэзии Н.С.Гумилева. Он познает в своих сновидениях и мечтах различные художественные образы.

Они относятся к иной, неземной, высшей реальности. Интерпретация произведений Н.С.Гумилева происходит через изучение смысла его творчества – «пути к раю».

Ключевые слова: Гумилев, поэзия, странник, лирический герой.

Annotation. The article considers the formation and development of the artistic image of the hero of wanderings in the work of N. S. Gumilev. "Spiritual pilgrimage" is one of the most important themes in the artistic world of N. S. Gumilev, it is given a significant place. The traveler and the wanderer, as the lyrical hero of N. S. Gumilev's poetry, learns artistic images in his dreams and dreams. They belong to another, unearthly, higher reality. The interpretation of N. S. Gumilev's works takes place through the study of the meaning of his work – "the way to paradise".

Keywords: Gumilev, poetry, wanderer, lyrical hero.

E-mail: kadiya@mail.ru

Творчество Н.С. Гумилева занимает особое место в истории русской поэзии XX века, «Серебряного века» в ее истории. Личность самого поэта, его авантюрная, полная путешествий и странствий биография повлияла на содержание его стихотворений, в которых не раз отображался лирический герой как странник, путешественник, паломник, пилигрим. Гумилев посетил множество стран и проникся духом заморских земель и их святынь. Это такие страны и города, как Франция и Париж, Италия, Африка, Египет, Турция и Синоп, Греция и многие другие. На протяжении всей его жизни романтический дух странствий и открытие новых земель волновали душу поэта. Именно поэтому изучение его творчества в контексте лирического героя как путешественника представляется значимой и интересной тематикой в литературоведении.

В ряде произведений Н.С. Гумилева воплотилась тематика «путешествия по временам и культурам». В творчестве этого поэта осмысливаются географические образы, темы, мотивы, причем это выражается как в художественном понимании, так и в религиозном и культурно-философском. Гумилев в своих произведениях конструирует свою собственную науку, геософию, которая занимается исследованиями взаимной связи между природой и культурой, в ней содержатся идеи о священном смысле природных и культурных объектов и земель.

Творчество Гумилева неразрывно связано с мистической традицией, оккультизмом. Это отмечает ряд исследователей, которые изучали его произведения и публиковали свои работы в 1990-е годы. Например

Н.Богомолов, М. Баскер. Другие ученые обнаруживают связь творчества поэта с масонством, например, М. Йованович. При этом описывается образ лирического героя Гумилева как мага, жреца и сновидца. Н. Богомолов видел в лирическом герое Гумилева отражение личности самого поэта.

«Жрец, расколдовывающий тайны природы, и поэт уравниваются в правах, поэтическое слово становится равным слову магическому» [1, с. 46].

«Искатель нездешних Америк» является лирическим героем поэзии Н.С.Гумилева, и он нацелен на стихию движения. Оно понимается поэтом как вечное совершенствование. Сакральная география в творчестве Гумилева выступает особой наукой, которая нацелена на постижение не просто географических реалий, но и их священного смысла. Священные объекты описываются поэтом не просто в художественных образах. Они имеют также особую значимость, культурную и философскую, а также связанную с религиями народов мира. Лирический герой Гумилева постигает «душу земли». Он находится в постоянных поисках «земного рая». Это особое сакральное пространство. Оно сродни райскому саду, Эдему. Странничество – главный мотив творческого пути Н.С. Гумилева. Одна из центральных вдохновительниц поэта – Муза Дальних странствий. Волшебный мир мастера акмеизма включает в себя романтические мечтания, впечатления путешественника, художественные аллюзии. По этому миру осуществляет свое странствие лирический герой Гумилева – вечный странник.

Стихи поэта содержат в себе множество культуронимов, важных географических объектов. Они имеют особый культурный, философский и культовый смысл. Среди них автор особо выделяет Россию, Францию, Абиссинию, Египет, Индию, Ирландию, Византию, Китай и многие другие. Лирический герой Гумилева жаждет познания экзотики, открытия и освоения новых земель. В своих устремлениях лирический герой проявляет активность – осуществляет поиск экзотического смысла жизни. Особенностью творчества Гумилева является сближение образов – образа поэта и образа странника. Если первый определяет характер вещей, дает им названия, то второй открывает для

себя и познает неизведанные далекие земли. Лирический герой, воплотивший в себя образы поэта и странника, проходит долгий, но интересный путь от открытия и познания до называния предметов и явлений. Именно таким путем пространство планеты Земля одухотворяется и окультурируется [8].

Тематика странствий и путешествий в стихах Н.С. Гумилева постоянно развивается и находит свое отражение в различных смыслах. Поэту интересны дальние страны и экзотические объекты, что он выражает в своем творчестве. Но значимым также является и духовное путешествие лирического героя Н.С.Гумилева. В нем происходят изменения его личности в процессе странствий во времени. Образ путешественника и конквистадора содержится уже в первом сборнике стихов великого поэта:

«Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду» [4].

Гумилев активно интересовался историей покорения Америки и это выразилось в использовании «конквистадорской атрибутики» в портрете его лирического героя. При этом конквистадор им воспринимался не только как завоеватель, но и как миссионер. Именно в миссионерской ипостаси ближе всего к мировоззрению поэта первооткрыватель Америки Колумб, он для него не только завоеватель, но и паломник, и человек, несущий веру Христа языческим народам.

В различных стихах Н.С.Гумилева присутствуют многие виды странствий. Например, в «итальянских стихах» творчество имеет туристическое содержание, в «африканских» поэт повествует о путешествиях как поиске и открытии. В таких произведениях, как «Африканская ночь», «Наступление» странствие показано как завоевание, а в «Паломнике» как паломничество.

Герой стихотворения «Паломник» Ахмет-оглы начинает свое путешествие как путь к земной Мекке. При этом он достигает своей цели, священного объекта уже в небесном мире. В данном стихотворении поэт создал яркий

символ, который воплотил в себе образ паломничества. Поэт рисует в нем суровый путь этого героя, а самого героя старым, но сильным духом человеком, которого окрыляет и напутствует Аллах, его Бог. Ему помогает преодолеть усталость и слабость Азраил, ангел, и поведет его чудесной тропой к Мекке, к цели его паломничества.

Мотив странствия и путешествия в поэзии Н.С.Гумилева отражается также и в таком стихотворении, как «Ослепительное». В нем лирический герой изображается как покорный пилигрим. Он плывет к благодной и смиренной жизни, к райскому саду. Он идет туда, где растут цветы и лежит «бассейн на берегу за старой Смирной». Путь героя сложен и тернист – на пути его ожидают необычайно сложные испытания, опасности (в стихотворении «Ослепительное») соблазны, искушения. Всегда был риск не достичь конечной цели. Опасности могут свернуть наших героев с намеченного ими пути. Наряду с этим сохраняется вероятность и духовного падения главного героя, выбор ошибочной дороги. Николай Гумилев писал о «капитане с ликом Каина» (стихотворение, завершающее цикл «Капитаны»). Однако «броня своих святых» приходит героям на помощь и позволяет завершить свой праведный путь («Правый путь») [2, с. 86]. В другом стихотворении Гумилева «Евангелическая церковь» показано судно, которое устремлено в вечность. Оно расположено под сводом прекрасного храма [7].

Поэтическое пространство Н.С. Гумилева преисполнено экзотических странствий, при этом каждое наполнено особым смыслом и духовным содержанием. Один из центральных образов – образ райского сада, который был утрачен праотцом Адамом вследствие грехопадения мира. Гумилев дает название райскому саду – «родина иная». Устремляющей и направляющей силой, которая ведет героя по намеченному пути, становится его тоска по утраченному раю. В стихотворении «Эзбекие» Н.С. Гумилев создает образ райского, дивного сада. В нем герой находит так необходимые ему душевный мир и покой, сравнивает его со «священными рощами молодого мира», где «пальмы тонкие вносили ветви» [3]. Языческий мотив этого стиха выражается

в сравнении растущих платанов в райском саду с вещими друидами, а водопада с встающим на дыбы единорогом.

Религиозные и культурные святыни проходят красной нитью через все творчество Н.С. Гумилева. В стихе «От всех заклятий Трисмегиста» он упоминает священный город Иерусалим. Про него же рассказывается и в стихотворении «Память». В другом произведении – «Вступление», поэт рисует образ «сикиморы Богоматери». Гумилев описывает в своем творчестве и другие священные географические объекты, священные для многих народов. Например, это прекрасный готический средневековый собор Нотр-Дам де Пари, в Париже. Прекрасные солнечные греческие острова Родос и Патмос также присутствуют в его поэзии. В других стихах упоминаются таинственный город Рим, Красное море, собор святой Софии в Константинополе и многое другое.

В стихах Гумилева описываются также эпизоды из Библии, связанные с путешествиями. Например, это ветхозаветные и новозаветные события, такие как бегство Святого семейства из Израиля в Египет. В произведении Гумилева «Вступление» герой просит от Бога «последнюю милость» перед отходом в «селенья святые», он хочет умереть под сикоморою, где Христос проводил время своей жизни с Марией.

В произведениях мэтра акмеизма Н.С.Гумилева воспроизводятся различные способы выражения статуса лирического героя, которые проявляются в его сознании и поведении. Типология персонажей его творчества достаточно широкая и включает в себя 3 преобладающих типа – воин, путешественник и эстет. Показательный образ из творчества поэта – это образ независимого, энергичного воина [9].

Ценности лирических героев поэта оказывают влияние на их путь. Герои Гумилева путешествуют по дальним странам. Их цель – найти безупречную любовь, идеальную красоту, гармонию, познание Абсолюта. Первоначало и первоизданный Эдем при этом является целью таких странствий. Герой-странник встречает на своем пути различные испытания: его любовь гибнет, мешают несущие зло окружающие. Но он не может отказаться от странствия,

так как этот отказ принесет мучения и тоску. Спасение от разочарования не всегда является достижением цели.

Одной из главных тематик творчества Гумилева является обращение к истории и включение в его произведения реальных исторических деятелей. Их образы представлены в творчестве поэта в переработанном виде в качестве странника и паломника [6, с. 8]. Творческий путь поэта трансформируется в зависимости от его мироощущения. Параллельно происходит и изменение образа лирического героя – от бедуина и дервиша до мореплавателя и капитана. В освещении Н.С. Гумилева образ Странника приближается к образу поэта-мага, который вобрал в себя языческие и мистические смыслы.

Список литературы

1. Богомолов Н.А. Гумилев и оккультизм // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. – М., 1999.

2. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. – М.: Воскресенье, 1997. – Т.1–8.

3. Гумилев Н. Эзбекские // <https://www.culture.ru/poems/38719/ezbekie> (дата обращения: 08.09.2021).

4. Гумилев Н.С. Я конквистадор в панцире железном // <https://gumilev.ru/verses/494/> (дата обращения: 09.09.2021).

5. Кухней Л.Г. «Чужая старинная быль...»: Мифопоэтическое преломление «национальной идеи» в лирике позднего Гумилева // Мат-лы Международ. науч. конф. «Гумилевские чтения». – СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2006. – С.87–98.

6. Полиевская А.С. Экзотический топос в творчестве Н.С. Гумилева: Автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2006. – 16 с.

7. Раскина Е.Ю. Поэтическое творчество Н. С. Гумилева в контексте межкультурной коммуникации // Вестник Московской международной академии. 2011. №1. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/poeticheskie-](https://cyberleninka.ru/article/n/poeticheskie)

tvorchestvo-n-s-gumileva-v-kontekste-mezhkulturnoy-kommunikatsii (дата обращения: 01.09.2021).

8. Раскина Е. Ю. Странничество и паломничество как формы духовного совершенствования героя в произведениях Н. С. Гумилева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strannichestvo-i-palomничество-kak-formy-duhovnogo-sovershenstvovaniya-geroia-v-proizvedeniyah-n-s-gumileva> (дата обращения: 01.09.2021).

9. Соколова Д. В. Лирический герой Н. С. Гумилева: воин, путешественник, маг или эстет? // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/liricheskiy-geroy-n-s-gumileva-voin-puteshestvennik-mag-ili-estet> (дата обращения: 01.09.2021).

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2-99

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ И В СМИ СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ

*Д.А.Сорокин, Российский государственный университет им А.Н. Косыгина,
Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова,
г. Москва, Россия*

**THE POSITION OF THE RUSSIAN LANGUAGE
AT THE EDUCATION SYSTEM AND MEDIA NORTH MACEDONIA**
*D.A. Sorokin, Russian State University im. A.N. Kosygina, Griboyedov Institute of
International Law and Economics, Moscow, Russia*

Аннотация. В статье на основе анализа документов и материалов, мнения экспертов анализируется позиционирование русского языка как учебного предмета в образовательной системе Северной Македонии. Доказано, что количество изучающих язык невелико, однако это не отражает заинтересованности македонцев в познании русского. Пример тому, работа одной школы в г. Скопье и Русского центра при Университете св.Кирилла и Мефодия.

Ключевые слова: Республика Северная Македония, русский язык, обучение языку, система образования, медиа.

Abstract. The paper analyzes the position of Russian language in education system North Macedonia. The results show that there are not many students who learn Russian in school or institute. It does not mean that Russian language is not popular according Macedonian people (it's a political point). Lot of them learn Russian in Russian Center because they would like to know more about Russian literature, culture and history.

Key words: North Macedonia, Russian language, education system.

E-mail: sorokin-da@rguk.ru

Проведенный Государственным институтом русского языка им. А. С. Пушкина, мониторинг положения русского языка в мире показал, что он занимает 4-е место в мире по статусу в международных организациях; 5-е (по результатам 2019 года) – по числу научных публикаций, зарегистрированных в авторитетных Scopus и Web of Science; 8-е – по численности говорящих на нем[1]. Несмотря на такие, казалось бы, оптимистичные данные, многие эксперты того же Института склонны считать, что количество людей, изучающих русский как иностранный в школах, колледжах и вузах, с момента распада Советского Союза сократилось почти вдвое.

В качестве иллюстрации данной тенденции можно привести ситуацию, связанную с изучением русского языка, в Северной Македонии. На основании материалов исследований македонских авторов, данных статистики и мнений экспертов, определим позиционированием русского языка в системе образования страны.

Македония – небольшое, относительно молодое славянское государство, расположенное в самом «сердце» Балканского полуострова. Современная Македония насчитывает немногим более полувека, в то время как история и народа, ее населяющий, ведут свой отсчет с древности. Долгое время Македония не имела собственного литературного языка, используемый в устном общении язык представлял собой совокупность региональных койне и говоров. Первая научная кодификация современного македонского

литературного языка была проведена в самом начале XX в. одним из деятелей македонского национального возрождения (Крсте Петковым Мисирковым). Не углубляясь в филологические нюансы отметим, что по результатам исследований лексики языка К.П. Мисиркова можно констатировать, что македонский язык был богат заимствованиями, в том числе и из славянских языков: 11,16% интернационализмов, 1,23% турцизмов, 1,53% грецизмов, 0,64% болгаризмов, 0,58% сербизмов и 8,86% русизмов [2, с. 407, 411].

Можно предположить, что легкость в освоении языка (более 8% русизмов) и сопутствующая политическая составляющая сразу же по окончании Второй мировой войны сделали русский язык одним из самых популярных для изучения в югославской Македонии. Однако, и вероятнее всего, благодаря всё той же политической составляющей – разоблачению неправильной политики И.Б. Тито в основных вопросах внешней и внутренней политики, отходящей от идей марксизма-ленинизма и проведением руководством компартии Югославии недружелюбной по отношению к Советскому Союзу политики – интерес к изучению русского языка стал снижаться. Так, по мнению, одного из русистов современной Македонии профессора, доктора наук, председателя Ассоциации преподавателей русского языка и литературы М. Каранфиловского в первой половине 60-х годов русский язык преподавался в 6,4% 1-4 классов и 0,38% 5-8 классов. В дальнейшем язык вновь укрепил свои позиции и стал преподаваться в 18,4% 1-4 классов и 21,5% 5-8 классов. С тех пор и до начала 90-х годов XX в. процент изучающих русский язык оставался стабильным и составлял около 12% в начальных и 14-18% средних школах [3, с. 233-234].

С выходом Македонии из состава Югославии произошли определенные изменения и в общественно-политической системе, которые не могли не коснуться вопросов языка. По мнению экс-советника министра образования и науки Македонии, после отмены положения о равной возможности

изучения иностранных языков для учащихся начальной и средней школы, началось постепенное снижение количества детей, изучающих русский язык.

И если до 1992 года русский язык изучал каждый третий школьник (в качестве первого или второго иностранного), то в 2000/01 учебном году русский язык выбрали лишь 2% учеников в качестве первого иностранного. Эта тенденция прослеживается до настоящего времени. К примеру, в 2018/19 учебном году на 9 населенных пунктов приходилось 10 школ, где в старших классах (6-9кл.) русский язык как предмет изучали 400 учеников, а уроки для них вели лишь 8 педагогов.

Снижение количества изучающих русский язык в школах отмечают и македонские ученые-русисты. Это связано, по их мнению, с несколькими составляющими и административно-материального характера и правоприменительного. Так, в школах в основном отсутствуют специализированные кабинеты русского языка; педагога-русиста, допустим, ушедшего на пенсию не заменяют вновь пришедшим, а передают его часы преподавателям других иностранных языков; серьезные ограничения вносит и Закон об образовании: языковая группа должна состоять из не менее, чем 15 человек, и выбирать можно лишь тот язык, который изучался в начальной школе и др. Очевидно, что подобное положение дел оптимизма не вызывает.

Тем не менее, изменить ситуацию возможно. Пример – проект, реализуемый с 2006 года в школе имени Димитара Миладинова по изучение русского языка детьми с раннего возраста, в начальной школе. Программа обучения разработана македонскими преподавателями совместно с педагогами – носителями языка, в том числе и представителями образования и науки г.Москвы. По плану для каждого года обучения предполагается еженедельная нагрузка в 2 часа, с итоговой годовой нагрузкой по курсу в 72 часа. Тематически обучение русскому языку подразделяется на несколько частей: изучение лексики, грамматики, правописание, знакомство с русской литературой и культурой.

В начальной школе на первом месте стоит знакомство с фольклором, традициями, когда дети учатся воспринимать русскую речь на слух. Говорение и аудирование в начальной школе предшествуют чтению и письму. При использовании такой коммуникативной методики, дети обучаются языку как средству общения в разнообразных жизненных ситуациях. Изучают такие темы, как мой дом, семья, город, времена года, мой день и тд. Ученики старших начальных классов знакомятся с историей России и традициями, учатся читать и писать. Проект предполагает, что полученные знания в дальнейшем смогут стать базой для изучения русского языка в старших классах.

Анализ данных динамики развития проекта показывает, что количество учеников, изучающих русский в начальной школе в г.Скопье, существенно возросло. Так, если в самом начале реализации проекта в, в 2006/07 учебном году, русскому обучалось всего 18 учеников, то к шестому году учеников было уже в 10 раз больше, а, к примеру, в учебном году 2018/19 – чуть менее, чем 300 человек [4]. Данные статистики отражают постепенный рост количества изучающих язык, вместе с тем, основным результатом реализации проекта организаторам видится и расширение «территории» изучения языка, не только в одной из школ в г. Скопье, и пробуждение интереса широкой общественности к овладению языком.

К сожалению организаторов, македонские СМИ не рассказывают о данном направлении работы школы, поэтому основная информационная кампания ведется на специальном русскоязычном сайте в Интернете и на странице социальной сети Facebook. По мнению соорганизатора проекта Елены Демчик, снижение интереса к познанию языка связано с проевропейской настроенностью молодого поколения, желанием жить и работать за границей, и по тому большая заинтересованность в знании, к примеру, немецкого и французского. В то же время, нельзя не отметить и то, что некоторые ученики сознательно выбирают русский язык для дальнейшего изучения, в том числе и в высшей школе. Среди причин,

определяющих этот выбор, исследователи выделяют несколько: не только прагматические (легкость в изучении языка славянской группы или наличие уже базы для дальнейшего изучения), но и, так назовем, эмоциональные и эстетические. В данном контексте можно упомянуть следующие: хорошие взаимоотношения с учителем, который помог получить много новой информации и, параллельно с овладением языком, познакомить с традициями и культурой России, а также эстетическое удовлетворение от прочтения произведений русской классики в оригинале, просмотра кинофильмов и тд [5, с. 21–22].

Что касается высшей школы, то ведущую роль в обучении студентов русскому языку играет кафедра славистики филологического факультета имени Блаже Конеского в Университете имени свв. Кирилла и Мефодия в г.Скопье, старейшем и самом крупном государственном учреждении высшего образования. Обучение по специальности «Русский язык и литература» длится 4 года, по окончании выдается диплом преподавателя-филолога или переводчика. Кафедра является единственной в Македонии, где можно получить диплом по данной специальности. Кроме того, язык преподают и на нескольких факультетах Университета им. св. Климента Охридского в г.Битола, втором по величине городе Македонии. Однако количество студентов, изучающих русский как основной по программе бакалавриата, невелико, едва ли их можно пересчитать десятками.

Подобному положению дел, вероятнее всего, способствовала и реформа системы образования. Согласно нововведениям изучение одного иностранного языка начинается с младших классов и этот язык, в большинстве случаев, английский. Возможность изучения второго иностранного (здесь можно выбирать и русский язык) появляется лишь в среднем звене, но на его освоение отводится лишь два часа в неделю. Очевидно, что подобный подход и с ограничением количества часов на второй иностранный язык, и с возможностью его изучения лишь в небольшой части школ в стране не ведет к увеличению количества

школьников и студентов, изучающих русский. Кроме того, по мнению специалистов, получение высшего образования по специальности филолог-русист не гарантирует возможности трудоустройства.

Вместе с тем, исследуемая ситуация с положением русского языка в системе образования Македонии хоть и демонстрирует снижение числа изучающих русский, но не означает отсутствие интереса к языку. В подтверждении этого можно назвать и успешно работающие в нескольких городах языковые школы, в которых обучаются не только дети соотечественников, но и македонцы, и представители других этнических групп, проживающих в стране. Стоит особо отметить, что, по мнению экспертов-русистов, среди изучающих русский 95% представителей коренных жителей и лишь 5% – семей эмигрантов. Доказательством заинтересованности в овладении лексикой и грамматикой русского языка стали и данные по количеству учащихся Русского центра в г. Скопье, ежегодный набор на курсы здесь составляет более полутысячи человек.

Русский центр, открытый как подразделение Университета св. Кирилла и Мефодия в 2016 году, стал первым подобным учреждением в Македонии после распада Югославии и Советского Союза. Существующий долгое время вакуум во взаимодействиях двух стран по вопросам гуманитарной специфики, в том числе образования (Македонии и России), «заполнялся» во многом личными связями представителей академического сообщества двух стран. Учитывая общность культуры, диктуемую славянством, этот пробел был восполнен созданием по инициативе Посольства России, при поддержке Фонда «Русский мир» и содействии неравнодушных русистов Македонии – Русского центра при Университете в г. Скопье. Основная задача, которого способствовать межвузовскому сотрудничеству двух государств, укреплять связи в области науки и высшего образования. За относительно короткий период Центр стал своего рода информационно-образовательной площадкой, своеобразным элементом в системе связей представителей научного сообщества и базой по развитию русистики в Македонии. Сотрудники

Центра проводят лекции и встречи по темам, связанным с особенностями многонациональной культуры нашей страны, рассказывают о произведениях искусства и истории России. Особое место в его работе занимает вопросы языка. Педагоги – носители языка (проживающие в Македонии) представители старейших российских университетов проводят занятия, где не только обучают русскому языку, но и знакомят жителей с классическими и современными произведениями русской литературы.

Отдельно стоит остановиться на библиотеке Русского центра. Слушателям доступно большое количество учебников, словарей, профессиональной, научной и художественной литературы, исторических книг, художественных и документальных фильмов, посвященных российским городам, русской культуре, а также российской истории. Особое место в фонде занимают издания для детей: учебники, интерактивные пособия, пособия по изучению русского через игры, а также детская художественная литература. Сотрудники Центра отмечают, что интерес их аудитории к познанию русского языка растет, в подтверждение этих слов можно назвать открытие филиала Центра в городе Охрид, одном из курортных городов Македонии, а также поступающие звонки и письма из других частей страны с предложениями открыть курсы русского языка и в их городе.

Проведенный анализ показывает, что интерес к русскому языку как учебному предмету за время существования независимой Македонии остается невысоким. Очевидно, что подобное положение дел связано и с распадом соцлагеря и югославской федерации, и взятым впоследствии многими странами бывшей СФРЮ курсом на строительство национальных независимых государств, и евроориентацией политической элиты страны. Провозглашенный в 90-ые годы внешнеполитический курс Македонии на интеграцию в ЕС и НАТО, несомненно, отражается и на гуманитарной политике, и в том числе, на вопросах системы образования. Близкий, с точки зрения языковой группы, русский вытесняется из образовательного поля,

заменяясь языками романо-германской группы. Вместе с тем, подобная госполитика, вероятно, отражает лишь настроение властей, а не влияет на интерес македонского общества к России. Многие жители страны с уважением относятся к русской истории и культуре, в определенной степени знают и понимают русский язык, а некоторые (и число желающих с каждым годом лишь увеличивается) изучают его вне образовательной программы. Думается, что позитивные примеры школы им. Димитара Миладинова и нескольких других образовательных учреждений Северной Македонии, Русского центра при Университете св. Кирилла и Мефодия, а также готовящаяся в России программа по защите и продвижению русского языка смогут изменить ситуацию к лучшему.

Список литературы

1. *Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс) / Сост. А. Л. Арефьев, Д. А. Горбатова, В. А. Жильцов, С. Ю. Камышева, Е. В. Колтакова, И. А. Маев, М. А. Осадчий, М. Н. Русецкая, А. С. Хехтель, М. И. Яскевич; под ред. М. А. Осадчего. – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020.*

2. *Усикова Р.П. Из истории македонского литературного языка (типология литературного языка К.П. Мисиркова) // Славянский вестник. – Вып. 2. – М.: МАКС Пресс, 2004. – С. 406–415.*

3. *Каранфиловский М Русистика в Македонии (1945–1991) // Россия (СССР) и Македония: История, политика, культура: 1944–1991 гг. – М.: Институт славяноведения РАН, 2013. – С.233–234.*

4. *Центар за дополнителна обука на руски јазик «Озарение» // <http://ozarenie.mk/> (дата обращения: 23.09.2021).*

5. *Мирчевска-Бошева Б. За мотивацијата за изучување на рускиот јазик. – Белград: Славистическое общество Сербии, 2013. – С.21–22.*

УДК 82.09

ББК 83

**ТРАДИЦИЯ СИМВОЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ:
СЛУЧАЙ К. КЕДРОВА**

*О.Р. Темиршина, Институт международного права и экономики
имени А.С. Грибоедова, г. Москва, Россия*

**THE TRADITION OF SYMBOLISM IN MODERN POETRY:
THE CASE OF K. KEDROV**

*O. R. Temirshina, Institute of International Law and Economics Griboyedov,
Moscow, Russia*

Аннотация. Статья посвящена рецепции символизма в современной поэзии. Доказывается, что одна из ключевых линий освоения символистской поэтики связана с творчеством К.Кедрова. В творчестве Кедрова выявляются отсылки к философско-эстетической теории А.Белого, показывается связь понятий символа и метаметафоры.

Ключевые слова: символ, метаметафора, символизм, Андрей Белый, Константин Кедров.

Abstract. The article is devoted to the reception of symbolism in modern poetry. It is proved that one of the key lines of mastering Symbolist poetics is associated with the work of K. Kedrov. In the work of Kedrov, references to the philosophical and aesthetic theory of A. Bely are revealed, the connection between the concepts of symbol and metametaphor is shown.

Keywords: symbol, metametaphor, symbolism, Andrey Bely, Konstantin Kedrov.

E-mail: o.r.temirshina@yandex.ru

В философско-эстетическом творчестве К.Кедрова возникает ряд параллелей с философией культуры А.Белого. Одно из главных типологических соответствий заключается в том, что у обоих поэтов *модель пространства является основой для семантических преобразований; в этом смысле пространство у К.Кедрова, как и в творчестве А.Белого, оказывается семиотическим основанием для системы метафор, которые тесным образом связываются с пространственным кодом.* Как осуществляется эта связь?

В символическом пространстве К.Кедрова происходит нейтрализация всех оппозиций, которая выражается в снятии границ между разными пространственными сферами. Отсутствие границ между пространственными сферами приводит к отсутствию границ между семантическими областями, в результате чего возникает исключительно интересный смысловой феномен. У А.Белого этот феномен получает название символа, который, связывая «два в

одно», исключает всякую двойственность. На смысловом уровне это проявляется в том, что в некоторых символах А. Белого невозможно определить, что является означающим, а что – означаемым (так, например, слеза может служить метафорой звезды, а звезда – метафорой слезы). Такие же «обоюдные тропы» возникают и у К. Кедрова. Однако К.Кедров дает этому тропу свое название – он называет его *метаметафорой*.

Если обычная метафора «линейна» и «иерархична», и мы всегда можем определить, что в данном метафорическом знаке является означающим, а что – означаемым, то в метафорах К. Кедрова эта смысловая граница исчезает, и метафора предстает как абсолютное семантическое тождество, которое выражает «нераздельность-неслиянность» космоса. Следовательно, *главные характеристики метаметафоры заключаются, во-первых, в ее смысловой двунаправленности, во-вторых, в онтологичности*. Эти два признака указывают на то, что *метаметафора есть иное название для символа, который, связываясь с онтологическим компонентом, выражает смысловую тождественность разных планов бытия*. «*<...> Язык метаметафоры - отмечается в книге «Инсайдаут», – единственно возможный, по крайней мере сегодня, для описания новой космологической реальности – МЕТАМИРА, которая обозначает образ мира после ИНСАЙДАУТА, воплощенного в МЕТАМЕТАФОРЕ»* [2, с. 5]. Примечательно, что давая на последних страницах этой книги 16 определений метаметафоры, К.Кедров во всех этих определениях подчеркивает ее онтологическую функцию.

Характерно, что эту же онтологическую функцию, по мнению К.Кедрова, выполняет и символ: «*Человек и вселенная – две части такой таблицы, символ. <...> Когда две части соединятся, генетический код человека сливается со звездным кодом вселенной и начинает действовать МЕТАКОД – общий код для человека и мироздания, где начертана программа бессмертия, или ИНСАЙДАУТ...*» [2, с. 74].

Таким образом, метаметафора должна рассматриваться не как поэтический прием, но как своеобразная «философская категория», теснейшим образом

связанная с поэтическим космосом К. Кедрова. И поскольку метаметафора есть концептуальное выражение его «*космологической системы*», постольку она соотносится прежде всего с категорией пространства. Ср.: «*Яблоко, вместившее в себя весь Млечный Путь, вселенная, окруженная оскоминой, срывающей кольцо со зрачка. И уже знакомая нам воронка взгляда, конусом восходящая к опрокинутому муравью, ощупывающему лапками неведомую ему бесконечность,— все это образы антропной инверсии – метаметафора*» [3, с. 181].

Как видим, механизм выстраивания метаметафор этого отрывка заключается в уравнивании образов, принадлежащих к разным пространственным пластам. В этом смысле предельным выражением метаметафоры является лейтмотив книги К. Кедрова: вселенная есть человек и человек есть вселенная. Эту метаметафору можно считать базовой, к которой, как к своему источнику, восходят остальные метаметафоры (ср.: «*Формула МЕТАМЕТАФОРЫ внешне проста Я / Вселенная = Вселенная / Я*» [3, с. 20]).

Иконизм метаметафоры. К. Кедров показывает, что метаметафора, связываясь с инверсиями пространства, является своеобразным механизмом расширения человеческого зрения. В этом смысле этот окказиональный троп напрямую соотносится с проблемой перспективы и обретает иконическую природу.

Подобные «перспективные упражнения» применительно к поэтической семантике были и у А. Белого. Достаточно вспомнить иконический код творчества Н.В. Гоголя, описанный в его теоретической книге «Мастерство Гоголя». Здесь А. Белый, предлагая новое понимание гоголевской тропики, пишет о перспективном сдвиге как о системообразующем начале гоголевской поэтики: именно перспективное смещение, связанное с субъективностью зрения, обуславливает трансформации поэтического пространства и специфику фантастических образов у Н.В. Гоголя [1, с. 115–196]. Примечательно, что А. Белый сравнивает художественную перспективу Н. Гоголя с перспективой, традиционной для японской живописи. К этому же сравнению прибегает и

К.Кедров, характеризуя художественный мир поэта А. Еремина: *«Не на той ли горе находился тогда и Александр Еременко, когда в поэме “Иерониму Босху, изобретателю прожектора” написал: “Я сидел на горе, нарисованной там, где гора”. От этого образа веет новой реальностью “расслоенных пространств”, открытых современной космологией. Сидеть на горе, нарисованной там, где гора, значит пребывать во вселенной, находящейся там, где в расслоенном виде другая вселенная. Так в японских гравюрах таится объем, преобразенный в плоскость»* [3, с. 182–183].

Однако это «субъективная перспектива» у К. Кедрова превращается в высшую объективную данность и, знаменуя выход за пределы трехмерного мира, позволяет человеку ощутить четвертое измерение. Ср.: *«Внутренне-внешняя перспектива появилась в живописи начала века. Вот картина А.Лентулова «Иверская часовня». Художник вывернул пространство часовни наружу, а внешний вид ее поместил внутри наружного изображения. По законам обратной перспективы вас обнимает внутреннее пространство Иверской часовни, вы внутри него, хотя стоите перед картиной, а там, в глубине картины видите ту же часовню извне с ходом и куполами. Метаметафора дает нам такое зрение!»* [3, с. 172].

Онтологизм метаметафоры. Метаметафора у К. Кедрова, как мы уже указали, наделяется онтологическим статусом, она дает *«выход из трехмерной бочки Гвидона в океан тысячи измерений»* [3, с. 175]. В одном из своих интервью К.Кедров подчеркивает онтологичность метаметафоры, указывая на то, что это семантическое явление имеет глубокий мистериальный смысл. *«<...> В слове “метаметафора”, – говорит К. Кедров, – содержится еще одна очень интересная вещь. Метафизика Аристотеля – это не просто то, что следует после физики, но и то, что по ту сторону физики, не поддается физическим законам. Аналогичным образом метафора первоначально имела сакральный, глубинный смысл. К сожалению, впоследствии метафору стали рассматривать просто как риторическую фигуру. Термином*

“метаметафора” я возвращал метафоре ее метафизический смысл. Не случайно мы называли метаметафору “мистериальной метафорой”».

Мистериальность метаметафоры роднит ее с символом, который, являя собой «единораздельное» осмысление Вселенной, в младосимволистской художественной системе также выполняет онтологическую функцию.

Смысловый синкретизм метаметафоры. К. Кедров утверждает, что такого тропа, как метаметафора, до метаметафористов не существовало, поэты других эпох «все сравнивали»: *«Поэт как солнце, или как река, или как трамвай».* У Парщикова же сравнение заменяется уподоблением, «как» превращается в «есть»: *«нет дерева отдельно от земли, земли отдельно от неба, неба отдельно от космоса, космоса отдельно от человека. Это зрение человека вселенной. Это метаметафора»* [3, с. 190].

Исчезновение «как» между разными планами метаметафоры и сам способ ее семантической организации также указывают на то, что метаметафора есть иное название для символа, семантическая структура которого является весьма архаичной. Основной принцип организации символа – это мифопоэтический принцип смыслового тождества. Так, А. Потебня, исследуя функции смысловых аналогий в мифе, показал, что некоторые из сопоставлений-аналогий могут прочитываться как нерасчлененное целое, внутри них нет деления на метафоризируемое и метафоризирующее: означаемое может выступать в статусе означающего и наоборот. А. Потебня назвал такие тропы «обоюдными». Однако если мы говорим о мифологическом мышлении, то само деление знака на два плана оказывается весьма условным – мифология еще не знала границ между знаком и вещью, поэтому разные планы были полностью взаимоотнождественны.

О. Фрейденберг в связи с этим пишет о «генетическом тождестве двух семантик – семантики того предмета, с которого переносятся черты, и семантики другого предмета, на который они переносятся» [5, с. 241]. Это смысловое тождество при различии форм связывается с мифологическим мышлением, которое не различало субъекта и объекта, они представляли в

некоем синкретическом единстве. Это генетическое тождество разных семантик обуславливает появление архаической метафоры, связанной с дологическим мышлением. «Для мифологического образа, – полагает О.Фрейденберг, – была характерна бескачественность представлений, так называемый полисемантизм, то есть смысловое тождество образов. Это явление объяснялось слитностью субъекта и объекта, познаваемого мира и познававшего этот мир человека» [5, с. 234].

В такой картине мира признак не отделялся от субстанции, и вещи, теряя свою качественную определенность, сплетались в сложный синкретический смысловой узор. О. Фрейденберг связывает появление такой смысловой тождественности с антиказуальным мышлением, где «нет причин и следствий, нет отличия между главным и придаточным предложениями происходящего. В мифе все части композиционного состава семантически дублируют друг друга» [4, с. 58]. Это семантическое дублирование создает «неподвижный» слитный образ, из которого позже развивается метафора.

Этот мифопоэтический принцип, когда «все присутствует во всем» приводит к тому, что К. Кедров в своей книге моделирует особенный мир, части которого по голографическому принципу сосуществуют в нерасторжимом слитом единстве. *«Обратите внимание, – пишет К. Кедров, характеризуя метаметафорику А. Парщикова, – мир не делится. Животное – это долька моря. Такая монолитность мира при всем его сказочном многообразии и многовидении для Парщикова весьма характерна. Геометр знает, как точку преобразовать в линию, линию в плоскость, плоскость в объем... Парщиков видит, как дельфин становится морем, а море – дельфином. Море – мешок, дельфин – игрушка, таких игрушек бесконечное множество, но все они в едином звездном мешке, и вселенная в них. Вот почему “собака, верблюд и курица – все святые”. Уничтожьте дельфина, погибнет море»* [3, с. 189].

В этом смысле метаметафора К. Кедрова, несомненно, имеет в своей основе некий архаический остаток, который указывает на древность образа

этого типа. И, несмотря на смелое утверждение поэта о создании принципиально нового поэтического приема, совершенно очевидно, что этот новый тип образа – символичен.

Таким образом, *метаметафора К. Кедрова должна пониматься не как образ, имеющий множество значений и неисчерпаемый в своей глубине, но скорее как принцип творчества, глубинное основание архитектоники текста, напрямую связанное со спецификой пространственной модели, которая в свою очередь обуславливается философскими взглядами автора.*

В таком ракурсе метаметафора, во-первых, выступает как некая «срединная» семантическая сущность, двуликий Янус, повернутый одновременно и в сторону модели мира автора и в сторону поэтики. Во-вторых, она становится принципом организации текста и, связываясь с онтологическими смыслами, теснейшим образом коррелирует с пространственной моделью. Сама модель пространства оказывается символической, как и все отношения между ее уровнями. *И как у символистов развертывание символа, его логика, определяли особенности поэтического космоса, так и у метаметафористов метаметафора есть смысловое основание тождественности разных слоев мироздания.*

Список литературы

1. Белый А. Мастерство Гоголя: Исследование. – М.; Л.: ОГИЗ, 1934. – С. 115–196.
2. Кедров К. Инсайдаут. Новый Альмагест. – М.: Мысль, 2001. – С. 5.
3. Кедров К. *Метаметафора (Метакод и метаметафора)* – М.: ДООС, 1999. – С. 181. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страницы.
4. Фрейденберг О. Введение в теорию античного фольклора. Лекции // Фрейденберг О. Миф и литература древности. – М.: Восточная литература, 1998. – С. 58.
5. Фрейденберг О. Образ и понятие // Фрейденберг О. Миф и литература древности. – М.: Восточная литература, 1998. – С. 241.

УДК 821.16

ББК 81

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ПЕРЕВОДА РЕЛИГИОНИМОВ В РОМАНЕ

НИЛА ГЕЙМАНА «АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ»

А. С. Трушина, Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

ON THE QUESTION OF THE TRANSLATION OF RELIGIOUS NAMES IN

NEIL GAIMAN'S NOVEL "AMERICAN GODS"

A.S. Trushina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассматривается перевод религиозных имен в романе Нила Геймана «Американские боги», изданном в 2001 году и представляющем особый интерес для переводчика. Действие романа разворачивается в современной Америке, однако автор произведения, Нил Ричард Маккиннон Гейман, – британец, но сейчас проживает в США, куда переехал в 1992 году. В романе представлено развитие религий в Новом Свете и их интерпретация автором.

Ключевые слова: религиозные имена, перевод, интерпретация, трансформация, топонимы, зоонимы, теонимы.

Abstract. The article deals with the the translation of religious names in Neil Gaiman's novel "American Gods", published in 2001 and of particular interest to the translator. The novel is set in modern America, but Neil Richard McKinnon Gaiman, the author of the work, is British and now living in the United States, where he moved to in 1992. The novel presents the development of old religions in a New World and their interpretation by the author.

Keywords: religious names, translation, interpretation, transformation, toponyms, zoonyms, theonyms.

E-mail: rousebude@rambler.ru.

В романе Нила Геймана «Американские боги» представлен ряд религиозных имен, перевод которых может быть сложен. Дело в том, что автор использует привычные читателю религиозные имена в новом смысле, придавая им иные значения.

По словам Н. Б. Мечковской, язык и религия представляют собой две знаковые системы, а также две формы общественного сознания, причем в работе Мечковской подчеркивается, что язык и религия являются полярными противоположностями друг друга, так как «язык включает в себе самую простую, элементарную картину мира; религия – самую сложную» [6, с. 2]. В романе наименьшее внимание уделяется религиям, имеющим надэтнический характер, в частности, автор практически не затрагивает христианство. Мы

видим, что Гейману интересен процесс унификации и народов и их религий. Как следует из лекций Мечковской, «современные этносы наследовали ментальные и культурные традиции своей религии», что справедливо и для США: «Исключительное конфессиональное многообразие характерно для США, где зарегистрировано 260 церквей (точнее, деноминаций), в том числе 86 из них насчитывают свыше 50 тыс. последователей» [6, с. 13]. В романе представлен целый ряд религий и пантеонов, переосмысленных и изменившихся с течением времени. При этом необходимо иметь в виду, что язык и религия влияют на менталитет народа, во многом определяя его [6, с. 23]. В романе «Американские боги» представлен пример видоизменения религий на историческом пути развития Америки [6, с. 24]. Примечательно, что старые боги получают новые имена, которые можно отнести к индивидуально-авторским религионимам, как и имена новых богов.

При составлении корпуса религионимов мы ориентировались на работу Ю. Н. Михайловой, которая определяет религионим как «слово или составное наименование (устойчивое сочетание религиозной сферы употребления), являющееся обозначением конфессионального понятия» [8, с. 3]. Текст романа «Американские боги» не является сакральным, поэтому и религионимы в нем не несут сакрального смысла. Говоря о религиозных текстах, можно обратить внимание на присущее им фасцинирующее воздействие как искусство «убеждать, волновать, внушать, завораживать» адресата. В определенном смысле это воздействие наблюдается и в рассматриваемом романе, поскольку здесь присутствует метафоричность, которую можно считать одним из инструментов фасцинации [6, с. 27]. Метафоричность также наиболее ярко выражена в именах божеств. По словам Н. Б. Мечковской, «для мифологического сознания имя было одной из главных тайн мира», что мы видим и у Геймана [6, с. 34]. Так, главный герой, Тень, лишается своего истинного имени, которое даже не упоминается в тексте романа. Тем не менее, читатель, знакомый со скандинавской мифологией, может догадаться, что Тень – новое воплощение бога Бальдра.

Однако в начале повествования намеков на это нет, и таким образом автору удается сохранить интригу.

При составлении корпуса религионимов мы опирались на классификацию Ю.М. Кисткиной, а также выделили еще несколько групп религионимов [4, с. 62 – 63]. Религионимы, встречающиеся в романе, можно разделить на следующие категории:

1. теонимы: Bilquis, Leucotios, Hubur, Hershef, Tyr, Thor, Odin, MisterWednesday, Grimmir, Grim, Raider, Third, One-eyed, Highest, True-guesser, theHoodedone, All-Father, Gondlir Wandbearer, Wotan, Mister Nancy, Anansi, LokiLie-Smith, Low Key Lyesmith, Ashtaroth, theLion-God, Jackal, MisterIbis, Jesus, Easter, Czernobog, Bielebog, Zorya Utrennyaya, Zorya Vechernyaya, Zorya Polunochnaya, Thoth, Anubis, Bast, Horus, Elegba, Gwydion, Mama-ji, the Elephant God, the Forgettable God, the technical boy, Media, Mister Town, Mister Wood, Mister Stone, Mister World, the Norns, Sybil, Urd, Nunyuninini, Papa Lehba, Baron Samedi, Macha of the Morrigan, Isten of the Hungarians;

2. номинация существ: Mad Sweeney, leprechaun, the buffalo man, Cluracans, Banshees, Elvis, Alviss, Hinzelmann, kobold, knockers, blue-caps, the Bucca, piskies, spriggans, the black dogs of the moors, the seal-women of the Channel, hodags, loa, voudon, Gédé, rakshasa, minotaur, ghouls, Frau Holle, Whiskey Jack, Wisakedjak, John Chapman, Paul Bunyan, Mike Ainsel, My Ainsel, John the Conqueror, Antinous, Hadrian;

3. зоонимы: Huginn, Muninn, Freki, Geri, thunderbird;

4. топонимы: House on the Rock, Punt, Nubia, Cairo, Valaskjalf, Ophir;

5. прочие религионимы: spear, chariot, Odin's Wain, eaglestone, mistletoe, ashtree, mead.

При переводе религионимов может возникнуть такая проблема как терминологическая вариативность, так как один религионим может традиционно передаваться и при помощи транслитерации, и при помощи описательного оборота. Описательный перевод используется в том случае,

если религионим является лакуной и требует толкования [7]. При этом в рассматриваемом романе религионимы культурологически маркированы, то есть могут рассматриваться в качестве культуронимов. В случае отсутствия словарного соответствия для культурноспецифического религионима и невозможности раскрыть его значение в описательном переводе может понадобиться пояснение, например, в виде сноски или отдельно составленного комментария в конце книги – неизвестные читателю религионимы нарушают восприятие текста. При этом необходимо передать образность оригинального текста и не перегрузить перевод пояснениями [9]. Религионимы как культуронимы рассматривает в своей работе А.М. Антонова, которая выделяет следующие способы перевода этих языковых единиц: заимствование (во многом этот прием облегчает идентификацию религионима), калькирование и перевод с помощью гибридных ксенонимов (под ксенонимами А.М. Антонова понимает «культуронимы, закрепленные за специфическими элементами внешней культуры» [3, с. 9]). Перевод религионима с помощью гибридного ксенонима носит смешанный характер и представляет собой использование двух и более приемов перевода.

Р. Левицкий описывает два вида эквивалентности: лексическую эквивалентность и эквивалентность более крупных текстовых единиц (в тексте романа «Американские боги» это справедливо для библейской и мифологической аллюзий) и выделяет следующие способы перевода: обобщение, т.е. генерализацию, описательный перевод, т.е. перифразу, метонимический перевод, конкретизацию, приблизительный перевод, опущение, конверсивный перевод, перевод с использованием неологизма [5, с. 155 – 156].

Генерализация заключается в употреблении слова или выражения с более широким значением, чем в оригинале, а конкретизация – в употреблении слова или выражения с более узким значением. Описательный перевод представляет собой развернутое описание, которое чаще всего

увеличивает объем перевода по сравнению с исходным текстом. Следующий прием перевода, приблизительный перевод, допустим только в том случае, если связанные с ним информационные потери незначительны. То же справедливо для опущения, которое используется также при семантической избыточности текста оригинала. Если же религиозные термины переводятся при помощи неологизма, может возникнуть риск неудачного словообразования, что приведет к переводческой ошибке. Обычно этот прием используется редко, однако в рассматриваемом романе перевод религиозных терминов через неологизмы необходим, так как в тексте представлен ряд индивидуально-авторских религиозных терминов. Все приведенные приемы используются при переводе в случае отсутствия словарного соответствия религиозного термина.

При переводе романа Нила Геймана «Американские боги» переводчик сталкивается с необходимостью понять аллюзии в произведении и верно передать их, причем во многих случаях требуется переводческий комментарий для пояснения вертикального контекста. Необходимо учесть многообразие религиозных терминов, представленных в романе, и обратить внимание на индивидуально-авторские религиозные термины, для перевода которых может потребоваться создание неологизма. Наибольшую группу религиозных терминов в романе «Американские боги» составляют теонимы. Для передачи образности исходного текста переводчик должен сочетать приемы перевода религиозных терминов.

Список литературы

1. Гейман Н. *Американские боги*. – М.: АСТ, 2016. – 640 с.
2. Gaiman N. *American Gods*. – New York: HarperCollins Publishers, 2015. – 764 с.
3. Антонова А.М. *Лексика русского православия в англоязычном тексте и словаре [Электронный ресурс] // СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. – 212 с. URL: https://vk.com/doc90123674_595546382?hash=80653b572808e4a94f&dl=9715ed29a3f2bb2818 (дата обращения: 21.02.2021).*

4. Кисткина Ю.М. Гибридность в романе Нила Геймана «Американские боги» и его переводе на русский язык. // 2017. – С. 58–77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnost-v-romane-nila-geymana-amerikanskiie-bogi-i-ego-perevode-na-russkiy-yazyk> (дата обращения: 21.02.2021).

5. Левицкий Р. Русская религиозная лексика в переводческой конфронтации: избранные приемы перевода. // *Theolinguistic Studies of Slavic Languages*, 2013. – С. 163-165. URL: https://vk.com/doc90123674_595546023?hash=902ea2824a3a65edef&dl=d93e21332590fd85dd (дата обращения: 17.03.2021).

6. Мечковская Н.Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий. // *Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий*, 1998. – 212 с. URL: https://royallib.com/book/mechkovskaya_nina/yazik_i_religiya_lektsii_po_filologii_i_istorii_religiy.html (дата обращения: 27.04.2021).

7. Миронова Д.А., Кульпина Е.О. Вариативность в переводе религиозной лексики (на примере передачи православных терминов с русского на английский язык). // *Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах*, 2016. – С. 443–447. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26299374> (дата обращения 21.05.2021).

8. Михайлова Ю. Н. Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей русского языка) // *Человек и наука*. 2004. URL: <http://cheloveknauka.com/v/173773/d/#?page=10> (дата обращения: 17.03.2021).

9. Стахова Л.В. Некоторые аспекты перевода религиозного дискурса. [Электронный ресурс] // *Ученые записки Ульяновского государственного университета. Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики*, 2017. №1 (21). – С. 36–39. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=31220890> (дата обращения: 21.05.2021)

УДК 821.16

ББК 81

**К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ТЕОНИМОВ В РОМАНЕ НИЛА ГЕЙМАНА
«АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ»**

А. С. Трушина, Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

**ON THE QUESTION OF THE TRANSLATION OF THEONYMS IN NEIL
GAIMAN'S NOVEL "AMERICAN GODS"**

A.S. Trushina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассматривается перевод теонимов в романе Нила Геймана, британского автора, на русский язык. Взгляд британца на многообразие американских религиозных воззрений интересен для русскоязычного читателя, при этом добиться полного понимания описываемых в романе реалий непросто. Подчеркивается, что речь идет о романе в жанре фэнтези. В статье анализируются различные переводческие трансформации и приводятся примеры из текста романа.

Ключевые слова: религионимы, текст оригинала, текст перевода, трансформация, теонимы.

Abstract. The article deals with the translation of theonyms in the novel by Neil Gaiman, a British author, into Russian. The British view of the diversity of American religious beliefs is interesting for the Russian-speaking reader, while it is not easy to achieve a full understanding of the realities described in the novel. It is emphasized that we are talking about a fantasy novel. The article analyzes various translation transformations and provides examples from the text of the novel.

Keywords: religious names, original text, translation text, transformation, theonyms.

E-mail: rousebude@rambler.ru.

Роман Нила Геймана «Американские боги» очень интересен с точки зрения перевода. Автор романа, британец, в своем произведении переосмысливает образы богов различных пантеонов и показывает на фоне фэнтезийных событий свое видение культурной истории Америки.

Самая обширная группа религионимов в романе – теонимы. Нил Гейман использует как традиционные имена богов, так и индивидуально-авторские неологизмы для наименования старых богов и новых.

Чаще всего имена богов переводятся эквивалентом, существующим в русской культуре, и перевод снабжается комментарием. Так, религионим “Bilquis” переведен как «Билкис» (речь идет о персонаже исламской мифологии, царице Сабы, которая соответствует библейской царице Савской. Стоит

отметить, что предание о царице Савской в Коране шире библейского, а само имя Билкис упоминается не в Коране, а в других источниках. Несмотря на это, текст романа свидетельствует о том, что автор отождествляет Билкис именно с царицей Савской и опирается на текст Библии). Дан комментарий: «*Билкис* – в арабской мифологии имя царицы Савской. В средневековой европейской традиции этот персонаж смешивается также с Суламифью, возлюбленной царя Соломона, которой адресована «Песнь песней» (что и обыгрывается далее в тексте), и с Сивиллой» [1, с. 622]. Действительно, в тексте есть непрямая отсылка на «Песнь песней». Рассмотрим некоторые строки: “Behold, thou art fair, my love; behold, thou art fair; thou hast doves' eyes within thy locks: thy hair is as a flock of goats, that appear from mount Gilead. Thy lips are like a thread of scarlet, and thy speech is comely: thy temples are like a piece of a pomegranate within thy locks” [4] («О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные под кудрями твоими; волосы твои – как стадо коз, сходящих с горы Галаадской; как лента алая губы твои, и уста твои любезны; как половинки гранатового яблока – ланиты твои под кудрями твоими» [3]). В тексте романа нет прямого цитирования «Песни песней», однако мы видим стилизацию речи персонажа. Это отмечается и автором: “His words are becoming more rhythmic now” [2, с. 38] («Слова он произносит все ритмичнее» [1, с. 34]). Мы говорим о второстепенном персонаже, для которого не характерна возвышенная речь. Однако, находясь во власти богини (в романе Билкис является богиней), персонаж обязан боготворить ее: “Your eyes are stars, burning in the, shit, the firmament, and your lips are gentle waves that lick the sand, and I worship them” [2, с. 38]. Наблюдается синтез бранной лексики и литературной речи, что должен соблюсти переводчик: «Глаза твои – звезды, горящие во – т-твою мать – во тверди небесной, губы твои – что волны, охватывающие песок, и я боготворю их...» [1, с. 34]. Интересен выбор библейского словосочетания «твердь небесная», а также употребления предлога «во» для перевода “in the firmament”. Аллюзия на «Песнь песней» Соломона, т. е. аллюзия на Библию как на глобальный текст, позволяет переводчику принять подобное решение, создает контраст с ругательством «твою мать» и позволяет

выполнить поставленную коммуникативную задачу. Однако стоит заметить, что при переводе теряется игра слов. В оригинале богиня представляется так: “Bilquis. With a Q” [2, с. 36] – «Билкис, через «кью»» [1, с. 34]. Таким образом, игра слов не передается, причем не комментируется переводчиком. Реплика Билкис может быть непонятна русскоязычному читателю.

В третьей главе романа главный герой видит во сне статуи богов, перед которыми горят имена: “Leucotios”, “Hubur” и “Hershef”. Религионим “Leucotios”, имя галльского бога войны, отождествляемого с Марсом, переведено как «Левкотий». Интересно, что более распространенный вариант имени этого божества – “Loucetios”. С одной стороны, мы видим ошибку в оригинале (возможно, она была допущена намеренно), с другой стороны, в русском языке нет традиционного соответствия для этого религионима, что объяснимо: речь идет о неизвестных, давно забытых божествах (“These are gods who have been forgotten, and now might as well be dead” [2, с. 77] – «Все это боги, давно забытые людьми, боги, которые вероятнее всего уже умерли» [1, с. 63]). Поэтому здесь переводчик прибегает к такой переводческой трансформации как транскрипция. Кроме того, дан комментарий: «*Левкотиос (Левцетиос, Луцетиос)* – галльское божество (большая часть посвячительных надписей обнаружена в восточных галльских областях, в особенности в местностях, которые населяло племя вангионов), которое и римлянами, и самими галлами ассоциировалось с Марсом. Имя можно приблизительно перевести как «Светлый», «Белый», «Белобог» [1, с. 623]. Таким образом, переводчик указывает на то, что бог, о котором идет речь, известен и под другими именами. Религионим “Hubur” переведен как «Хубур», то есть традиционным соответствием (Хубур – шумерский термин, означающий «река», а также имя темной богини-персонификации реки – аналога Стикса в шумерской мифологии. В переводе приведен комментарий («*Умму-Хубур*– видимо, одно из культовых имен вавилонской богини Тиамат, связанной с водами, преимущественно морскими или смешанными, пресно-солеными, и первородным хаосом» [1, с. 624]). В комментарии дается более конкретная версия имени Хубур и приводится

оговорка «видимо»: действительно, некоторые источники разделяют богинь Тиамат и Хубур. Имя “Hershef” переведено как «Хершеф». “Hershef” – также лишь один из вариантов написания имени этого древнеегипетского бога, покровителя вод. Чаще всего бога называют Heryshaf, и в русском языке принято только одно соответствие – Херишеф, то есть здесь мы снова видим транскрипцию. Религионим тоже снабжен комментарием: «*Хершеф (Харшаф)* – локальное египетское водное божество с головой барана, ассоциируется чаще всего с Гором и Амоном» [1, с. 624]. Причем эквивалент «Харшаф» в русскоязычных источниках не встречается.

В рассматриваемом эпизоде перевести имя так, чтобы оно казалось как можно более незнакомым и чужеродным, и одновременно выбрать такой вариант перевода, чтобы бога можно было идентифицировать, важно – ведь в рассматриваемом отрывке подчеркивается, что эти имена богов еще не забыты (“They are gone, all gone, but their names and their images remain with us” [2, с. 77]. – «Они ушли, ушли совсем, и только их образы и имена до сих пор остаются с нами» [1, с. 63]) по сравнению с богами, о которых не помнит никто: “Even their names are lost” [2, с. 78] – «Даже их имена стерлись из памяти» [1, с. 63]).

Как видно из примеров, приведенных выше, религионимы – имена богов в романе снабжены комментарием, однако есть исключения. Например, религионимы Tjur, Thor и Odin переведены традиционным соответствием и не сопровождаются переводческим комментарием. В тексте дана характеристика богов, о которых идет речь: “Tjur, one-handed, and gray Odin gallows-god, and Thor of the thunders” [2, с. 92] – «Тюр, однорукий, седой Один, бог виселиц, и Тор, громовик» [1, с. 74]. Тем не менее, этой характеристики недостаточно, а именно для Тюра и Тора, так как Один является одним из центральных персонажей романа и его личность раскрыта. Возможно, переводчик решил не комментировать имена этих богов, поскольку они известны широкому читателю. В какой-то степени это может быть справедливо для Тора, одного из самых известных богов скандинавского пантеона, однако Тюр менее известен и его характеристика, «однорукий», не дает представления о том, что это за бог (Тюр –

бог доблести и победы). При этом и Тюр, и Тор – сыновья Одина, в честь обоих были названы дни недели (Tirsdag, Tuesday – в честь Тюра, Thursday – в честь Тора). В контексте романа это важно.

Таким образом, передача теонимов в романе Нила Геймана очень сложна. Для выбора правильной переводческой трансформации переводчик должен провести анализ многих источников и знать семантику и историю имен языческих богов.

Список литературы

1. Гейман Н. *Американские боги*. – М.: АСТ, 2016. – 640 с.
2. Gaiman N. *American Gods*. – New York: HarperCollins Publishers, 2015. – 764 с.
3. Антонова А.М. *Лексика русского православия в англоязычном тексте и словаре: дисс. канд. филол. наук.* // СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. – 212 с. URL: https://vk.com/doc90123674_595546382?hash=80653b572808e4a94f&dl=9715ed29a3f2bb2818 (дата обращения: 15.05.2021).
4. *Энциклопедия // Академик.* URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_mythology/ (дата обращения: 15.05.2021).

УДК 808.51

ББК 81.1

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ: СПЕЦИФИКА ПЕРВЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

*А.Ю. Цицинов, Институт международного права и экономики
имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия*

HISTORY OF MILITARY JOURNALISM: THE SPECIFIC OF THE FIRST MEDIA

*A. Yu. Tsitsinov, Institute of International Law and Economics
named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russia*

Аннотация. Статья посвящена вопросам функционирования первых медиа России в их неразрывной связи с военной журналистикой и освещением военных событий. Рассматриваются первые попытки сформировать с помощью средств массовой информации

образ побед российского войска, проанализированы различные аксиологические аспекты текстов, показана эволюция военной журналистики в XVIII – XIX вв.

Ключевые слова: военная журналистика, история журналистики, военные журналы, летопись.

Abstract. The article is devoted to the functioning of the first Russian media in their inextricable connection with military journalism and coverage of military events. The first attempts to form the image of the victories of the Russian army with the help of the mass media are considered, various axiological aspects of the texts are analyzed, the evolution of military journalism in the 18th - 19th centuries is shown.

Keywords: military journalism, history of journalism, military magazines, chronicle.

E-mail: wanderer999@yandex.ru

Появление военной журналистики и первые попытки освещения боевых действий неразрывно связаны с целенаправленным формированием образа лидера – царя, полководца. До XX века российская военная журналистика переживала несколько периодов развития, характеризовавшихся то подъемом интереса к описанию военных действий и армии (в период ведения активных боевых действий), то спадом (в период затишья). Отметим, что не все военные кампании XVII – XIX столетий сопровождались всплеском интереса к военной журналистике: как правило, инициатива освещения военных действий исходила непосредственно от высшей власти или была ею санкционирована. Более того, сама периодическая печать в России (газета «Ведомости») началась с освещения успехов русского войска в различных военных действиях: для императора Петра было важно доносить до народа информацию об одержанных победах.

Фактически, первым властителем, который стал целенаправленно работать с вопросами государственной семиотики через военную журналистику, стал Петр I. Он придавал большое значение военным победам и понимал исключительную важность их освещения в прессе. Более того, освещение боевых действий стало импульсом для развития в России журналистики как таковой.

Появлению первой периодической газеты «Ведомости» предшествовали так называемые «журналы» («диурналы», «журналы») с театра военных действий. Они представляли собой нечто среднее между отчетным дневником и периодическим изданием. «Журналы петровского времени были прежде всего отчетными документами, но в то же время они были важным средством внешней и внутренней информации, наконец, им придавалось и историографическое

значение. Это тройкое назначение журналов определяет их ценность как исторического источника» [5, с. 369].

Журналы Петра I наследовали традицию записок о военных походах XVI – XVII вв., в которых были «записи о военных походах, о перемещениях войск, об укреплении городов, о передвижении военных и придворных чинов по службе, о дипломатических делах» [5, с. 370]. Однако записки о военных походах Смутного времени и XVII века во многом еще наследовали традицию древнерусской книжности и представляли собой некую смесь реального описания сражения или похода с его сакральной интерпретацией, наследуемой из традиции описаний походов античности и Средних веков. Бытописателя интересовали не столько подробности конкретной битвы, сколько ее семиотическое значение, и его текст был рассчитан не столько на современников, сколько на потомков. Для Петра I важно было принципиально иное: постоянно сталкиваясь с неприятием своих реформ и новаций, он намеревался упрочить свое положение через военные победы, слава о которых должна была распространяться в этом случае как можно быстрее.

По инициативе императора журналы из дневников военных походов были преобразованы в средство информирования и пропаганды: реляции о победах зачитывались публично, в церквях, планы сражений печатались в виде плакатов для наглядного представления хода битвы, также было организовано чтение описаний подвигов отдельных участников сражений для офицеров и солдат. Петр I принимал активное участие в процессе подготовки журналов, лично чертил планы сражений и составлял реляции о победах.

Реляции печатались в первой русской газете «Ведомости», основанной по инициативе Петра I в 1702 г. Полное ее название звучало как «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах» – на первом месте стояли именно «военные» дела. В 1703–1711 гг. газета издавалась под разными названиями – «Российские ведомости», «Ведомости московские» и даже иногда с названием «Куранты» – так называлась первая рукописная

газета России, которая издавалась по мере накопления новостей и была предназначена для узкого круга читателей: царя и его приближенных. «В 1711 г. газета «Ведомости» стала выходить в Петербурге. В ней помещались материалы по военному делу, вопросам техники и промышленности, производства артиллерийских орудий, строительства флота. Большая доля публикаций посвящалась победам русской армии. Наряду с военной тематикой на страницах «Ведомостей» нашли отражение проблемы гражданской жизни: основание новой столицы – Санкт-Петербурга, строительство городов и крепостей, развитие торговли. Источником информации служили официальные документы, донесения послов, ведомственные материалы» [3].

Периодическими изданиями «журналы» Петра I назвать затруднительно – они выходили в связи с конкретными событиями и играли роль скорее пропагандистских уведомлений, чем реального средства массовой информации. В XVIII веке специальных военных журналов не издавалось: новости о военных походах и событиях, связанных с армией, публиковались в прессе общего характера. «Ведомости» к тому моменту были преобразованы в издание общего характера, утратив приоритет в области «военных дел». При этом в них целенаправленно ковался образ императора-победителя: сообщения о поражениях и их последствиях не публиковались [2, с. 44].

На протяжении всего XVIII столетия военная журналистика не была выделена как отдельное направление в публицистике: журналы, издававшиеся после Петра I, приняли, главным образом, литературное и просветительское направление. Специального освещения военных действий не проводилось, средства массовой информации сообщали о победах русского оружия в ряду новостей, не обращаясь к значимости или трудоемкости этой победы. Следует заметить, что после Петра Великого непосредственно вопросами имиджа правителя интересовалась Екатерина II, которая, однако, сосредоточилась на издании сатирических и литературных журналов. Многочисленные журналы, выходившие на протяжении XVIII века, освещали научные вопросы, проблемы

воспитания юношества, открывали сатирическую полемику и пр. О победах русских полководцев читатель узнавал в ряду других новостей, и специализированное освещение боевых действий организовано не было. Екатерина II, в отличие от Петра I, не могла напрямую ассоциировать свой имидж правительницы с военными победами – полководцы посвящали свои победы ей, но она не являлась «главнокомандующим» войска, в отличие от императора-мужчины.

Помимо этого, следует отделять описание военных походов «на периферии» государства от народной войны, охватившей все слои населения. Когда война ведется на периферии, задача журналиста – рассказать о ходе боевых действий, героизме ее участников и подробностях сражений для тех, кто в войне не принимает участия. Когда война охватывает территорию самого государства, и в ней принимают участие многие граждане государства, задача журналиста – не только в освещении того, что происходит на фронте, но и в поднятии боевого духа самих участников, в интерпретации того, что происходит.

Первые военные журналы, рассчитанные на читающих офицеров, появились в начале XIX столетия, а ведение Россией военных действий спровоцировало повышение интереса к теме освещения боя и среди гражданской аудитории.

С.Н. Лютов отмечает, что именно правление Александра I стало периодом зарождения истинной военной журналистики: военные журналы Петра I, по мнению исследователя, опередили свое время, и закончились со смертью их главного вдохновителя – императора. «Важной предпосылкой к появлению военных журналов в начале XIX в. была потребность в распространении военно-научных знаний, опыта подготовки войск и успешных боевых действий... Сложившаяся во второй половине XVIII в. система подготовки офицеров в кадетских корпусах позволяла получать хорошее образование, однако по окончании обучения офицеры не имели возможности расширять свой военный кругозор по причине отсутствия в полках какой-либо литературы по военному

делу. В то же время в армиях европейских государств уже были известны примеры создания военных библиотек и выпуска военных периодических изданий» [4, с. 5–6].

Первые военные СМИ возникли перед войной 1812 года: в 1808 году появился «Артиллерийский журнал», издаваемый временным артиллерийским комитетом, в 1810 – «Военный журнал» отставного майора П.А. Рахманова. Первый журнал был рассчитан только на артиллеристов, второй – на более широкую аудиторию, и снискал популярность среди военных. «Каждая книжка делилась на четыре части: дидактическую, историческую, критику и смесь. ... Статьи издания отличались основательными суждениями и точностью слога, а также распространяли много новых и полезных сведений в кругу военных» [1]. При этом журнал Рахманова представлял собой скорее научное издание, чем популярное: автор подбирал теоретические материалы по военному делу, публиковал исторические документы.

Два издания, считающихся первопроходцами российской военной журналистики, существовали до 1811 года. В 1812 году в связи с активными боевыми действиями издание журналов было прекращено, однако появились военные газеты, извещающие о событиях на поле боя – «Россиянин» и «Известия из армии» (последнюю активно поддерживал М.И. Кутузов). В написании публикаций активное участие принимали значимые общественные деятели, полководцы, поэты и прозаики.

Тематику издаваемых в полевых условиях военных газет развивал и продолжал журнал «Сын Отечества», издаваемый Н.И. Гречем – формально это издание не было военным журналом, однако в период ведения боевых действий «содержание журнала составляли хроники военных действий в России и за границей, патриотические воззвания, оперативные перепечатки сведений из газеты «Известия из армии», стихотворения, солдатские песни, басни, отвечающие духу времени иллюстрации в виде злободневной политической карикатуры» [1]. Еженедельное издание «Сына Отечества» было поддержано государем и его приближенными.

Журнал, таким образом, реализует, в первую очередь, пропагандистскую функцию: описывается не только ход битвы, как в плакатах Петра I, но читателю демонстрируется ее символическое значение, публикации «Сына Отечества» выстраивают семиотику сражения. Для Петра I было важно, в первую очередь, показать стратегию и тактику, высветить полководческий гений. Его плакаты с изображением битв, фактически, просвещали и образовывали аудиторию: сражение представало как своего рода шахматная задача, в которой более искусный игрок достигал победы, грамотно используя те силы, которые были в его распоряжении. При этом в реляциях акцентировались также и подвиги отдельных участников сражения и значимость победы в целом

«Сын Отечества» от просветительской функции обратился к риторической: не случайно его главным редактором был не военный, а словесник, автор множества учебников и преподаватель русского языка Н.И. Греч. Общество было осведомлено о том, что война идет – необходимо было правильно семантизировать ведущиеся государством боевые действия. Зарубежная кампания объяснялась именно той миссией, которую возложила на себя российская армия – освободить народы Европы от захватчика, воспринимавшегося как порождение дьявола и вестник Апокалипсиса. Русская армия в данном случае осуществляла священную миссию, восприятие которой было подготовлено интерпретацией фигуры Наполеона.

В первой половине XIX века были намечены два основных вектора развития военной журналистики: образовательно-просветительская миссия и оперативное извещение о новостях на театре военных действий. Далее традиция издания военных СМИ уже не прерывалась, переживая вполне объяснимый всплеск в период ведения государством активных боевых действий.

Список литературы

1. Барышникова Ю.Е. История формирования российской военной журналистики // *Язык. Культура. Коммуникации*. – 2017. – № 2. Электронный ресурс <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/538/657>

2. Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. – М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1952. – 572 с.

3. Вышел первый петербургский номер газеты «Ведомости» // <https://www.prlib.ru/history/619259>

4. Лютов С.Н. Развитие военной журналистики в России в первой четверти XIX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия История. Филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 11. – С. 5–10.

5. Майкова Т.С. Военные «Юрнaлы» петровского времени (По материалам ЦГАДА) // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX века. – М., 1969. – С. 368–390.

УДК 82.09

ББК 83

**EX UNGUE LEONEM: О ЧЕМ ГОВОРЯТ КОНЦОВКИ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ ЭЛИС МАНРО ИЗ СБОРНИКА
«RUNAWAY»?**

(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЭЛИС МАНРО)

С.Д. Чалмаз, Абхазский государственный университет,

г. Сухум, Республика Абхазия

**EX UNGUE LEONEM: WHAT DO THE ENDINGS OF A. MUNRO'S
PSYCHOLOGICAL STORIES FROM THE COLLECTION "RUNAWAY"
SAY? (FOR THE 90TH ANNIVERSARY OF ALICE MUNRO'S BIRTH)**

S.D. Chalmaz, Abkhazian state university, Sukhum, Abkhazia

Аннотация. В статье рассматриваются особенности концовок в рассказах Э. Манро из сборника «Беглянка». Концовки представлены как заключительная часть открытого финала. Неоднозначность, обыденность, нелогичность, а также эмоциональность и психологизм отмечены как отличительные черты концовок в «женской прозе» писательницы.

Ключевые слова: Элис Манро, открытый финал, концовка, неоднозначность, внутренний конфликт.

Abstract. The article deals with the particular features of the endings in A. Munro's short stories from the collection «Runaway». The endings are presented as the final part of open finales. The ambiguity, routine, illogicality, as well as emotionality and psychologism are noted as distinctive features of the endings in the «female prose» of the writer.

Keywords: Alice Munro, open finale, ending, ambiguity, internal conflict.

E-mail: svetachalmaz@mail.ru

Наша задача – не отыскивать
как можно больше содержания
в художественной вещи, тем более
не выжимать из нее то, чего там нет.
Наша задача – поставить содержание
на место, чтобы мы вообще
могли увидеть вещь.

С. Зонтаг, американская писательница

Вторая половина XX – начало XXI в. – период, отмеченный расцветом канадской литературы, устойчивым и значительным вкладом женщин-писательниц в развитие канадской культурной и национальной самобытности.

В своих произведениях канадские писательницы бросают вызов предрассудкам постколониального общества и ставят вопрос о выживании женщины в патриархальной провинции. По словам Клэр Хэнсон (С. Hanson), «психологический рассказ был областью особого интереса писательниц, позволяя им разрабатывать неизведанные глубины женского субъективного опыта» [6].

«A preoccupation with one's survival is necessarily also a preoccupation with the obstacles to that survival», – пишет Маргарет Этвуд, рассматривающая канадскую литературу с точки зрения выживания и жертвы [5].

Мастер психологизма канадка Элис Манро – яркая представительница «женской прозы» эпохи постмодерна, один роман и более ста рассказов которой принесли ей высокие награды и мировую славу Нобелевского лауреата.

Освещая проблемы, близкие каждой женщине, Манро, по словам исследователей, «обладает «подрывной» провинциальностью, которая является мотиватором для внутреннего роста героини, развития ее внутренней наблюдательности по отношению к самой себе» [9].

Собственный эмоциональный и жизненный опыт, полученный в родной Канаде, в провинции Онтарио, – основа прозы писательницы.

«Любимые героини Э. Манро – образованные, «чудаковатые неудачницы в общепринятом для их среды значении», обладающие независимыми феминистическими взглядами и часто – атеистическим мировоззрением, что в Канаде 1950–60-х годов с её высоким числом католиков и протестантов еще воспринимается провокационно» [2]. В своих «микророманах» Манро успешно удается показать прошлое героини и ее последующую жизнь, «жизнь без прикрас, фальшивого оптимизма и псевдофилософии» [10].

К отличительным чертам прозы Манро ученые относят особую организацию сюжета, ретроспекцию, открытую авторскую позицию, интертекстуальность, наличие готических элементов, глубокий психологизм, открытие необычного в обыденном, обретение новых смыслов, неоднозначность, недосказанность, незавершенность.

Незавершенность проявляется в «открытых финалах» (типичных для модернистских и постмодернистских текстов), когда «единственно возможная концовка... представляется невозможной, приводит к разнообразным экспериментам с окончанием художественного текста» [4].

Отметим, что в теории литературы конец произведения относится к сильным позициям текста, т.е. фрагментам текста наиболее сильно в идейно-эмоциональном плане воздействующим на читателя. Однако границы понятий «финал» и «концовка» часто не всегда четко определены. В настоящей статье концовка представлена как «завершающая граница финала (Л.С. Левитан), как завершающее текст предложение или абзац и важнейший элемент финала. Часто именно она «вносит новый мотив, не подготовленный предыдущим сюжетным развитием, и способствует перестройке итогового смысла произведения» [3].

Обратимся к концовкам шести рассказов (из 8), включенных Элис Манро в сборник «Runaway» («Беглянка»), представляющий собой «сокровищницу маленьких шедевров».

1. «Runaway»

В одноименном рассказе речь идет о молодой женщине из патриархальной глубинки, которая в поисках «настоящей» жизни сначала сбежала из дома замуж, а после нескольких лет жизни с агрессивным и властным мужем, решилась на побег от него, но уже в дороге, в результате нахлынувшего на нее чувства страха остаться одинокой в новой незнакомой жизни, передумала и возвратилась к мужу, хоть и поумневшей, но такой же слабовольной и беспомощной, как и раньше.

В финальном пассаже Карла рассуждает о том, что могло произойти с ее любимицей козочкой Флорой, которая тоже сбежала. Виновен ли Кларк в ее исчезновении или, что еще хуже, в ее смерти? Размышляя о причинах исчезновения козочки, часто символизирующей поведение Карлы, героиня пытается понять отношение Кларка к себе. Почему он захотел избавиться от Флоры? Версий много, для героини нет однозначного ответа. Мы наблюдаем внутренний конфликт героини – ее слабость, физическую и духовную, о чем свидетельствуют ее «гамлетовские муки».

Искушение узнать правду для героини (temptation – ключевое слово в финале и концовке) – это значит «подвергнуть себя испытанию», и, возможно, полностью изменить свое отношение к человеку, которого хотелось бы признать близким, это значит изменить свое сознание, обрести новый взгляд на окружающий мир. Но искушение, с точки зрения религии, это и «проверить ценность чего-то или кого-то». Изменил ли Кларк свое отношение к ней после побега? Будет ли она счастлива с ним или ей придется выживать в условиях патриархальной несвободы? Проблемный вопрос для героини так и остался болезненным и нерешенным. Концовка, состоящая из двух примыкающих к финальной части предложений, меняет ракурс изложения: внутренняя речь героини сменяется авторским повествованием:

«The days passed and she didn't go.

She held out against the temptation».

Героиня, для которой обретение свободы тоже стало своего рода искушением, вернулась к обычному, рутинному образу жизни, перестав быть самостоятельной личностью, полностью, как и раньше, подчинившись воле деспотичного мужа и став объектом его манипуляций.

Обретет ли героиня женское счастье неизвестно, но, возможно, она еще долго будет винить себя в неспособности принять вызов искушения и перенести его достойно.

Открытая концовка возвращает нас к началу рассказа, к истории богатой и противоречивой внутренней жизни героини, которая нам только кажется простой и привычной.

Можно предположить, что автор хотел показать типичность описываемой ситуации, в которой находится женщина провинциального Онтарио.

В трех последующих рассказах – действия разворачиваются во второй половине XX в., когда переосмысливается роль «заново рожденной» женщины, благодаря развитию феминизма и гендерному подходу к женской субъективности и женскому опыту.

2. Chance («Случай»)

Героиня Джулиет, учитель классики, тоже беглянка, но не от жестокого мужа, а от условностей и предрассудков самого общества: ей приходится скрывать свой интеллект («The problem was that she was a girl»), свои желания, свою сексуальную природу, сдерживать свои эмоции и амбиции. Она не воспринимает наставление отца «быть как все»: «Otherwise people will make your life hell».

Две случайные встречи в поезде заставляют ее идти наперекор тому, чему ее учило общество, но это не только не приносит ей счастье, но приводит к чувству вины.

Много вопросов, которые Манро ставит перед молодой женщиной (ей 22 года), определяются героиней как препятствия на пути к познанию своего «я» и

остаются нераскрытыми. Каково это – чувствовать, что отличаешься от остальных?

Бунт героини выразился и в том, что, получив письмо от малознакомого мужчины Эрика, она едет к нему, узнает о смерти жены и его любовницах, но, тем не менее, остается жить с ним, понимая, что Эрик не совсем тот человек, кто ей нужен. Что готовит ей судьба?

Несколько ироничная концовка рассказа поражает своей обыденностью и нелогичностью. Автор сосредотачивает внимание читателя на незначительной, с точки зрения поставленных вопросов, детали и дает описание любовницы Эрика глазам героини, которое, впрочем, резко контрастирует с тем, как Джулиет представляла ее себе в воображении:

«Christa is nothing like Ailo. She does not have wide hips or blond hair. She is a dark-haired, thin woman, witty and sometimes morose, who will become Juliet's great friend and mainstay during the years ahead – though she will never quite forgo a habit of sly teasing, the ironic flicker of submerged rivalry».

Реальность и вымысел. Открытая концовка, провоцирующая читателя на продолжение. Отсутствие кульминации. Проводимые героиней параллели между своей личной жизнью и мифологическими персонажами, хорошо знакомыми ей, не освобождают ее от ошибок и не делают ее существование легче.

3. «Soon» («Скоро»)

Продолжение истории жизни Джулиет, незамужней женщины, что беспокоит ее родителей. Дочке Пенелопе – год и месяц. Манро сосредотачивается на новых вопросах: что есть родительский дом, семья, брак, религия, вера, тяжелая утрата.

Встреча с родителями, оказавшаяся последней, прошла не так, как Джулиет себе представляла. Непонимание, споры, тщетная попытка понять, что есть дом и семья.

Финальный пассаж с авторским повествованием плавно переходит в размышления героини, в ее попытку разобраться в себе и сожаление об упущенной возможности поговорить с матерью по душам.

«When Sara had said, «Soon I'll see Juliet», Juliet had found no reply... Why should it have been so difficult? Just to say, «Yes. » To Sara it would have meant so much – to herself, surely, so little, but she had turned away. She had carried the tray to the kitchen, and there she had washed and dried the cups and also the glass that had held grape soda.

She had put everything away».

Доведенный до автоматизма порядок действий героини и ее показная беспечность говорят о том, что Джулиет лжет себе, представляя, что все идет своим чередом. Но так ли это? Продолжение следует.

4. «Silence» («Молчание»)

Последний рассказ о жизни «магистра филологии» Джулиет, ее дочери Пенелопе 21 год.

Главная тема рассказа – потеря близких, раненое материнство и полное отчуждение, в котором оказывается героиня. Нет семьи, нет дома, конфликт с дочерью, которая уехала в поисках духовности и молчит уже много лет. Молчание, как бумеранг из прошлого, оборачивается против самой героини, испытывающей (опять!) чувство вины за то, что не дала дочери материнской любви.

Открытый финал и недосказанность концовки не вносят ясности, что ждет героиню в будущем:

«She keeps on hoping for a word from Penelope, but not in any strenuous way. She hopes as people who know better hope for undeserved blessings, spontaneous remissions, things of that sort».

Но слабая надежда на весточку от Пенелопы все же есть (не зря слово hope повторяется 3 раза). Ей остается ждать, прервет ли дочь молчание, которое она использовала, чтобы ранить и наказать мать. Разрыв между поколениями,

неожиданно осознаваемый героиней как результат стремления к освобождению. Расплата.

По словам Манро: «I don't feel I gave Juliet a particularly hard time, she goes on living she succeeds» [7].

Мы видим женщину, которая находит свой способ выживания: она так же увлечена греческой литературой, а дополнительная подработка – это «хороший противовес» (a good balance) – ее любимым занятиям. Но... совершает очередную ошибку, не рассказывая о существовании Пенелопы своему любовнику, стараясь дистанцироваться от воспоминаний.

Ошибки, ошибки... – это не баг, а фича Манро. Осознанные или чисто импульсивные, они часто приводят героинь к внутреннему или внешнему конфликту между вымышленным миром и реальностью, завершаясь чувством сожаления, тоски или вины. «Драма без драматизма», как большинство сюжетов писательницы.

5. «Passion» («Страсть»)

Рассказ – ответ на слова Элис Манро: «I keep an eye on feminism and Canada and try to figure out my duty to both» [8].

Автор ставит новые «неудобные» вопросы для общества: гендер, экономика, вопросы сексуального типа.

Героиня Грэйс, бедная девушка из канадской окраины, в отличие от героини первого рассказа Карлы, выбирает свой путь, отказываясь выходить замуж за нелюбимого, но богатого жениха и связывая себя отношениями с его женатым братом Нилом, к которому испытывает страсть.

Бунтарка Грэйс не соглашается быть как все. «Она особенная». Благодаря внезапно вспыхнувшей страсти к Нилу, героиня понимает, что для нее тщательно спланированное будущее стало бы предательством собственной личности, собственной природы, стало бы потерей ее женской субъективности.

После трагической автокатастрофы и гибели Нила Грэйс решает не возвращаться в семью несостоявшейся свекрови миссис Трэверс, к которой

Грэйс, будучи интеллектуалкой, тоже испытывает страсть, но несколько иного рода (отметим неоднозначность заголовка рассказа).

В финале мистер Трэверс, понимая, что могло произойти с ней и с Нилом накануне, вручает ей конверт с деньгами.

«The check was for a thousand dollars. Immediately she thought of sending it back or tearing it up, and sometimes even now she thinks that that would have been a grand thing to do. But in the end, of course, she was not able to do it. In those days, it was enough money to insure her a start in life».

Открытая концовка, подчеркивающая ценность свободного выбора, возвращает читателя к началу рассказа (Манро – мастер игры со временем), где 40 лет спустя пожилая Грэйс возвращается в то место, где раньше стоял дом Трэверсов. Зачем? Вспомнить прошлое и проверить, избавила ли она себя от «старых недоразумений и обязательств»? Принесла ли ей последующая жизнь внутреннее освобождение? Вопросы к читателю.

6. «Trespasses» («Прегрешения»)

В рассказе поднимаются вопросы морали, вопросы, связанные с отцовством.

Героиня – 10-летняя, не по годам развитая девочка Лорен, которая оказалась не способна воспринять и оценить сложную, запутанную информацию о своем происхождении, представленную ей по-разному взрослыми людьми.

Ее знания и житейская осведомленность не спасают ее от чувства недоверия к родителям, она не понимает, где ложь, а где правда.

Девочка пытается разобраться в себе. Кто есть «я» в этой семье? Есть ли у меня дом? Но она беспомощна, ей только 10.

Ее состояние «инфантильного гнева» ярко выражено в шокирующей читателя концовке, где после скорбного действия с развеиванием праха давно умершего ребенка, Лорен тщетно пыталась очистить себя... от колючек:

«She was so sick of these burrs that she wanted to beat her hands and yell out loud, but she knew that the only thing she could do was just sit and wait».

Символически колючки, передающие сильное эмоциональное переживание девочки, – это то, что давило на ребенка «тяжким бременем» все последнее время, это и те кусочки информации, которые ей пытались внушить взрослые, думая, что знание защитит ее.

Резко переключив внимание с действия на состояние девочки, Манро мастерски заставляет читателя ответить на вопросы. Что более разрушительно для ребенка, правда или ложь? Какое количество информации может быть уязвимым для ребенка? Можно ли перекладывать чужие ошибки и прегрешения на неокрепшие плечи ребенка?

Самая яркая и крайне неожиданная концовка поддерживает атмосферу всего рассказа. Читатель только в конце понимает, что начало рассказа есть начало финальной сцены, высвечивающей сложную жизнь персонажей, чьи ошибки в прошлом и поведение в настоящем вопреки ожиданиям не приводят к объединению семьи.

Не на все этические вопросы есть ответы в рассказе, но подтверждается справедливое мнение ученых о выделении концовок в сильную позицию текста.

Произведения Элис Манро с присущим ей «двойным кодированием» трудно поддаются анализу. Это, прежде всего, интеллектуальная проза, рассчитанная больше на умственные способности читателей, готовых погрузиться в глубины текста. Неоднозначные концовки ее рассказов уникальны, они и узнаваемы авторским сочувствием и состраданием к нелегкой женской судьбе.

«По когтям узнаю тебя, львица» – писал, обращаясь к женщинам, выдающийся поэт, нобелиат Борис Пастернак, используя свою поэтическую версию известного латинского выражения. Справедливо и по отношению к разнообразным в эмоциональном, психологическом и стилевом плане концовкам рассказов Э. Манро, реверсивный характер которых позволяет осмыслить художественную целостность произведения.

Список литературы

1. Munro A. *Runaway*. – Toronto: McClelland and Stewart, 2004.
2. Воронцова К.В. Христианский бестиарий в современной канадской и русской прозе (на материале рассказов Э. Манро и Л. Улицкой) // *Zwierzę uczyłowieczne. Język i tekst*. – Siedlce, 2018. – P. 19–40.
3. Лозюк Н.Ю. Композиционный ритм в новеллах И.А. Бунина: Автореф. диссертации ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2009.
4. Чемодурова З.М. Игровой потенциал концовок постмодернистских художественных текстов // *Международный научно-исследовательский журнал*. – 2016. – № 5. – Ч. 2. – С. 71–73.
5. Atwood M *Survival. A Thematic Guide to Canadian Literature*. – Toronto: House of Anansi, 1972.
6. Hanson C. *Short Stories and Short Fictions, 1880–1980*. – L.: Palgrave Macmillan, 1984. – 197 p.
7. A. Munro: *Open Book*, BBC Radio 4, 16 January, 2005.
8. Thacker R. *A. Munro: Writing Her Lives: A Biography*. – Toronto, 2005. – 538 p.
9. <http://theoryandpractice.ru/13215-bildungsroman>.
10. <http://booksonline.com.ua/blog>.

УДК 070

ББК 76.02

АРГУМЕНТ К АВТОРИТЕТУ В НОВОЙ РИТОРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

*Ю.В. Шуйская, Институт международного права и экономики,
г. Москва, Россия*

THE AUTHORITY ARGUMENT IN THE NEW RHETORICAL PARADIGM

Yu. V. Shuyskaya, Institute of International Law and Economics, Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассмотрен проект музыкальной группы “Jukebox” «Внезапные классики» как образец современных медиа и новой риторической парадигмы в форматах, находящихся отклик у молодой аудитории. Цитаты из классиков отечественной и мировой

литературы, в том числе псевдоцитаты, когда используется искаженная или выдуманная фраза, приписываемая известному человеку, стали широко распространяться в 2010-х гг. как вариант аргумента к авторитету. Проект цитирования классиков с опорой на первоисточники с поддержанием единого формата цитирования и использованием старшей орфографической нормы представляет собой актуализацию этой тенденции с одновременным возрождением парадигмы аргументации к авторитетному источнику.

Ключевые слова: аргумент, цитата, внезапные классики, современные медиа.

Abstract. The article considers the project of the musical group “Jukebox” “Sudden Classics” as an example of modern media and a new rhetorical paradigm in formats that resonate with a young audience. Quotes from the classics of Russian and world literature, including pseudo-quotes, when a distorted or invented phrase attributed to a famous person is used, began to spread widely in the 2010s as an argument to authority. The project of citing classics based on primary sources, maintaining a unified citation format and using the older spelling norm is an actualization of this trend with a simultaneous revival of the argumentation paradigm towards an authoritative source.

Keywords: argument, quotation, sudden classics, modern media.

E-mail: shujskaya@yandex.ru

Аргументация к авторитету составляет важнейшую часть традиции отечественного красноречия. Широко распространенная в русской риторике схема Ломоносова-Кошанского [3], фактически восходящая к трудам греческого автора Автония [2], предполагала опору на суждения авторитетных лиц, более того, эти суждения выносились в начало и в окончание речи в качестве ключевого аргумента.

Подкрепление своих мыслей суждением авторитетного источника – аргумент, за которым не только социальная, но и религиозная традиция. Фактически, оперирование этим аргументом составляет основу проповеднического красноречия: искусство гомилетики в принципе предполагает соединение данного частного случая с текстом авторитетного источника.

В эпоху широкого распространения художественной литературы опора на авторитетный источник расширила сферу своего влияния: от религиозных текстов к разнообразным текстам авторов, чьи произведения были известны многим членам общества, на которое было рассчитано высказывание. Апелляция к классикам литературы считается хорошим тоном и по сей день, однако в эпоху тотального распространения социальных сетей она существенно видоизменилась. Речь идет о практике цитирования классиков в виде фраз на

фоне цветного прямоугольника – так называемые мотивирующие цитаты в пабликах и на страницах сообществ.

Интересно, что многие мотивирующие цитаты в действительности не принадлежат указанным классикам – они могут быть искаженными, выдуманнами, обыгрывающими постиронию, например: «Вождь русской революции Владимир Ильич Ленин писал об этом: «Главная проблема цитат в интернете в том, что люди сразу верят в их подлинность».

Если вас смутило историческое соседство Ленина и интернета, то вас можно поздравить — разумеется, он ничего подобного не писал. Однако эта фраза, запущенная кем-то как насмешка над цитатами-фейками, сегодня уже сама многими не слишком подкованными в исторических вопросах гражданами принимается за чистую монету» [4].

Постироничные мемы с псевдоцитатами представляют собой отсылку к манере некритически воспринимать цитату, если под ней стоит имя известного писателя, общественного или культурного деятеля. Это придает цитате больший вес в глазах читателя и позволяет более эффективно использовать ее в качестве отсылки к авторитетному источнику: «часто такие афоризмы весьма подходят тому, к которому приписываются, более того, за счет этого и обретают популярность. По интернету давно гуляет фразочка, а скорее даже картинка со словами, которые якобы принадлежат Высоцкому: «Ты можешь быть бесконечно прав, но какой в этом толк, если твоя женщина плачет?» В интернете эта фраза особенно нравится естественно женщинам, причем такого возраста, которые точно далеки от творчества и уж тем более знания биографии Высоцкого, иначе бы они были в курсе того, что поэт и сердцеяд никогда особенно не интересовался чувствами своих дам сердца. А автором этого афоризма является молодой поэт Кирилл Табишев» [1].

В связи с этим определенный интерес представляет проект музыкальной группы “Jukebox” «Внезапные классики», воплощенный музыкантами группы на базе социальной сети TikTok. Данная сеть позволяет снимать короткие видео, размещаемые с хэштегами и достаточно быстро расходящиеся по сети, в том

числе с помощью средств других социальных сетей. Проект представляет собой подборку цитат из классиков – причем, в отличие от фейковых аргументов, это проверенные цитаты из источников. Участники группы по очереди появляются в кадре, первый из них объявляет автора цитат, например: «Внезапный Достоевский», «Внезапный Чехов» и пр. Далее каждый участник произносит какую-либо цитату из произведений указанного автора.

Важная характеристика этих цитат – их «небанальность»: музыканты группы используют, как правило, не самые широко распространенные цитаты, избегая формата растиражированных социальными сетями фраз. Это, вероятнее всего, и определяет название проекта. Помимо этого, интересна принципиальная оторванность данных цитат от контекста – они не являются аргументами в споре, их первоначальная функция – просветительская, знакомство с цитатами классиков и их творчеством.

При этом сигнификативна сама выборка цитат: как правило, это суждения философского общего характера, которые выбраны не только из известных произведений, но и из переписки писателя. Интересно также, что наряду с писателями XIX века в проекте присутствуют цитаты из авторов XX века – Иосифа Бродского, например. Также в качестве источника цитат используется известная актриса Фаина Раневская, что указывает на генетическую связь проекта с цитатами в социальных сетях – к образу Раневской современные паблики обращаются достаточно часто, в том числе приписывая ей выдуманные цитаты.

Таким образом, в современном обществе аргумент к авторитету переживает своеобразную «перезагрузку»: от классического зачина выступления и базового приема гомилетики аргумент к авторитету преобразуется в формат мотивирующих цитат и даже в цитаты, оторванные от контекста. Неизменно одно – в любом формате он остается одной из базовых позиций отечественной риторики.

Список литературы

1. 11 самых распространенных цитат в интернете (и не только), которые на самом деле фейки // <https://kulturologia.ru/blogs/030720/46833/>
2. Автоний. Предуготовление к красноречию. Сочинение древнего софиста Автония. – М., 1805. – 538 с.
3. Михальская А.К. Основы риторики. Мысль и слово. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.
4. Сидорчик А. Фейк-парад. 10 фраз великих людей, которые они никогда не произносили // https://aif.ru/society/history/feyk-parad_10_fraz_velikih_lyudey_kotorye_oni_nikogda_ne_proiznosili

УДК 82.09

ББК 83

НОВОЗАВЕТНЫЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ В. РОПШИНА (Б. САВИНКОВА) «КОНЬ БЛЕДНЫЙ» (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

*А.А. Юдахин, Институт международного права и экономики имени А.С.
Грибоедова, г. Москва, Россия*

NEW TESTAMENT MOTIFS IN THE NOVELLA BY V. ROPSHIN (B. SAVINKOV) "THE PALE HORSE" (PRELIMINARY REMARKS)

*A.A. Yudakhin, Griboyedov Institute of International Law and Economics, Moscow,
Russia*

Аннотация. В статье приводится концептуальный богословский анализ новозаветных мотивов, присутствующих на страницах повести «Конь бледный» (1909), написанной эсером-террористом Б.В. Савинковым (1879-1925), являвшегося также известным литератором, поэтом и публицистом Серебряного века. Заложенный автором в повести христианский подтекст, на поверку, оказывается номинальным и псевдохристианским. Однако именно этот подтекст или даже текст в тексте, предстает подлинным ключом к пониманию как сюжетной канвы повести, так и ее содержания.

Ключевые слова: Христос, Новый Завет, Серебряный век, Апокалипсис, революция, террор, псевдодуховность, антихрист.

Abstract. The article presents a conceptual theological analysis of the New Testament motifs present on the pages of the novella "The Pale Horse" (1909), written by the socialist-revolutionary terrorist B.V. Savinkov (1879–1925), who was also a famous writer, poet and publicist of the Silver Age. The Christian subtext laid down by the author in the story, in fact, turns out to be nominal and

pseudo-christian. However, it is this subtext, or even the text in the text, that appears to be the real key to understanding both the plot outline of the novella and its content.

Keywords: Christ, New Testament, Silver Age, Apocalypse, revolution, terror, pseudo-spirituality, Antichrist.

E-mail: artemydakhin@yandex.ru

1902 год может считаться переломным в истории России начала XX века. В январе 1902 г. на страницах нелегального издания «Революционная Россия» было триумфально объявлено о создании объединенной партии социалистов-революционеров. Новые лидеры партии А.Р. Гоц (1882–1940) и Г.А. Гершуни (1870–1908) объявили о том, что партии — преемнице «Народной воли», следует вернуться к тому, что принесло ей славу в предыдущем веке — террору [8, с. 119]. Реализация радикальной программы эсеров была возложена на подпольную ячейку партии, действовавшую на территории Российской Империи – «Боевую организацию партии социалистов-революционеров», которая на протяжении последующих десяти лет организует беспрецедентные по своей дерзости и жестокости покушения на первых лиц Империи.

Практически одновременно с созданием обновленной партии эсеров, в ноябре 1901 г., после получения разрешения обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода К.П. Победоносцева (1827–1907), в малом зале Географического Общества состоялось первое заседание петербургских религиозно-философских собраний, призванных стать органом диалога между интеллигенцией и православным духовенством. Главными инициаторами созыва собраний выступила известная на всю Россию чета Мережковских — писатель и религиозный философ Д.С. Мережковский (1865–1941) и поэтесса З.Н. Гиппиус (1869–1945).

Эти два события, внешне, казалось бы, никак не связанные между собою, тесно переплелись во внутренней духовной, интеллектуальной и политической биографии Б.В. Савинкова (1879–1925) – известнейшего руководителя боевой организации эсеров и одновременно поэта, прозаика и публициста Серебряного века, близкого друга семьи Мережковских.

Савинков являлся руководителем и участником целой серии террористических актов на территории Империи, жертвами которой стали виднейшие сановники и даже член августейшей Императорской фамилии. «Послужной список» Савинкова следующий: убийство министра внутренних дел В.К. Плеве (1904), московского генерал-губернатора, дяди императора Николая II великого князя Сергея Александровича (1905), убийство командующего Черноморским флотом вице-адмирала Г.П. Чухнина (1906), а также покушения на министра внутренних дел П.Н. Дурново (1906) и московского генерал-губернатора Ф.В. Дубасова (1906). Кроме того, известно, что Савинков готовил несостоявшееся покушение на императора Николая II.

В 1906 г. последовала вынужденная эмиграция Савинкова в Европу. Не имея возможности активно влиять на внутривнутриполитическую обстановку в Империи, Савинков, вплоть до своего возвращения в Россию в 1917 г., будет заниматься преимущественно литературной деятельностью. Хладнокровный убийца становится видным литератором, проецируя свой кровавый опыт на страницы художественных сочинений. В этом ему активно помогала семья Мережковских, в парижской квартире которых террорист был частым гостем в 1906-1908-е гг. “Литературный крестник” [2] З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского, Савинков пишет свою первую повесть «Конь бледный», напечатанную в первом номере журнала «Русская мысль», беллетристический отдел которого возглавлял Мережковский. Содействием публикации повести помощь четы Мережковских не ограничилась. З.Н. Гиппиус вносила редакторскую правку в повесть и предложила название — «Конь бледный». Она же придумала Савинкову литературный псевдоним, под которым была опубликована повесть — В. Ропшин. Сам псевдоним глубоко символичен и созвучен судьбе его носителя, поскольку в нем “обыгрывалось название местечка Ропша, под Петербургом, где был убит император Петр III” [2].

Основу сюжета первого литературного произведения Савинкова составила подготовка и реализация убийства генерал-губернатора Москвы, великого князя Сергея Александровича, совершенное террористом И.П. Каляевым (1877–

1905) под непосредственным руководством Савинкова. Таким образом, «Конь бледный» есть не что иное, как художественно переработанная хроника убийства великого князя Сергея Александровича, составленная не просто современником или сторонним очевидцем, а организатором теракта. Квазидокументальный жанр, избранный автором, с одной стороны, придает повести динамичность и живость (повествование ведется от первого лица), а с другой – позволяет говорить о ее хотя бы частичном автобиографическом характере. По замечанию советского литературоведа Е.И. Гончаровой, такое ««Дублирование» собственной личности позволило Савинкову подвергнуть анализу то, что составляло сущность его индивидуального сознания» [5, с. 250].

Публикация повести «Конь бледный» вызвала большой ажиотаж в общественных и литературных кругах, где многим было известно, что под псевдонимом В. Ропшин скрывается знаменитый эсер-террорист Савинков. Примечательно, что многие товарищи по партии осудили автора за дискредитацию революционного движения, усматривая в произведении «оплевывание террористов и партии» [15, с. 291] или, в лучшем случае, «претензии на сверхчеловечество и проповедь аморализма» [15, с. 291]. В последующем Савинков, помимо занятия журналистикой, опубликует четырехсотстраничный роман «То, чего не было» (1912) и повесть «Конь вороной» (1923), являющуюся продолжением первой повести автора. Кроме того, в 1909 г. Савинков написал автобиографическую книгу под названием «Воспоминания террориста».

Возвратившись в Россию в 1917 г., Савинков возобновит активную политическую деятельность в начале на стороне Временного правительства, а позже на стороне т.н. «зеленого движения» – третьей силы в Гражданской войне 1917-1922 гг. Захваченный в 1924 г. в ходе спецоперации ОГПУ Савинков был осужден на 10 лет заключения, однако уже в начале мая 1925 г., находясь в здании ВЧК на Лубянке, покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна.

Террорист и литератор, Савинков является по-своему уникальным феноменом Серебряного века. Его неоднозначная и противоречивая личность, как и его произведения, носят на себе отпечаток мятежной атмосферы начала столетия, той духовной болезни общества, о которой предупреждал князь С.М. Волконский (1860–1937) в заключении своего доклада на одном из религиозно-философских собраний: “...мы – больны. Россия больна, и что хуже всего – больна духом” [4, с. 131]. Трагическая раздвоенность, внутренний религиозно-нравственный конфликт, тщетные и внутренне противоречивые попытки оправдания, апологии зла – вот те «симптомы» или константные черты, присущие практически каждому герою повести.

Савинков, являясь ярким представителем Серебряного века с его характерным интересом к религиозной и духовной тематике, при написании повести часто обращается к книгам Нового Завета, создавая тем самым религиозный, христианский подтекст произведения. «Конь бледный» буквально испещрен цитатами из Священного Писания (прямыми или нет) и это имеет вполне определенную, конкретную цель. При помощи евангельских мотивов автор выстраивает сюжет повести, задает ему определенную направленность и тональность. Цитаты из Нового Завета обрамляют сюжет произведения, создают концептуальное пространство, в котором и следует искать ключ к пониманию повести «Конь бледный».

Заметим, однако, следующее: воспроизводя отрывки из Священного Писания по памяти или по тексту, герои повести, формально не искажая текст, подменяют его внутреннюю посылку, тем самым производя коррупцию и “буквы”, и “духа” Писания (2-е Кор. 3:6).

Открывающими, вводными новозаветными цитатами в повести, вынесенными автором в качестве эпиграфа, являются слова из книги Откровения и 1-го соборного послания апостола Иоанна Богослова: “...И вот конь бледный и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним...” (Откр. 6:8) / “Кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, ибо тьма ослепила ему глаза” (1-е Ин. 2:11).

Уже в эпиграфе автором как бы выносится заочный приговор практически всем членам боевой террористической группы – ее лидеру Жоржу (его прототипом, вероятно, послужил сам Савинков), мистически настроенному молодому революционеру Ване и бывшему пресненскому рабочему, кузнецу Федору. Во-первых, каждый из них “ходит во тьме” уже потому, что общим, генеральным мотивом их деятельности, выступает ненависть. Во время одной из бесед Ваня обращается к Жоржу со следующим вопросом: “Чем, милый, живем? Ведь голой ненавистью живем. Любить-то мы не умеем. Душим, режем, жжем. И нас душат, вешают, жгут. Во имя чего? Ты скажи. Нет, ты скажи” [12, с. 28]. Федор, видя дорогие платья представительниц высшего света, загорается злобой и говорит: “Бомбой бы их всех, безусловно” [12, с. 59]. Жорж, главный герой и рассказчик, на протяжении всей повести не раз признается в ненависти к великому князю. Вот один из самых ярких моментов: “Я ненавижу его точеный дворец, резные гербы на воротах, его кучера, его охрану, его карету, его коней. Я ненавижу его золотые очки, его стальные глаза, его впалые щеки, его осанку, его голос, его походку. Я ненавижу его желания, его мысли, его молитвы, его праздную жизнь, его сытых и чистых детей. Я ненавижу его самого, – его веру в себя, его ненависть к нам. Я ненавижу его” [12, с. 72].

Концептуально повествование разворачивается вокруг двух главных героев – профессионального и хладнокровного боевика Жоржа и экзальтированного, мистически настроенного бомбиста Вани. Сама личность Вани, идеи, которых он придерживается, оппонируют мировоззрению Жоржа. Не только противостояние боевой группы и великого князя образует сюжетообразующую оппозицию. Бинарная оппозиция Жорж–Ваня в идейном плане также является центральной для повести.

Ваня, некогда, находясь на пороге смерти, пережил обращение к Богу. Он активно читает Священное Писание, заучивает его наизусть и чаще всех в повести цитирует текст Библии. При этом христианство Вани не является церковным. Следствием этого становится произвольное толкование Писания,

вчитывание в библейские строки своих мыслей и настроений. Если Жорж, профессиональный боевик, убивает “во имя террора” [12, с. 12], который составляет его собственный *modus vivendi*¹, то Ваня идет на убийство религиозно-осмысленно. Себя он представляет буквально “агнцем, ведомым на заклание” (Иер. 11:19), тем, кто призван и не может не совершить убийство. Принося себя в жертву, Ваня, произвольно или нет, отождествляет себя со Христом. Описывая свое внутренне состояние, Ваня говорит: “Вот я иду убивать, и душа моя скорбит смертельно” [12, с. 14]. “Душа моя скорбит смертельно” (Мк. 14:34) – это слова Спасителя, обращенные к апостолам перед Гефсиманской молитвой, за которой последовало предательство Иуды и предание Христа на смерть.

Примечательно, что образ Вани родственен и созвучен образу Иуды, правда, не евангельского, а андреевского. В 1907 г. была опубликована повесть Л.Н. Андреева (1871–1919) «Иуда Искариот», в которой автор предпринимает попытку понять мотивировку предательства Иуды не только на психологическом, но и на философско-этическом уровне. Иуда, согласно сюжету, приносит себя в жертву ради торжества Христа, своего любимого Учителя. Он принимает на себя роль предателя, позволяет заклеить себя в истории, добровольно соглашается на оболгание, ради победы Иисуса Назарянина и Его учения². Парадоксальным образом, Иуда предает Христа во имя любви к Нему же: “Да! Целованием любви предаем мы тебя. Целованием любви предаем мы тебя на поругание, на истязания, на смерть! Голосом любви скликаем мы палачей из темных нор и ставим крест – и высоко над теменем земли мы поднимаем на кресте любовью распятую любовь” [1, т. 2, с. 247]. Любовь ко Христу становится здесь главным действующим мотивом предательства и преступления.

Этим же мотивом движем и герой «Коня бледного» бомбист Ваня, непосредственный убийца великого князя. Он формулирует целую теорию

¹ «Что бы я делал, если бы не был в терроре? Я не знаю. Не умею дать на это ответ. Но твердо знаю одно: не хочу мирной жизни» [12, с. 84].

² Более подробный анализ повести дан в статье Р.С. Спивак [14].

оправданного убийства, основывая ее на словах Христа: “Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих” (Ин. 15:13). Когда Жорж предлагает верующему Ване отказаться от террора, тот заявляет: “Как можешь ты это сказать? Как смеешь? ... я не могу не убить, ибо люблю. Если крест тяжел, – возьми его. Если грех велик, – прими его. А Господь пожалеет тебя и простит” [12, с. 14]. Ради торжества любви и Божьей правды Ваня готов идти на убийство и даже призывает к этому: “Убий, чтобы не убивали. Убий, чтобы люди по Божьи жили, чтобы любовь осветила мир” [12, с. 63].

При этом, в отличие от своего товарища Генриха, Ваня не верит в пустой идеал устройства на земле социалистического рая. Недостаточно того, чтобы люди были просто свободны, сыты и довольны. “Нужно еще, нужно, чтобы люди друг друга любили, чтобы Бог был с ними и в них. Про Бога-то, про любовь-то забыли” [12, с. 29] – добавляет Ваня. Он верит в “революцию крестьянскую, христианскую, Христову” [12, с. 29], которая совершается “во имя Бога, во имя любви” [12, с. 29]. Любовью совершается злодеяние ради торжества Бога и любви. В этом мотиве, на наш взгляд, заключена важная интерконцептуальная связь между повестями Андреева и Савинкова.

Нарочитая духовность Вани (которого Жорж даже сравнивает с “приходским попом” [12, с. 32]), обилие в его речи славизмов, частое цитирование Писания, открыто декларируемая вера во Христа — все это, при более вдумчивом рассмотрении, оборачивается псевдодуховностью, лживым и немощным христианством. Апология убийства на протяжении всей повести исходит не от хладнокровного и расчетливого Жоржа, а от верующего во Христа Вани. Христианство Вани, а можно сказать, что и Христос Вани, немощен, слаб и не способен исцелять и преображать людей.

Чрезвычайно показателен в этом смысле следующий эпизод. Сидя на скамье в сквере у Храма Христа Спасителя, Ваня вынимает “черное, в кожаном переплете Евангелие” [12, с. 61] и зачитывает Жоржу несколько отрывков из Священного Писания. Первый из них – воскрешение Христом Лазаря Четверодневного (Ин. 11:38-44), встреча Марии Магдалины с воскресшим

Спасителем у гроба (Ин. 20:11-16), верование Фомы в воскресение Христа (Ин. 20: 24-29). Если в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского Евангелие читает проститутка Соня, то в повести Савинкова – революционер и террорист. Соня приступает к чтению священного текста со священным же трепетом, часто прерываясь и останавливаясь, “дрожа и холодея, как бы воочию сама видела” [6, с. 251] чудо, совершаемое Христом. Она всем своим существом внимает “живому Слову Самого Бога воплотившегося” [7]. И ее одухотворенное, исполненное веры чтение, как мы знаем, имеет воскрешающую, спасительную и преображающую силу для Раскольниковца.

Не то мы видим в повести «Конь бледный». Ваня часто, без внутреннего трепета цитирует Евангелие, к которому, по словам одного древнего святого, следует прибегать “как к Плоти Иисуса” [10, с. 336], т.е. как бы к Самому “телесно присутствующему «здесь, теперь и сейчас» Господу” [7]. Более того, читая Евангелие и номинально веря во Христа, он открыто объявляет кощунственной шестую заповедь Декалога “не убий” (Исх. 20:13). “Черное” [12, с. 61] Евангелие Вани вступает в контраст с “белым храмом” [12, с. 60] Христа Спасителя, Христос Вани не спасает, он не есть “муж силы и истины, исцеляющий расслабленных” [11], но “расслабленный, который сам требует исцеления” [11]. Псевдохристос Вани, е мгуций исцелить и преобразить н Жоржа, ни его самого, оборачивается Антихристом, т.е. тем, кто подменяет собою Христа¹.

Тема Антихриста является неотъемлемой частью апокалиптической темы, которая создает общий контекст повести и безусловно является в ней доминирующей. Наступление последних времен, согласно свидетельству Писания, определяется, в том числе, двумя следующими показателями: появление множества “антихристов” (1-е Ин. 2:18), т.е. лжецов и обманщиков, искушающих учеников Христа и оскудение любви (Мф. 24:12), предсказанное Спасителем. Персонажи повести не способны любить, не находят в себе силы

¹ Греческая приставка *ἀντι-* переводится не только как «против», но и как «вместо». Поэтому словом *Ἀντίχριστος* обозначается как того, кто противостоит Христу, так и тот, кто Его подменяет.

для того, чтобы любить. После совершения теракта Ване из тюрьмы удалось передать своим товарищам записку, в которой, между прочим, звучит следующее признание: "...я не знал в себе силы жить во имя любви и я понял, что могу и должен во имя ее умереть" [12, с. 104]. При этом ранее, в беседе с Жоржем сам же Ваня утверждал, что гораздо легче отдать людям свою смерть, чем свою жизнь, "изо дня в день, из минуты в минуту жить любовью, Божьей любовью к людям, ко всему, что живет" [12, с. 32]. Все главные действующие персонажи повести, за исключением Жоржа и Генриха, погибают, забирая с собой большое количество невинных жертв (9!).

Организатор боевой группы, Жорж, выступает главным проводником и руководителем этого, как ему представляется, контролируемого хаоса. Сама его личность является как бы персонализацией Апокалипсиса. Вот что он говорит о себе в начале повести: "Я не хочу знать будущего. Я стараюсь забыть о прошедшем. У меня нет родины, нет имени, нет семьи" [12, с. 11]. Он "терял самого себя" [12, с. 75], сам себе был и остается чужим [12, с. 75]. Он не понимает, как можно "верить в любовь, любить Бога, жить по любви" [12, с. 86]. Он одинок и в физическом и в метафизическом планах бытия, поскольку презирает человека и отвергает Бога. Он – вечно мятущийся дух борьбы и мятежа, который "не может не бороться" [12, с. 132]. Он символизирует и являет в своем облике ангела смерти, посланника и провозвестника смерти: "нет любви, нет мира, нет жизни. Есть только смерть" [12, с. 76]. Все вышесказанное уподобляет Жоржа сатане, темному и злему духу, который вошел в его сердце (Ин. 13:27). Примечательно в этом плане то, что образ "звезды утренней" (Откр. 2:28), часто употребляемый Жоржем, в некоторых святоотеческих источниках истолковывается именно как образ Сатаны, мятежного и падшего ангела, низвергнутого Богом с небес [подробнее см.: 13]. Жорж собственными руками устроит апокалипсис в своей душе и вокруг себя. Слова, сказанные выдающимся богословом Русского Зарубежья архимандритом Киприаном (Керном) (1899–1960) о том, что "Царство Божие не есть теократическая идиллия, а категория нашей духовности" [9], верны и в

обратном, противоположном смысле. Наступление Апокалипсиса определяется, в первую очередь, не глобальными потрясениями и катаклизмами, но общим состоянием духовности человечества, чистотой и праведностью человеческих сердец.

Завершая наш краткий обзор, отметим, что на общую духовную дезориентацию героев повести, их потерянности, прекрасно указывают строки французского поэта П. Верлена (1840–1896), которые Жорж напоминает себе в начале произведения. Ниже приведен перевод стихотворения «Un grand sommeil noir» (фр. «Огромный черный сон») на русский язык:

Огромный, чёрный сон
Смежил мне тяжко вежды.
Замри, ненужный стон,
Усните, все надежды!

Кругом слепая мгла.
Теряю я сознание,
Где грань добра и зла...
О, грустное преданье!

Я – колыбель. Слегка
Её качает в нише
Незримая рука.
О, тише, тише, тише! [3, с. 82].

Все герои, исключившие евангельского Христа из своей жизни, или же подменившие Его псевдохристом, обречены “ходить во тьме” (1-е Ин. 2:11), а точнее, дословно следуя греческому тексту 1-го Соборного послания апостола Иоанна Богослова, они обречены “блуждать” во тьме не находя выхода, потому что тьма ослепила им глаза (1-е Ин. 2:11). Постоянно цитирующий слова Спасителя бомбист Ваня оказывается, на самом деле, антихристом с маленькой буквы, искажающим смысл Священного писания. А хладнокровный эсер-

террорист Жорж, этот вестник и ангел Апокалипсиса, постепенно теряя человеческий облик и человеческие характеристики, буквально развоплощает себя, оборачиваясь злым духом, служителем сатаны.

Судьба персонажей повести, бессмысленность, гибельность их злого дела и полнейшее отсутствие (реальное, а не номинальное) Христа на страницах книги, подсказывают необходимость дополнить два введенных автором эпиграфа (первый эпиграф – возвещающий, второй – констатирующий) третьим – обличительным, заключающим в себе слова древнего пророка, которые с избытком резюмируют все содержание страшной повести: “Горе тем, которые зло называют добром, и добро злом, тьму почитают светом, и свет тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое горьким!” (Ис. 5:20).

Список литературы

1. Андреев Л. *Собрание сочинений: В 6 т.* – М., 1990.
2. Архипов И.Л. *Борис Савинков: террорист и литератор* // <https://magazines.gorky.media/zvezda/2008/10/boris-savinkov-terrorist-i-literator.html> (дата обращения: 28.10.2021).
3. Верлен П. *Собрание стихов / Пер. В. Брюсова.* – М., 1911.
4. Волконский С.М., кн. *К характеристике общественных мнений по вопросу о свободе совести // Записки Петербургских Религиозно-Философских Собраний (1902-1903 гг.).* – СПб., 1906.
5. Гончарова Е.И. *Савинков // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Биобиблиографический словарь.* – М., 2005.
6. Достоевский Ф.М. *Полное собрание сочинений: В 30 т.* – Л., 1973. – Т. 6.
7. Емельянов А., прот. *Введение в Четвероевангелие* // <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/vvedenie-v-chetveroevangeliy/> (дата обращения: 28.10.2021).
8. Зыгарь М. *Империя должна умереть: История русских революций в лицах. 1900-1917.* – М., 2018.
9. Киприан (Керн), архим. *Православное пастырское служение. Часть I. Понятие науки. История Пастырского богословия в России* //

https://azbyka.ru/otechnik/Kiprian_Kern/pravoslavnoe-pastyrskoe-sluzhenie/1 (дата обращения: 28.10.2021).

10. Писания мужей апостольских. – Рига: Латвийское библейское общество, 1992.

11. Письмо Александру III. 1881 // <http://tolstoy.ru/creativity/journalismguide/79.php> (дата обращения: 28.10.2021).

12. Ротшин В. (Савинков Б.). Конь бледный. – Мюнхен, 1974.

13. Святитель Андрей, архиепископ Кесарии Каппадокийской. Толкование на Апокалипсис святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. Глава 2. – М., 2016.

14. Спивак Р.С. «Иуда Искаримот» Л. Андреева. Поэтика и интерпретация // <https://www.ippo.ru/kultura-i-iskusstvo/article/iuda-iskariot-l-andreeva-poetika-i-interpretaciya-202901> (дата обращения: 28.10.2021).

15. Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Мемуары. – Минск, 2004.

Научное издание

**РОССИЯ В МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В ГУМАНИТАРНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ**

**Материалы XI Международной научно-практической конференции
(Москва – Пенза, 29–30 октября 2021 г.)**

Сдано в производство 09.11.2021. Формат 60x84 1/16.
Бумага типогр. № 1. Печать трафаретная. Шрифт Times New Roman Cyr.
Уч.-изд л. 10,17. Усл. печ. л. 7,55. Заказ № 3011.

Пензенский государственный технологический университет
440039, Россия, г. Пенза, пр. Байдукова/ул. Гагарина, 1а/11